
АНАТОЛИЙ ТРОФИМОВ
КО ВСЕМ
БУРЯМ
ЛИЦОМ

Анатолий Трофимов

Ко всем бурям лицом

Средне-Уральское Книжное Издательство
Свердловск, 1971

$\frac{1\text{-}10\text{-}2}{14\text{—}71}$

Созданная три дня спустя после Великой Октябрьской социалистической революции, Рабоче-крестьянская милиция вместе со всем советским народом прошла большой и героический путь. Оценка ее деятельности на протяжении более полувековой истории четко выражена в названии предлагаемой читателю книги А. Трофимова «Ко всем бурям лицом». Никакие невзгоды, лишения, трудности, выпавшие на долю советской милиции, не могли сломить ее воли, мужества, поколебать у ее людей веру в правое дело.

Книга А. Трофимова не претендует на полное освещение истории Свердловской милиции, вместе с тем дает представление о том, чем была и чем стала эта милиция. Автором изучены архивные материалы, он вел переписку и встречался со многими людьми, которые начинали свою службу в первые годы Советской власти. Все это позволило проследить боевой путь милицейских формирований, начиная с 1917 года, и увлекательно рассказать о мужестве, отваге, профессиональном мастерстве их сотрудников, о том, как вместе с молодым Советским государством мужала и крепла Свердловская милиция.

Петр Савотин, Федор Заразилов, Федор Худышкин... С ними, организаторами милиции на Урале, читателя знакомят уже первые страницы книги. Один «по собственному почину» разрабатывает структуру подразделений губернской милиции, другой учится сам и учит других мастерству советского сыщика, третий отважно громит притоны екатеринбургского жулья. Этим, еще сравнительно молодым людям, присущи и чрезмерно приподнятая романтика, и подражание популярным литературным героям, и обидная нехватка профессиональных знаний и навыков, но они крепки и цельны, они— образец беззаветной преданности делу революции, делу искоренения любого зла, мешающего молодой Советской Республике спокойно жить и плодотворно работать.

В последующих рассказах, хронологически связывающих становление и рост Свердловской милиции как одного из органов государственной власти, читатель может проследить за качественным изменением ее кадров — сотрудников угрозыска,

следователей, криминалистов и работников других служб. «Наган без шомпола», «Шла война», «Демьянов Барс», «409 рубинов» и другие остро сюжетные и занимательные главы, как вехи, ведут читателя к сегодняшнему дню, знакомят со сложной, разнообразной, а порой и опасной работой милиции, вооруженной новейшей криминалистической техникой и совершенными формами борьбы с преступностью; с работой, которая затрагивает интересы сотен тысяч людей и проходит в постоянном общении с народом. Заключительные главы показывают подлинное лицо современной милиции, призванной верно и добросовестно служить народу.

«Ко всем бурям лицом» — повествование о прошлом и настоящем Свердловской милиции, познавательное и одинаково интересное для любого круга читателей.

Л. П. Монетов, полковник,
заместитель начальника управления
внутренних дел
Свердловского облисполкома

Конец курчавого артиста

11 ноября 1923 года
Город Екатеринбург

Старый номер «Уральского рабочего», которым был застлан стол, выполнял сразу несколько функций: заменял дефицитное стекло, под которое можно положить несрочные бумаги, снабжал посетителей обрывками для «козьих ножек» и нес некоторую идеологическую нагрузку. Начальник губернской милиции Петр Григорьевич Савотин всякий раз, когда сердито вертел ручку телефонного аппарата, перечитывал заметку с успокаивающим заголовком: «Екатеринбург будет иметь новую телефонную станцию».

И сейчас, потянувшись к дребезжащему аппарату, Петр Григорьевич, прищурившись, нацелил очки с толстыми стеклами на текст, пощаженный курильщиками.

— Это ты, Федор? Что случилось? — спросил Савотин, с трудом узнавая мягкий, женственный голос начальника уголовного розыска Федора Заразилова. Голос этот и под стать ему внешность двадцатипятилетнего красавца позволяли Федору производить по долгу службы такие операции, о кото-

рых потом рассказывали были и небылицы. Но бесспорной правдой было то, что Заразилов, конник-красногвардеец в прошлом, не боялся ни бога, ни дьявола.

Нередко знакомый парикмахер из гостиницы «Пале-Рояль» его сходство с «дамским сословием» доводил до кондиции, и начальник губернского уголовного розыска под видом какой-нибудь разбитной Маруси пробирался в «малины» екатеринбургского жулья. Позже эти притоны под корень выводились милицией и ЧК.

Теперь в голос Заразилова вкралась взволнованная хрипотца.

— В Невьянске. Двенадцать человек. Всех вырезали. Даже ребятишек не пожалели, язви их в душу.

— Что решил?

— Немедленно еду. Возьму Степшу Спиценко да Колю Захарова.

— Не рано ли им? Может, с Худышкиным лучше?

— Худышкин и здесь нужен. Вот насчет транспорта когонибудь побеспокойте.

— Я сейчас к тебе. Обмозгуем.

Петр Григорьевич положил трубку и покрутил ручку телефона.

— Вокзал? Начальник губмилиции Савотин говорит. Посмотрите, что у вас ожидается в сторону Невьянска. Безразлично — товарняк, дрезина... Для начальника УГРО.

День только начинался. Савотин вышел из особняка, свернул влево и, пугая раскрылившимися полами шинели страдающих бессонницей нэпманов, широко зашагал на угол Главного проспекта и Колобовской улицы [1], где в длинном двухэтажном здании обосновался уголовный розыск. Козырнув часовому, Петр Григорьевич вбежал на второй этаж.

Федор Заразилов сидел в своем кабинете. У него мягкие черты лица, светлые, чуть вьющиеся волосы. Не требовалось острого воображения, чтобы повязать его красной косыночкой и увидеть этакую комиссаршу из агитпропа. Кожаная куртка и галифе, заправленные в жесткие краги, не портили, а дополняли этот образ.

Не вставая со стула, Федор протянул руку с телефонограммой. Савотин снял фуражку, протер очки, присел рядом.

Это было уже второе сообщение об убийстве в Тагильском уезде. 2 ноября в пяти верстах от Невьянска найден труп гражданина Клестова. Убит в упор из нагана. Грабители завладели рыжим мерином, запряженным в телегу, бочкой керосина, тремя мешками муки и тюком мануфактуры. Теперь вырезана вся семья Павла Кондюрина. Налетчики вывезли различного товара на 882 тысячи червонцев банкнота-

---

[1] На этом месте теперь Свердловский почтамт.

ми Госбанка. Как и в первом случае, они воспользовались подводой пострадавшего. На этот раз серой кобылицей, запряженной в рыдван.

— Федор, а это работа не Пашки Ренке?

— Нет. Курчавый взят третьего при облаве в Тагиле. Клестов, может, и на его совести, а вот эти двенадцать...

— Да-а... Патология чисто ренковская. С таким изуверством работает его банда.

— Похоже, Петр Григорьевич. Если не сам Ренке, то его компания. На месте разберусь.

12 ноября 1923 года
Город Невьянск

Кто такой Павел Кондюрин? Нэпман, торгующий по третьему разряду. Начиная дело, он пристроил к своей избе деревянный сруб с откидным прилавком на улице. Но коммерция захромала на обе ноги. Дом стоял на окраине, и покупатели были здесь редкие гости.

Тогда Кондюрин снял лавку на Торговой площади Невьянска. В 8 утра привозил сюда товар, а вечером, свернув все в рогожные тюки, возвращался обратно. Дело сразу пошло на лад, особенно после полученного дозволения брать мануфактуру в кредит на базах Егорьевско-Раменского государственного хлопчатобумажного треста и текстильного синдиката в Екатеринбурге.

Борода Кондюрина распушилась, туже стали застегиваться жилетные пуговицы. В комнатах нельзя было пройти, не задев сундуков с певучими врезными замками. Эти хранилища, обитые жестяными полосками и пахнущие нафталином, пополнялись гарусными, с блестками, платьями, шубами с выхухолевыми воротниками, касторовыми пальто, папахами из барсука, кружевными накидками. А сейчас ничего не было — ни богатства, ни людей, которым оно предназначалось.

Расследованием преступления занимались следователь Невьянской прокуратуры Петр Иовлев, инспектор Екатеринбургского уголовного розыска Степан Спиценко и совсем юный, вихрастый агент Коля Захаров. Возглавлял опергруппу Федор Григорьевич Заразилов. Он и подводил итоги вечером 12 ноября.

Заразилов стоял, прислонившись спиной к русской печке. Следователь Иовлев, пожилой, тучный, с голым черепом, возился у самовара. Спиценко и Захаров сидели на лавке, осунувшиеся, немного ошалелые от всего, что пришлось увидеть и услышать за этот день. Глядя на Иовлева, обыденно готовящего чаепитие, Коля Захаров с трудом сдерживал подступающую к горлу тошноту. Какой тут к черту чай, когда за стеной, в холодном чулане, лежат двенадцать трупов!

Заразилов понимал состояние молодых друзей, но вида не подавал.

— Ну-с, что мы имеем? А имеем мы вот какую картину. В банде было два или три человека. Приехали на телеге с колесами на железном ходу. Надо полагать, что Кондюрины знали их раньше. В семьях, где сундуки набиты добром, незнакомцев просто так не пускают. А женщины ворота открыли. И подводу во двор ввели, и лошадь накормили, и гостям самовар вскипятили. Вот этот самый, с которым наш уважаемый следователь возится. Скоро у тебя, Петр Капитонович?

— Посвистывает уже. Заварки вот нету.

— А ты поищи в горке. Неуж у купца не найдется? Ну, попили они чаю и послали тринадцатилетнюю Алевтину за хозяевами. «Скажи, что приехали дом покупать». О том, что Кондюрин новые хоромы строит неподалеку от торговой площади, весь Невьянск знает. До торговой площади три с половиной версты, да столько же обратно. Лавку закрыть, товар погрузить не менее получаса надо. Хватит, чтобы с женщинами и детишками расправиться, сундуки очистить?

Захаров и Спиценко согласно кивнули.

— Так они и сделали, язви их. А потом? Что потом было? Скажи вот ты, Коля.

Коля Захаров отогнал позорные для сотрудников УГРО думы о трупах и ответил:

— Потом приехали отец и сын Кондюрины. Ввели подводу с тюками товара во двор...

Иовлев оторвался от самовара, по-птичьи склонил лысую голову:

— Почему ты решил, что именно так было? Может, банда нагрянула, когда дома все находились?

— Ничего подобного! След кондюринского рыдвана проходит по следу бандитских колес. Да и девчонку видели, как она прибегала звать отца.

Иовлев на это возражение ничего не ответил и снова стал дуть в щелястый поддон самовара, откуда выпорхнул пепел и усеял столешницу. Заразилов одобрительно хмыкнул в сторону подчиненных и кивнул Коле Захарову, мол, продолжай.

— Ввели подводу. Старик хотел распрягать. Видели, у него и сейчас рукавицы за пазухой? Но тут его стукнули железной занозой по голове. А Павла Кондюрина не сразу убили. Деньги требовали. У него вон все руки кинжалом изрезаны. Пытали. А девчонка, наверно, бежать удумала. Догнали — и лопатой.

— Верно мыслишь, Степша. Но какие деньги? Дневную выручку? Это не так много, чтобы на мокрое дело пойти.

Степша расстегнул клапан кармана, вынул какие-то бумажки и, заглядывая в них, сказал:

— Павел Кондюрин характеризуется в банке очень аккуратным плательщиком. Срок его векселей истекал двенадцатого...

Заразилов продолжил его мысль:

— Двенадцатого понедельник. Значит, наличные деньги для уплаты по векселям Кондюрин должен был иметь в субботу. В субботу его и ухлопали. Могли преступники знать об истечении сроков уплаты?

Степан Спиценко ответил:

— Да, утром десятого в банк приходил гражданин, интересовался у служащего этими сроками. Сказал, что должен двенадцать тысяч червонцев Кондюрину, который требует вернуть их. Если Кондюрину рано платить по векселям, то он, этот гражданин, погодит отдавать...

— И этот гражданин, — перебил Заразилов, — был одет... Ведь ты догадался, Степша, спросить, как он был одет? И тебе служащий банка сказал, что должник Кондюрина одет в синюю суконную поддевку, а на голове — лохматая шапка из волчатины.

Спиценко заморгал глазами.

— Я спросил. Именно так и сказали — в волчьей шапке. Но вы-то откуда знаете?

— Я не знаю. Я только подумал. И вот почему. Жертвы связаны новым ламповым фитилем. Я прогулялся по торговым лабазам и познакомился с некой начинающей коммерсанткой Марфой Шарафутдиновой. Утром она продала четыре аршина тесьмы. У остальных торговцев или нет такого товару, или не продали ни вершка. Запомнить поддевку и шапку покупателя, который берет черт-те сколько лампового фитиля, не так уж трудно.

Федор Заразилов, сверкнув темными лукавыми глазами, добавил:

— Мало того, я еще знаю, что у этого человека не было одного переднего зуба.

— Марфа сказала?

— Нет. Она сказала, что кроме фитиля, он купил пачку папирос «Ада». Вот окурок такой папиросы. Я его подобрал здесь, у крыльца. Видишь, вмятины от зубов? По краям вдавлено, а посередине — нет.

Степша усомнился:

— Может, как-то получилось по-другому? Может, зубы все есть?

— Ну и черт с ним, — миролюбиво согласился Заразилов.

Петр Иовлев проговорил:

— Шер-рлоки...

— А что, что? — заегозил Коля Захаров. — Разве не надо? Я вот тоже. Я вот знаю, что один был обут в сапоги с косой колодкой номер двадцать семь. Под навесом, где девчонка убита, след есть. Ведь надо, Федор?

— Да, надо. В нашем деле все надо, Коля... Тем более, что такой след обнаружен и около трупа Клестова, застрелен-

ного второго ноября. Итак, подведем итоги. Бандитов было двое или трое. Один в синей поддевке и волчьей шапке. У второго сапоги с косой колодкой номер двадцать семь. Приехали на телеге. Лошадь, надо полагать, та самая, которую взяли у Клестова,— рыжий мерин. Теперь у них еще и рыдван с серой кондюринской кобылицей. Будем искать. Будем искать волчью шапку, рыжего мерина, суконные тулупы, платья с блестками...

14 ноября 1923 года
Город Нижний Тагил

Дверь обита железом, в ней на высоте человеческого роста — квадратное оконце размером в ладонь, прикрытое прутьями решетки. К косяку и двери прибиты две железные скобы, охваченные дужкой увесистого замка.

Андрей Шашуков, двадцатилетний милиционер, почти неотрывно смотрел на зарешеченный квадратик и внутренне вздрагивал, когда в нем появлялись два голубых жгучих глаза. Вот и опять они выставились. Пересиливая робость, Андрей пристукнул прикладом винтовки в стертые половицы исправдомовского коридора, со всей строгостью, на которую был способен, приказал:

— Эй, ты, убери гляделки, не то штыком пырну.

Арестованный укоризненно произнес:

— Ах, как это жестоко, дружочек. Здесь же темно, крысы бегают...

— Поговори вот еще...

Андрей Шашуков, когда его назначили охранять двух убийц, содержащихся в исправдоме № 8, готовился к встрече со звероподобными дядьками: и рост — головой в потолок, и черная тряпица — наискось по глазу, и нечесаные бороды. А оказалось — мужики, как мужики. Этот курчавый, с голубыми глазами, вообще черт знает что. Господинчик. Чуть старше его, Шашукова. А голос.. Запоет — артист да и только!..

Отогнав голубоглазого от двери, Андрей нащупал бумажку в кармане штанов, поднес к глазам. На круглом, простодушном лице его появилась ухмылка.

— И фамилии-то... Николай Зось, Павел Ренке... Не иначе из буржуев. Ишь, опять горло дерет.

Из камеры доносился приятный, хорошо поставленный альт Ренке:

Сиреневый купол навис над горами,
Осыпанный россыпью звезд.
Душой изнуренный, я мчуся за вами
На крыльях несбыточных грез.

Милиционер сердито пнул в железную обивку, и она загремела, как бросовое корыто.

— Ты чего казенные сапоги бьешь? — раздалось над ухом Андрея Шашукова.

Занятый своими думами, Андрей не заметил появления старшего милиционера Быкова.

— Да вот, Егор Сергеевич, бандюга этот.

— Ладно. В больницу приказано отвести. Отпирай.

Шашуков загремел запором, распахнул тяжелую скрипучую дверь, крикнул в затхлую темноту:

— Подследственные, выходи!

Первым вышел Павел Ренке, невысокий шатен с крючковатым носом. Он застегнул куртку из телячьей шкуры, вспушил пальцами нежный мех котиковой шапки и прикрыл ею курчавую голову. Зось одет был менее шикарно. Примечательной была лишь новая австрийская шинель.

Егор Сергеевич строго осмотрел арестованных и, не глядя на Шашукова, бросил ему:

—Поведешь ты. Гляди в оба. Заерепенятся — бей из винта без разговоров.

— Да уж не сплошаю, Егор Сергеевич.

...Сплоховал Андрей. Слишком неравными оказались силы. Неожиданно остановившийся Зось ударил конвоира в висок. Падая, Андрей нажал на спусковой крючок. Пуля угодила бандиту в переносицу. Второго выстрела не последовало. Ренке кошкой бросился на упавшего Андрея и мертвой хваткой вцепился в горло.

Так и нашли Андрея Шашукова на пустыре, поверженного навзничь, обсыпанного семенами переспевшей лебеды.

Павел Ренке исчез.

21 ноября 1923 года
Город Нижний Тагил

Если бы начальник губернской милиции Петр Григорьевич Савотин видел в эти дни своего молодого друга Федора Заразилова! Но он не мог его видеть. Мотается Федор по Тагильскому уезду. Изнурительная, напряженная работа высушила начальника УГРО.

Не лучше выглядели и другие члены оперативной группы: Степша Спиценко стал непривычно раздражительным, у Коли Захарова куделистые вихры сбились в кошму, со щек исчез румянец. Ошеломленные преступлением в Невьянске, парни так и оставались в этом состоянии. Шаг за шагом приближаясь к раскрытию преступления, они объехали десятки деревень, опросили сотни жителей. Следы все уверенней вели их в Нижний Тагил.

13 ноября в Нижнем Тагиле сотрудники УГРО остановились на частной квартире под видом плотников, ищущих работы. Федор приказал Спиценко и Захарову немедленно ложиться спать, а сам, чтобы закрепить легенду о безработных «шабашниках», взялся помогать хозяину рубить для бани сруб. Да так и протюкал топором до самых сумерек. А на следующий день — побег Павла Ренке, убийство милиционера Шашукова.

Что, если дерзкий побег совершен не случайно, а был подготовлен? Тем более, что не удалось дознаться, кто же звонил в исправдом и распорядился вести заключенных в больницу. Если же побег подготовлен, кто соучастник? Не те ли, кого ищет он, Заразилов?

И чем больше думал об этом Федор, тем крепче утверждался в своем предположении. Прежде всего он узнал все подробности о Павле Ренке. Нижнетагильский плотник, он два года назад был призван в Красную Армию. Имея неплохой голос, играл на сцене красноармейского театра. Там спутался с увядающей заезжей балериной, содержание которой требовало больших денег. Ренке обокрал полковую кассу и дезертировал. Во время скитаний возлюбленная пыталась скрыться со всей наличностью. Ренке нагнал ее уже на вокзале и на глазах толпы жестоко расправился.

Скрываясь от правосудия, сколотил шайку, с которой совершил несколько дерзких ограблений.

Задержали Павла Ренке случайно — при облаве на притоны, густо рассыпанные по реке Тагилке. Взяли вскоре после убийства Клестова, везшего в Нижний Тагил бочку с керосином, муку и мануфактуру. Ренке должен был предстать перед судом за дезертирство, ограбление полковой кассы, за убийство балерины и другие преступления.

Ну, а если убийство Клестова тоже его рук дело? Значит, тогда обладатель сапог с косой колодкой и Павел Ренке из одной банды. Это значит еще и то, что побег курчавому артисту могли подстроить его сподвижники, успевшие, пока он сидел в исправдоме, вырезать семью Кондюриных.

Так размышлял Федор Заразилов, сидя в кабинете начальника Нижнетагильской милиции. Его рассуждения прервал дежурный, без стука ворвавшийся в кабинет.

— Товарищ начальник, вот...

Следом за дежурным вошел болезненно бледный пожилой человек с бородкой клинышком и зареванный, в стоптанных пимах, парнишка. Начальник милиции взволновался.

— Что случилось, Федор Прохорович? — спросил он, узнавая в перепуганном человеке ветеринарного фельдшера городской скотобойни Урышева.

— Боже, едва унесли ноги. Я да сынишка завскотобойней. А папашка его, Куликов Дмитрий, видно, пропал. Деньги у него при себе. Сто пятьдесят тысяч.

Парнишка уткнулся носом в рукав кацавейки и снова разревелся во весь голос.

— Ладно, ладно, Костя, — потрепал его по спине начальник милиции. — Найдем твоего тятьку.

...Найти-то нашли Дмитрия Куликова, да Косте легче не стало: лежал Куликов обочь нового Тагильского тракта с двумя ранами на голове.

Вот что рассказали ветврач и Костя.

В шесть часов вечера они выехали со скотобойни на серой лошади, запряженной в кошевку. На повороте дороги из кустов выскочили двое с наганами, заставили поднять руки. Горбоносый в телячьей куртке спросил:

— Кто завскотобойней? Не ты ли, дружочек?

Куликов ответил, что он.

— Сиди и не шевелись. Вот и умница. А вы — марш с повозки.

Вскочили в кошевку, хлестнули лошадь и скрылись. Второй был в синей поддевке и меховой шапке.

Заразилов закруглил этот рассказ:

— Итак, Ренке, и тот, в волчьем малахае, сошлись вместе...

Да, в этом он не ошибался. Не ошибался, когда предполагал, что в освобождении Ренке мог участвовать еще кто-то.

Об этом начальник УГРО Заразилов узнает гораздо позже. Теперь он знал другое: соединившись в одну шайку, бандиты не задержатся в Нижнем Тагиле ни минуты, а, имея лошадей, уйдут далеко и быстро.

Не знал он главного: куда уйдут?

27 ноября 1923 года
Верхнетуринский завод

Куда уйдут? На Кушву, в Лысьвенские леса? Есть еще дороги на Черноисточинск, Невьянск, Верхнюю Салду. Есть бесчисленные тропы в притагильские горы, где, оторванные от мира, живут лучинковцы и, черт знает, еще какие сектанты. Укроются в их скитах — годами не сыщешь.

Федор Заразилов прекратил бесполезную погоню. Прибывших из Екатеринбурга агентов уголовного розыска он разослал по всем направлениям для организации поисков, сам вернулся в Екатеринбург, чтобы оттуда руководить всей работой. Но пробыл там недолго. Уже 27 ноября из Верхней Туры сообщили о том, что на Большой улице в доме № 4 зверски убита семья семидесятилетнего священника Николая Васнецова.

Туда с Заразиловым специальным поездом поехали Спиценко и Захаров.

Обстановка в доме священника напоминала кондюринскую. Исчезли шубы, драповая и суконная рясы, два самовара, будильник, золотая цепь с наперстным крестом и другие ценности.

Коля Захаров снял завязку с рук старика, положил ее перед начальником.

— Видите, Федор Григорьевич, ламповый фитиль, который продавала в Невьянске Шарафутдинова.

— А узел? Какой узел был?

— Морской, в две крестообразных петли.

Сомнений не было: в Верхней Туре побывала та же банда.

— Надо же, куда залетели, — возмущался Федор Заразилов, разглядывая затасканную в кармане карту губернии и думая о том, что ранее разосланные сотрудники уголовного розыска работают впустую. Теперь направление банды резко меняется. У нее остается открытым путь на Красноуфимск, Верхотурье, Теплую Гору, Ису. Есть и еще одна дорога — обратно на Нижний Тагил и дальше к Екатеринбургу...

Федор задумался над этим. Идти обратным путем, где переполошено все население, где чуть не на каждом перекрестке засады уголовного розыска, вроде бы, могут только сумасшедшие. Или очень дерзкие сорви-головы. А этих качеств у Ренке и его сообщников не отнимешь. Зимой, на санях, они могут пройти глухими дорогами и объявиться в самом неожиданном месте. Даже в губернском городе.

И Заразилов решает рискнуть. О возможном появлении бандитов, о их приметах он сообщает в населенные пункты, лежащие далеко на восток и север, а все силы уголовного розыска сосредоточивает на пути к Екатеринбургу.

1 декабря 1923 года
Город Билимбай

— Кого там нелегкая принесла? — крикнула Глафира Александровна, услышав настойчивый стук в ворота.

— Хозяюшка, будь добра, пусти немного обогреться.

— Да кто вы такие? — Глафира бросила лопату, которой отгребала снег от стайки, направилась к воротам. Сдвинув дубовую задвижку, вышла за калитку.

Ночная пурга стихала, но густая поземка еще металась по неровностям дорог, сыпала снегом на дощатый забор, на людей, увитых куржаком, на розвальни, мало чем отличающиеся от сугробов. Высокий, в тулупе до пят, возница снял рукавицу и стал поправлять заиндевевшие усы.

— Николай Комаров я. Коммерсант. В Екатеринбург с красным товаром еду. А это мои попутчики. Артист Родионов. Петром кличут, да Володя Агапов — студент. Тоже туда пробираются. Женихи что надо.

— Не до женихов, когда дитем обзавелася.

— Да я так, шутейно. Оттаять бы малость, чайком побаловаться. Я уж уважу тебя, хозяюшка. Бумазеи или ситчику на платье отрежу. Может, еще что приглянется — уступлю за любезность.

Глафира еще раз окинула взглядом путников и пошла открывать ворота. Не хлопать же калиткой перед носом людей в такую погоду. Вон студентик-то в очках совсем посинел. И упоминание про ситчик... Два аршина — вот тебе и обнова.

Путники ввели во двор три подводы. Усатый, назвавшийся Николаем Комаровым, распряг лошадей, насыпал в торбы овса. Артист и студент уже шмыгнули в теплую избу.

Коммерсант повозился еще у возов, вытащил из-под рогожки мешок со снедью и тоже вошел в дом.

— Хозяин-то у тебя где? Не знаю, как звать-величать тебя, хозяюшка.

— А Глафирой зовите. Не старуха еще — величать-то. Хозяин придет скоро. Подпишет бумаги на службе да и явится.

— Не угостит нас тем, чем ворота запирают?

— Чего еще! Бирюк он, что ли?

Увидев выставленную на стол подернутую инеем бутыль с самогоном и всякую закуску, вплоть до замороженного меда, лукаво усмехнулась:

— А за это дорогими гостями Аркадию-то Степановичу будете.

Когда самовар уже весело посвистывал, а гости, приняв по стакану первача, хрустели свежепросольной капустой, вернулся домой Аркадий Еловских, народный следователь пятого участка Билимбая. Подводы на дворе не очень удивили его: дом стоит на столбовой дороге и постояльцы такие — не редкость. Насторожило другое: серая и вороная кобылицы, рыжий мерин. Масти эти напоминали о чем-то. Нащупав в кармане наган, усмехнулся: «Еще не хватало, чтобы у меня за столом сидел Павел Ренке».

Приметы банды, взбаламутившей губернию, Еловских хорошо знал. Неужели она? Да нет, быть не может. Так быстро появиться здесь, в Билимбае?

Вошел в дом, разделся. В горнице, подрумяненные духовитым первачом, сидели гости. Курчавый приютился у окна, накинув на плечи телячью куртку. Еловских с трудом взял себя в руки. Сомнения исчезли — это был Павел Ренке.

— Здравствуйте, гости дорогие. Далеко ли путь держите?

— Садись, хозяин, отпробуй наше угощение. Поди тоже прозяб?

Знакомились, пожимая друг другу руки. Лихорадочно соображая, как вывернуться из этой ситуации и сообщить в милицию, Аркадий Степанович отмечал: «Ого, и у студентика кулачок-то фунта на три потянет. Если в эти три фунта да еще три вложить — закачаешься». «Артист» в это время, вынув из-за голенища кинжал, резал затвердевший на морозе мед. Глафира простодушно заметила:

— Ножичек какой страшный.

— А что? — весело отозвался усатый. — Хорошо друзей отца на печку подсаживать.

Аркадий Степанович приложил ладонь к медному боку самовара, с укором сказал:

— Остыл ведь, Глаша. Дай-ка я угольков подброшу.

Ухватив самовар за ручки, Еловских отнес его на кухню. Там поспешно на листке из блокнота попавшимся под руку цветным карандашом сынишки нацарапал: «Тов. Белобородов. Прибудь сам и 3 чел. милиционеров. Сейчас же, для задержания трех бандитов, которые заехали и остановились у

меня на квартире. Арк. Еловских»[1]. Сунул записку сынишке, шепнул:

— Павлу Андриановичу, в милицию. Одним духом!

Из горницы донеслось бренчание струн. Ренке настраивал гитару, к которой Аркадий Степанович не прикасался, пожалуй, с самой свадьбы. Настроив, запел про сиреневый купол, про изнуренную душу — песню, о которой тоже упоминалось в бумаге, разосланной начальником уголовного розыска Заразиловым.

Аркадий Степанович торопливо ощупал одежду гостей, висевшую на вешалке, из кармана тулупа вытащил браунинг, переложил к себе.

Начальник Билимбаевской милиции Павел Андрианович Белобородов не заставил себя долго ждать. Через пятнадцать минут он уже был в доме народного следователя. Оставив милиционеров во дворе, он вошел в избу.

— О-о! Да у тебя гости! Давайте знакомиться, а если рюмочку поднесете — друзьями будем.

Белобородов подошел вплотную к гостям, спросил Аркадия:

— Мои ребята на месте. Ты готов?

— Как штык.

Сидящие за столом не успели вникнуть в смысл разговора, как Белобородов, протянувший «коммерсанту» ладонь для знакомства, заломил его руку за спину, повалил с табурета. Аркадий выхватил из карманов наган и браунинг, крикнул:

— Ни с места! Уложу из вашей же пушки.

Арестованных заперли в арестной камере, охранять приставили милиционеров Ивана Медведева и Михаила Оборина. Белобородов, оседлав лошадь, ускакал на Шайтанский завод[2], где находился с группой агентов уголовного розыска Федор Заразилов. Еловских, собрав понятых, занялся описью поклажи, увязанной на дровнях. Не успел Белобородов отъехать от Билимбая и одной версты, как в здании милиции поднялся переполох, затрещали винтовочные выстрелы.

Оборин и Медведев — опытные милиционеры, но и они не смогли всего предусмотреть. Только успели навесить замок на дверь камеры, «коммерсант» стал барабанить и проситься «до ветру». Медведев снял затвор с предохранителя, проворчал:

— Ишь, нетерпеж. Выходи.

Дверь резко распахнулась. Иван Медведев инстинктивно вскинул винтовку, но тут же свалился от удара ногой в живот. Оборин успел выстрелить, но пуля только задела «студента». Завладев винтовками, бандиты выпустили в мили-

---

[1] Стилистика подлинника сохранена полностью.

[2] Теперь город Первоуральск.

ционеров по несколько пуль, выскочили во двор. У забора стояла лошадь, запряженная в широкую кошеву. Через минуту она уже мчалась, как бешеная.

3 декабря 1923 года
Город Екатеринбург

В зале сидели, не раздеваясь. Декабрьская стужа проникла и сюда, через каменные стены театра. Петр Григорьевич Савотин зябко ежился, шевелил стылыми пальцами в сапогах.

Шла общегородская партийная конференция. Докладчик, перебирая листки, хрипловатым голосом сыпал на публику вереницу цифр. Речь шла о близких и понятных делах. Петр Григорьевич, самодеятельно греясь, узнавал, что в условиях нэпа в Екатеринбурге начался рост заработной платы. А вот в каких размерах, несмотря на сокращенный рабочий день, поднялась производительность труда, начальник губмилиции узнать не успел. Пригибаясь, звеня оторвавшейся подковкой, меж рядами прокрадывался милиционер с повязкой на рукаве. Обволакивая Савотина паром, он прошептал ему на ухо:

— Товарищ Заразилов прибыли. Вас просят.

Во дворе уголовного розыска стояли две подводы. В санях по трое сидели арестованные, окруженные пятеркой конных милиционеров.

Савотин поднялся в кабинет начальника уголовного розыска. Заразилов, прижавшись грудью к изразцам печки, грелся. Поздоровались. Савотин протер запотевшие очки.

— Ну, рассказывай.

— Взяли шестерых. Народец — хоть сейчас к стенке. А те трое, язви их в душу, ушли. Ренке. Ну, о нем говорить нечего — знаете. Второй — Комаров. Никакой он не Комаров, а Кислицин Николай Евстигнеевич.

— Тот самый?

— Тот самый.

— Ошмарину сообщили?

Заразилов улыбнулся спекшимися губами, отрицательно покачал головой.

— Возьмем — тогда.

Ошмарин — уполномоченный ОГПУ. В 1922 году Кислицин, приговоренный к расстрелу, ушел из-под стражи. Во время облавы на станции Екатеринбург-I беглец укрылся в мусорном ящике, наблюдая в щель за действиями работников милиции и ОГПУ. Когда обстановка разрядилась, Кислицин написал записку и опустил ее в почтовый ящик. В ней было сказано: «Ошмарину. Сообщаю вам, что я жив и здоров и прошу вас не затрудняться. Проверку документов я видел. Думаю, что еще встретимся. Кислицин» [1].

---

[1] Ошмарин Георгий Георгиевич живет сейчас в д. Гилево, Белоярского района.

Улыбаясь, именно этот эпизод и вспомнил Заразилов.

— Третий, — продолжал он, — назвавшийся в Билимбае Агаповым, Семенов Тимофей Михайлович. Он такой же студент, как я протоиерей кафедрального собора. Конокрад в прошлом, бандит и убийца — в настоящем... Вот эта троица, возглавлявшая банду, тю-тю... Но...

— Что — но?

— Пашка Ренке здесь, в городе. Возьму его сам.

— Это как понимать?

Заразилов оторвался, наконец, от печки, сел на загудевший пружинами диван и подробно рассказал, что произошло после побега главарей банды из Билимбаевской милиции.

В тот же день Заразилов с Белобородовым подняли местных коммунистов и комсомольцев, вооружили чем могли и, преследуя Ренке, в лесной землянке захватили этих шестерых.

Всего в банде было двенадцать. Ренке, Кислицин и Семенов держали их в ежовых рукавицах, себе из награбленного брали львиную долю. После убийства семьи священника они потеряли покой. Чувствуя, что милиция наступает на пятки, что кольцо сжимается и вот-вот превратится в обыкновенную веревочную петлю, они решили бросить соучастников, распродать вещи и податься куда-нибудь в другую губернию.

30 ноября бандиты нагрузили три воза и тронулись к Екатеринбургу. Остановка в Билимбае едва не стоила им жизни. Вырвавшись, они вернулись на основную базу, скрытую в глухой чащобе. И на этот раз главарю Ренке удалось обмануть своих сообщников. Он заверил их, что возы с товаром укрыты в надежном месте, что дня через два они все вместе уедут в Челябинск. Ночью Ренке, Кислицин и Семенов, вооружившись до зубов, скрылись.

— Но почему ты решил, — прервал Савотин рассказ Заразилова,— что Ренке в Екатеринбурге?

— Среди этих шестерых есть брат того Зося, который убит конвоиром в Тагиле. Ренке много ему доверял и как-то назвал дом Кащеева на Успенской [1], где он может укрыться от любой грозы. Зось зол на Ренке, за гибель брата и будет рад, если Курчавый окажется за решеткой. Вот поэтому он и выложил все начистоту.

18 декабря 1923 года
Город Екатеринбург

Вечером восемнадцатого к Заразилову прибежал один из помощников, выставленных у дома Кащеева. Возбужденный, он выпалил:

— Федор Григорьевич, у Кащея — гость.

Возбуждение инспектора УГРО было понятно: две недели к Кащееву никто из посторонних не заходил. Это — первая

[1] Теперь улица Вайнера.

ласточка. Настроение наблюдателя передалось и Заразилову, но тот охладил его:

— Только, Федор Григорьевич, Ренкой там не пахнет. Какой-то тип бородатый. Армяк на нем затасканный, пимишки разбиты вдрызг.

— Как Кащеев себя ведет?

— За водкой бегал...

— Вот что, малый. Знаешь Наташку из «веселого» дома? Найди живой или мертвой и волоки... Приведешь ее в «Пале-Рояль» к парикмахеру. Да так, чтобы ни одна собака не видела.

Через час инспектор позвонил и доложил, что Наташка уже в гостинице, сидит у парикмахера в комнате и ревет, пьяная холера.

Парикмахер гостиницы «Пале-Рояль», низенький, прилизанный, с узенькой и понятливой мордочкой старикан, учтиво встретил Заразилова.

Он запер заведение, накинул на гвоздь фанерку с неопределенным по смыслу уведомлением: «Ушел по делам службы» и повел Заразилова в свое жилье — в один из номеров гостиницы.

— Под Наташку хотите работать? — спросил старичок.

— Догадливый, язви тебя в душу.

— Обличье только вот ваше... Исхудали что-то.

— Сойдет. Ночь скоро.

Наташка долго не могла сообразить, что от нее требуется, ревела, царапалась. Старичок сунул ей под нос склянку с нашатырем, успокоил и стал вдалбливать, что ей надо всего лишь на несколько часов одолжить свое платье, дошку и шаль.

Через час «Наташка», гремя армейскими ботинками (дамские сапожки Заразилов не смог напялить), вышла из гостиницы. За ней, как тень, двинулась вынырнувшая из соседнего подъезда рослая фигура агента Федора Худышкина, тезки и закадычного приятеля Федора Заразилова. На Успенской Заразилов вошел во двор одноэтажного каменного дома, поднялся на крыльцо, вынув руку из муфты, постучал косточками пальцев в дверь. Через минуту раздался голос старика Кащеева:

— Кого бог принес?

— Дедушка, это я, Наташа.

Загремела цепочка. Дед ворчал:

— Голос экий. С перепою, что ли? — прикрывая ладошкой огонек свечи, Кащеев повернулся спиной, направляясь в комнату. — Дверь-то запри, дуреха.

Заразилов вошел следом, прикидывая, где может быть гость. Дверь одна — направо. Раздумывать некогда. Стоит старику приглядеться — и маскарад будет разгадан. Зарази-

лов толкнул старика в сторону, скинул муфту, обнажив руки с двумя пистолетами, ногой распахнул дверь.

— Руки!

В ту же секунду зазвенело стекло, в клубах морозного пара метнулась тень человека и скрылась в проломе окна. Путаясь в юбке, Заразилов прыгнул следом за Ренке. То, что это Курчавый, Федор не сомневался.

На улице загремели выстрелы. «Прибьет», — забеспокоился Федор, хотя строго предупреждал Худышкина, что Ренке нужен только живым. Кроме него никто не знает, где скрываются Кислицин и Семенов.

На мостовой, взвихривая снег, катались двое. Заразилов ребром ладони ударил Ренке по шее. Тот обмяк. Худышкин поднялся на ноги.

...После первого допроса Павла Ренке Степан Спиценко выехал в Касли, а Коля Захаров — в Алапаевск. 24 ноября Кислицина и Семенова доставили в губернский уголовный розыск.

15 апреля 1924 года
Город Екатеринбург

В этот день в газете «Уральский рабочий» сообщалось: «На днях приведен в исполнение смертный приговор над главарем бандитской шайки Павлом Ренке и его подручным Семеновым».

А где же третий? Где Николай Кислицин? Неужели ему удалось избежать возмездия?

Заседание Екатеринбургского губсуда по делу банды, возглавляемой Павлом Ренке, состоялось 26 января 1924 года. После допроса свидетелей был объявлен перерыв, который продлился до... 30 января.

Дело в том, что Ренке и его сообщники ни на минуту не оставляли мысли о побеге. Как сообщалось в том же номере губернской газеты, несмотря на то, что бандиты содержались в особо строгих условиях, им удалось завязать переписку с оставшимися на свободе друзьями и даже получить от них кое-какие вещи, необходимые для побега. Но об этом стало известно охране, и замысел сорвался.

Тогда Николай Кислицин решил вырваться на свободу самостоятельно.

Процесс проходил в бывшей Американской гостинице. В перерыв Кислицин решил применить ту же, что и в Билимбае, уловку — попросился в туалет. Зевак собралось на улице порядочно. Кислицин, окруженный конвойными, лишь ступил на крыльцо, сразу бросился в толпу. Расчет простой — охрана не станет стрелять в такое скопление людей. Но молодой милиционер-конвоир не растерялся.

Он крикнул:

— Публика, ложись!

Толпа любопытных повалилась на заснеженную мостовую, лишь Кислицин продолжал бежать.

Конвойный вскинул винтовку и выстрелил.

Уголовное дело № 391 в упрощенном порядке было заслушано 30 января.

* * *

Советской власти в то время исполнилось семь лет, в этом же возрасте пребывала и Советская рабоче-крестьянская милиция, окрепшая, накопившая опыт работы по укреплению правопорядка и борьбы с преступностью.

Семь лет... Были Февральская и Октябрьская революции, был атаман Дутов, белочехи и Колчак, были раздумья и мучительные поиски новых форм охраны порядка — многое было. То были славные страницы истории нашей милиции.

Как все начиналось!

Протоиерей Крестовоздвиженской церкви Иоанн Владимирович Сторожев, сцепив пальцы пухленьких рук, прижатых к груди, расхаживал по чисто выскобленным половицам просторной горницы и перебирал в уме события последних дней.

Господи, как все это неожиданно и чудовищно! Давно ли он наставлял христианское воинство храбро идти за царя и отечество, а сегодня благословленные им солдаты ходят по улицам Екатеринбурга с красными бантами, кричат о свободе, непотребно глаголят имя помазанника божьего.

— О, господи, презри раба своего...

Иоанн Владимирович быстро и мелко перекрестил грудь, раздвинул занавески окна и, облокотясь на подоконник, уставленный пахучей геранью, стал задумчиво глядеть в заиндевелое окно. События последних дней угнетали протоиерея, не давали ему ни минуты покоя.

...Поздно вечером второго марта у городского головы Обухова собрались некоторые члены городской думы, представители земской управы, духовенства.

— Господа, — разбрасывая бороду надвое, обратился к ним отец города. — Монарх подписал манифест и отрекся от власти. В Петрограде создано временное правительство под председательством князя Львова. Это невероятно, господа, не укладывается в голове, но час назад из Перми пришло телеграфное подтверждение от губернатора Лозина-Лозинского.

— Чушь! — встряхивая усами, желчно выкрикнул ротмистр Александр Ивановский. Нижняя губа его задергалась, отвисла, глаза выпучились. — Я имею честь представлять в Екатеринбургском уезде жандармское управление губернии. Я ничего не знаю об этом и прошу, господа, не разглашать, — ударил себя по коленке крупной рукой с волосатыми пальцами. — Да, не разглашать. Нечего мутить чернь неведомо чем...

В столовой городского головы наступила тишина. Слышно стало, как за окнами, выходившими на Главный проспект[1], извозчики покрикивают на редких прохожих.

— Это не чушь, уважаемый Александр Александрович,— насупился Обухов.— И не о монархе, авторитет потерявшем, печься надо, а подумать вкупе, как управление городом удержать. Пока мы будем о царствующем доме плакаться, большевики на заводах людей поднимут да и прижмут нас к ногтю вместе с династией Романовых.

...Иоанн Владимирович устало вздохнул, нащупал босой ногой слетевший шлепанец, сел в кресло, потер ладонями лицо. Д-а, шумным было то собрание. Разошлись лишь под утро.

Услышав о большевиках, полицмейстер Никита Ключников усмехнулся и бросил:

— Для этого им надо сначала из тюрьмы выйти.

Чахоточный, с испитым лицом представитель уездного общества Кощеев перебил его:

— Выйдут, Никита Анисимович. Выйдут и нас не спросят.

Господи, какой шум поднялся! Ну, будто мужики на базаре. Ротмистр хлопнул дверью и ушел. Он настаивал, чтобы ни один газетчик не пронюхал о революции. А пронюхивать, как оказалось, и не надо было. Позвонили в редакцию «Уральской жизни». Оттуда ответили:

— Да, мы знаем. Сообщение уже заверстано на первой странице.

Тогда-то Ивановский и сотряс косяки дверью. Шмыгнул за ним и полицмейстер Никита Ключников.

Известие о свержении царя взбудоражило Екатеринбург. Демонстрации, митинги, охрипшие ораторы. Но, слава богу, кажется, все встанет на свое место. 4 марта на митинге в городском театре либеральная буржуазия создала новый орган государственной власти — Комитет общественной безопасности, всецело подчиняющийся Временному правительству, а при нем — исполнительную комиссию, членом которой избран и он, страстотерпец, слуга божий, Иоанн Владимирович Сторожев.

Протоиерей взял листок бумаги и, обмакнув перо в чернильницу, ломающимся почерком стал писать:

«В исполнительную комиссию Екатеринбургского Комитета общественной безопасности. От члена сего Комитета — делегата от Екатеринбургского городского духовенства протоиерея Иоанна Владимировича Сторожева.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Общему собранию членов Комитета безопасности угодно было оказать мне высокую честь избранием в состав секции

---

[1] Ныне проспект Ленина.

по разработке вопросов в связи с организацией городской милиции.

Позволяю себе довести до сведения Комиссию о своем адресе: г. Екатеринбург, Васнецовская ул.[1], *дом № 170.*

1917 года, марта 17 дня»[2].

Неужели с этого документа началась история уральской милиции?

Так, но не совсем.

Ослабленная арестами большевистская организация Екатеринбурга накануне Февральской революции едва насчитывала в своих рядах 40 человек. Пользуясь этим, буржуазия создала Комитет общественной безопасности, в который от городской думы вошло 11 человек, от войск — 7 и от рабочих и общественных организаций — 8.

Большевики добились того, что во вновь созданный орган, не отрываясь от деятельности в Совете рабочих и солдатских депутатов, вошли их представители.

6 марта 1917 года заседал Комитет общественной безопасности. В протоколе № 2 отмечалось, что было заслушано «письменное заявление учеников 8 класса мужской гимназии и 7 класса реального училища» о предоставлении себя в распоряжение Комитета и в народную милицию». Затем докладывали комиссары «о мерах, принятых ими к обезвреживанию действий епископа Серафима и игуменьи женского монастыря», о том, что «городской голова Обухов А. Е. все распоряжения исполнительной комиссии исполняет немедленно и беспрекословно». И, наконец, запись выступления А. И. Парамонова:

«Комиссар Парамонов докладывает о выполнении им совместно с комиссаром Малышевым поручения арестовать губернского жандармского ротмистра и архива при нем... При обыске казенное и лично принадлежащее ротмистру оружие отобрано, дела опечатаны... Жандармские унтер-офицеры разоружены и отправлены в распоряжение воинского начальника».

На том же заседании председателем исполнительной комиссии Комитета общественной безопасности избрали представителя уездного общества А. А. Кощеева, а начальником народной милиции капитана 124-го пехотного запасного полка И. З. Деулина. При милиции, которую возглавил Деулин, почти в полном составе оставалось прежнее сыскное отделение. Бывшие полицейские и городовые лишь сняли форму, заменив ее красной повязкой на цивильном пиджаке.

Капитан Деулин не долго возглавлял народную милицию. Исполнительная комиссия комитета дает объявление в

---

[1] Теперь улица им. Луначарского.

[2] Здесь и в дальнейшем взятые в кавычки документы — подлинные.

«Уральской жизни», «Зауральском крае», «Русских записках» и других газетах о вакантной выборной должности начальника Екатеринбургской народной милиции. 29 марта из Москвы приходит письмо Н. Н. Надежина: «Имею честь предложить комитету свою кандидатуру...»

Чопорные члены исполнительной комиссии комитета приняли это предложение.

Николай Николаевич Надежин — сын присяжного поверенного. В 1907—1909 годах был редактором и издателем ежедневной газеты в Пензе. В 1917 году окончил Московский коммерческий институт и получил высшее юридическое образование. В рекомендательных письмах характеризовался как «толковый, деятельный человек», у которого «нравственные качества вне упрека».

Деятельность Надежина начинается с приказов, впрочем, не очень решительных. В одном он устанавливает нарукавные знаки отличия для сотрудников милиции, в другом указывает, чтобы домовладельцы не выпускали коз на улицы, а извозчики имели на пролетках номера. В третьем предписывает: «На посту милиционеры должны находиться посреди улицы, не есть семячек и не якшаться с посторонними людьми».

Похоже, что дальше этих инструктивных указаний деятельность управления милиции не распространялась. Правда, однажды Надежин проявил «революционную» решительность. Бывший пристав первой части Екатеринбурга Павел Плешков, разоруженный рабочими, просил начальника милиции вернуть ему шашку и двенадцатизарядный револьвер или оплатить их стоимость. На заявлении бывшего пристава Надежин твердым росчерком написал: «Отклонить».

А тем временем губернский комиссар Временного правительства докладывал министру внутренних дел: «Я уже отмечал, что Екатеринбург... является, благодаря особым местным условиям, центром большевизма. Как в Екатеринбурге, так и в большинстве уездов Зауралья большевизм укрепился серьезно и прочно».

Комитет общественной безопасности Екатеринбурга продолжал регулярно, три раза в неделю, собираться и заседать с 8 часов вечера и до 2 часов ночи. Но члены комитета уже чувствовали, что почва уходит из-под их ног. Поэтому и вопросы, рассматриваемые на заседаниях, были пустыми, никому не нужными.

Начальник милиции Надежин, правильно оценив обстановку, уже в июне, не сдав дел, уехал в неизвестном направлении. Заседания Комитета общественной безопасности стали проходить почти при пустом зале.

Ну, а что же протоиерей Иоанн Сторожев, который так пекся об организации Екатеринбургской народной милиции? Он аккуратно посещал все заседания Комитета общественной

безопасности и потому неаккуратно проводил вечерние службы, вызывая нарекания прихожан.

Последнее, тридцать девятое, заседание завершилось очень скоро. Члены комитета, грустно сложив с себя полномочия, всем составом (17 человек) отправились в ресторан гостиницы «Пале-Рояль» и с огорчения неприлично нагрузились спиртным. Батюшку Иоанна, упившегося до положения риз, гимназисты с милицейскими повязками на рукавах отвезли домой на Васнецовскую в расхлябанном извозчичьем шарабане.

В ночь с 25 на 26 октября в Екатеринбурге стало известно о свержении Временного правительства и переходе власти в руки Советов. Узнав об этом, Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов 27 октября разослал Советам округа телеграмму: «Получено известие, что Временное правительство низложено, власть перешла к выборному революционному комитету... Немедленно возьмите власть в свои руки, милиция всецело подчиняется Совету. Вредных, ненадежных сменяйте немедленно».

Руководство городской милицией принял член социал-демократической рабочей партии с 1903 года, в прошлом помощник присяжного поверенного Екатеринбургского суда Василий Андрианович Старцев. Эту должность он занимал до 9 марта 1918 года.

В городских районах дело обстояло несколько иначе. Даже после предписания Совета рабочих и солдатских депутатов о необходимости заменить в милиции ненадежных людей, в участках оставались чины, поставленные еще Комитетом общественной безопасности и комиссией, к которой «имел честь принадлежать» и протоиерей Иоанн Сторожев. Их деятельность не только не содействовала борьбе с подрывными силами, но порой играла на руку им. Отдельные из таких приверженцев старых порядков занимались поборами, вымогательством, утаивали вещи, изъятые при обысках. Исполнявший обязанности начальника уголовного розыска Сухоруков смотрел на подобные проделки своих сыщиков сквозь пальцы. Все это вызывало возмущение горожан, подрывало авторитет Совета, в ведении которого находились органы милиции. Поэтому за помощью они чаще обращались в штабы Красной гвардии, взявшей на себя охрану революционного порядка.

Город был разделен на четыре района. В каждом из них — штаб Красной гвардии. Отряд первого района Екатеринбурга состоял из железнодорожников. Отряд второго дислоцировался при вагоноремонтном заводе (бывший Монетный двор). В отряд третьего входили рабочие Злоказовской текстильной фабрики и предприятия юго-восточной окраины города.

Самыми боевыми и деятельными считались красногвардейцы четвертого района. В их отряд вошли рабочие Верх-Исетского завода и спичечной фабрики. Этой дружиной стал

командовать Петр Захарович Ермаков, член партии с 1906 года, только что вернувшийся из ссылки.

Благодаря действиям красногвардейцев, город начал жить спокойнее. Отряды громили уголовные банды, воевали с белоказачьим атаманом Дутовым, а в июле 1918 года выступили на фронт против Колчака.

25 июля Екатеринбург захватили белочехи, затем в него вошли и колчаковцы.

В июле 1919 года Урал снова стал советским. В наследство от Колчака остались разрушенные заводы и фабрики, вытоптанные поля, взорванные мосты и дороги. Эта обстановка вызывала неизбежный рост преступности — грабежей, насилий, убийств, спекуляции. Резко увеличилась детская беспризорность.

Екатеринбургский губисполком прилагал все силы для организации рабоче-крестьянской милиции. При губисполкоме, как подотдел, создается управление милиции. Но подходящей кандидатуры для руководства им не находилось. Стоило подобрать энергичного товарища, как его немедленно переводили на еще «более ответственную» работу. Да и, говоря правду, не каждый охотно брался за милицейское, очень хлопотное дело.

В октябре 1919 года в Екатеринбург с мандатом Военно-революционного комитета Вятской губернии, куда были эвакуированы ранее советские организации крупных уральских городов, приехал Петр Григорьевич Савотин.

С мандатом ревкома

Поезд, составленный из облезлых товарных теплушек и пассажирских вагонов с выбитыми стеклами, долго толкался и лязгал буферами на разъездных путях перед станцией Екатеринбург-I. Паровоз свистел фистулой, хрипло кричал высунувшийся из оконца усатый машинист. Он грозил кому-то зажатой в руке промасленной тряпкой, снова и снова дергал за рукоятку свистка, заглушая собственную ругань.

Петр Григорьевич Савотин стоял в грязном, замусоленном тамбуре, наблюдал за кутерьмой и пытался угадать, куда этот тихоход притащил свой состав.

Пятясь от красных войск, колчаковцы ожесточенно крушили все на своем пути. После их ухода люди чинили пути, ставили новые водокачки, наводили мосты, ремонтировали искореженные паровозы, латали продырявленные снарядами здания депо.

Потому-то паровоз волочил состав как бы ощупью. То останавливался надолго на разъездах, то, гукая, тревожно, забирался в тупики и устало пыхтел там, роняя на шпалы

мазутные капли, то, отцепив вагоны, прытко устремлялся куда-то и подолгу не возвращался. Пассажиры бегали на станцию, размахивая бумажками с печатью, ругались до хрипоты или униженно толкались около дежурного в красной фуражке. Возвращались ни с чем. Далеко от поезда отойти не осмеливались. Черт его знает — возьмет да уедет.

Подобные сцены повторялись часто. Петр Григорьевич приучил себя не раздражаться. Сколь ни ярись, не поможет. В минуты, когда нервы все же не выдерживали, он забирался на полку, укладывал мешок в изголовье и настраивал мысли на что-нибудь отвлекающее.

Но дорожные мытарства к концу пути доконали Петра Григорьевича. Он не стал дожидаться, когда поезд доберется до перрона, досадливо плюнул и, подхватив мешок, спрыгнул на усыпанную шлаком землю.

Высокий, сутулый, он широко перемахнул через рельсы и очутился на привокзальной площади. И только тут окончательно убедился, что он уже в Екатеринбурге. Сразу схлынуло раздражение. Он опустил мешок на пыльную мостовую, снял очки и, подслеповато щурясь, стал протирать их платком.

Народ сновал туда-сюда. Петра Григорьевича толкали, обдавали клубами едучего самосада, а то и крепчайшим сивушным духом.

Парнишка лет четырнадцати — босой, лапы красные, как у гуся, подкатил шариком и, заглядывая снизу под очки Петра Григорьевича, прокартавил:

— Товагищ, будьте добгы, где тут сиготский пгиют?

Мальчонка курнос, грязен, нестрижен. Голубые глазенки лукавы и лживы. Петр Григорьевич не столько увидел, сколько почувствовал, как заскорузлая пятка бродяжки оттесняет в сторону холщовый мешок с его немудрящими пожитками.

— Приют, говоришь? А во-он... — Петр Григорьевич протянул руку, будто собираясь показать направление, и ловким движением защемил меж своих пальцев облупленный пацаний нос. Тот гундосо пискнул, а его напарник, нацелившийся на мешок, мелькнув изодранной телогрейкой, нырнул в толпу.

Петр Григорьевич улыбчиво щурился и, передразнивая бездомного оборванца, выговаривал:

— Кгасть не хогошо.

— Му-й, му-й, му-усти-те, — куксился воришка.

Петр Григорьевич засмеялся и освободил враз покрасневший нос мальчишки. Беспризорник задал стрекача.

Савотин проводил мелькнувшую в толпе фигурку, вздохнул. Эвон их сколько: около коновязи стайка мальчишек, одежонка — рвань на рванье. Трое на решетке подвального окна

лежат, обманным теплом греются. Целая ватага на перроне околачивается, ищет, что бы «слямзить».

У Савотина стала надсадно вздыматься грудь, нервно задергалось веко правого глаза, изувеченного на германском фронте. Его глубоко волновали судьбы обездоленных ребятишек, и впоследствии он много сделал для организации сиротских приютов.

...Пролетка тарахтела по булыжной мостовой. Извозчик, с кудлатой, как овечья шерсть, бородой, подбадривал мосластую лошаденку пеньковыми вожжами. За харитоновским домом показались освещенные скудным осенним солнцем главы Вознесенского собора [1]. Кучер, что-то бормоча, осенил себя крестом.

Савотин глядел в окно и думал свои нелегкие думы.

Губисполком помещался на Пушкинской в здании бывшего Волжско-Камского банка. В прихожей толпился разномастный народ. У сводчатого окна, выходящего на захламленный двор, оживленно разговаривало несколько человек. Вернее, говорил один, другие лишь похохатывали, да бросали реплики. Рассказчик, стройный, кареглазый парень в длинной кавалерийской шинели, с легкой усмешкой говорил о каких-то своих похождениях.

— Влипнуть тогда всякий мог бы. Не это обидно. В другом срамотища — связали, гады, отлупили как сидорову козу. Ни лечь, ни сесть. Очнулся — темень. Вверху — окошко в четыре железных прута. Как выпутаться? Документы у них, а нашего брата беляки за здорово живешь из рук своих не выпускали. Бежать? Из такого каземата — и думать нечего. Может, по дороге, когда на распыл поведут? Вызвали утром, провели тюремным двором, втолкнули в бричку. Свяжут или не свяжут? Везет же человеку — не связали. Двое с карабинами сели по бокам: словак такой дохленький, с отвисшими усами, да страховидный дядька с жандармской рожей. Едем вниз от Московской заставы [2]. Златоустовский [3] собор миновали. Все ясно — в контрразведку. А тут с Исети прохладой дохнуло. Ну, думаю, решайся, Савва, другого случая не представится. Помню, что от моста, влево, тропка вдоль берега есть, кустики. Собрал всю силу, да как двину усатого дохлятика по зубам, а второго тем же замахом — локтем в подбородок. Вылетел я из пролетки следом за конвоирами. Пока они на карачках ползали — в кусты и деру. Стреляли, да что толку. Ушел.

— А потом?

---

[1] Теперь здесь Дворец пионеров, а в бывшем соборе — краеведческий музей.

[2] Ныне район Центрального стадиона.

[3] На этом месте теперь комбинат «Рубин».

— До своих добрался, верховного правителя бил. Под Камышловом покалечило. Подлечился — к Студитову направили.

Услышав фамилию Студитова, к которому и он командирован, Савотин подошел ближе и тут среди окружавших рассказчика увидел товарища по работе в Вятском ревкоме.

— Савотин! Где тебя лихоманка носит? — воскликнул тот, протягивая руку, и, не дожидаясь ответа, кивнул на человека в кавалерийской шинели. — Знакомы?

— Нет.

— Это Савва Бархоленко. В милицию назначен. А ты куда?

— Еще не знаю.

— Так идем!

Растолкав толпу, вошли в кабинет заведующего отделом управления губернии Студитова.

— Не смотри, что в очках, любую работу потянет, — весело представил Савотина вятский знакомый низкорослому человеку в кожанке.

Студитов большеголов, лицо умное, губы розовые, припухлые.

Быстро перешли на ты. Большеголовый рассказал о себе, ловко вставляя вопросы, выпытывал все о жизни Петра Григорьевича.

Савотину тридцать пять лет, но выглядит старше. Родом из крестьян. Из села Шапово, Коломенского уезда. Отец, мечтая выбиться из нужды, перебрался в Москву, работал по найму в купеческих магазинах. Но длинного рубля так и не увидел. К винишку стал прикладываться. Поначалу с прибаутками: «Одно горлышко замочу, другое высушу», а потом уже и не до смеха — втянулся. Семья потеряла кормильца. Пришлось Петру впрягаться.

Был мальчиком на побегушках в обувном магазине, потом на кожевенный завод братьев Вахрушевых перебрался. В 1905 году сошелся с революционными рабочими, участвовал в забастовках. За это из стольного града вышибли без права жительства в Московской губернии. В 1909 году призвали служить царю-батюшке. В уланском Ольвиопольском его величества короля испанского Альфонса полку снова сошелся с социал-демократами, сам стал солдатам мозги проветривать. Дозналось начальство — отправило на год в дисциплинарный батальон. А потом...

Потом попал в окопы русско-германского фронта. Дважды был ранен, контужен, отравлен газами и, в конце концов, списан из армии подчистую. Работал в Перми на Мотовилихинском заводе. Там и в партию большевиков вступил. О худом здоровье пришлось забыть — дела революции этого требовали.

А сейчас вот ревком Вятской губернии направил сюда, в Екатеринбург.

Выслушав Савотина, Студитов сказал:

— Надо бы хоть из вежливости спросить, на какую работу метишь, да не хочу кривить душой. Без тебя тебя женили. Вместе с губкомом партии. Пойдешь начальником губернской милиции. Работа интересная, скучать не придется. Жулья — вдосталь, беспризорников — и того больше. Всякие Васьки Косые ночами ножичками пошаливают...

Заведующий отделом управления выбрался из-за стола, приоткрыл дверь, громко позвал:

— Савватей, зайди-ка на час.

Вошел тот рассказчик в кавалерийской шинели.

— Вот. Будет твоим помощником. Бархоленко его фамилия. Прошел огонь и медные трубы. Лихой рубака, родился, говорят, в седле. Если въедет к тебе в кабинет на коне — был с ним такой грех на фронте — сажай под арест без разговоров.

Бархоленко улыбнулся, на широком, гладко выбритом подбородке обозначилась ямка. Протянул Савотину руку.

— Вот и порядок, — обрадовался Студитов. — Начинайте.

— С чего начинать? — спросил Савотин.

— С пустого места — вот с чего. Разрабатывайте структуру милиции, штаты, людей подбирайте. Возможно, будут проситься старые полицейские чины или из сыскного — гоните к чертовой матери. В госпитали наведайтесь, агитируйте выздоравливающих красногвардейцев.

...Из губисполкома вышли вместе. На центральном проспекте, у «Колизея», толкались бледнолицые, изнуренные недоеданием беспризорники, приглядывая, что бы стянуть с возов, заполнивших площадь.

Бархоленко кивнул на них:

— Тоже наша забота?

— Наробраз подключим. Не пропадать же ребятишкам, — ответил Савотин, вспоминая встречу с такими же бездомными на привокзальной площади.

Губмилиция заняла бывший купеческий дом с парадным крыльцом в чугунных завитушках[1]. Крышу дома венчала башенка в виде кедровой шишки. Ранее назначенный начальник уездно-городской милиции, извещенный Студитовым, встретил начальство бодрым докладом и кипящим самоваром. Он успел навести здесь подобие какого-то порядка. За перегородкой дежурного, сидящего в обнимку с винтовкой, галдели задержанные спекулянты.

---

[1] Теперь в этом здании на улице Карла Либкнехта — выставка образцов товаров народного потребления.

После беседы с начальником уездгормилиции Савотин и Бархоленко поднялись на второй этаж — «к себе», в кабинет с изразцовой печкой и тяжеловесной мебелью.

Бархоленко остановился на пороге, осмотрел помещение с веселым любопытством.

— А ведь тогда, в восемнадцатом, Петр Григорьевич, меня чуток не довезли досюда. Здесь контрразведка беляков помещалась.

...Семья Петра Григорьевича Савотина все еще оставалась в Вятке. Уезжая, обещал скоро вернуться и забрать к себе, но дела сразу же захватили его, и поездка все время откладывалась. Может, потому и о квартире не беспокоился — прижился в своем кабинете.

Нередко дежурный, приходя с утренним докладом, заставал Савотина спящим. Спал прямо за столом, уткнувшись лицом в бумаги. Дежурный осторожно снимал с него очки — не сломал бы, чего доброго, гасил лампу и бесшумно удалялся.

Савотин, недавний рабочий и солдат, закончивший лишь земскую школу, изнемогал от работы. Шутка ли — возглавлять милицию обширнейшей губернии!

В одной из докладных записок заведующему губернским отделом управления он писал:

«С освобождением Екатеринбургской губернии от колчаковщины организация советской рабоче-крестьянской милиции, не имея инструкций, циркулярных распоряжений и указаний из Центра, производилась по собственному почину».

В Екатеринбургскую губернию входили тогда Екатеринбургский, Шадринский, Камышловский, Троицкий, Верхотурский, Алапаевский, Тагильский и Надеждинский уезды. Исходя из этого административного деления, Савотин и разрабатывал штаты милиции. Он это делал в ночной тишине, при свете керосиновой лампы, а с утра, когда оживали улицы города, седлал своего пегого мерина и рыскал по организациям, госпиталям, воинским частям. Комплектуя подразделения милиции, он разыскивал нужных людей, уговаривал их. Золотых гор не обещал. Наоборот.

— Тебе не придется вдоволь спать, — говорил Савотин,— у тебя не будет доброй шинели, ходить, возможно, придется в лаптях. Зато я обещаю тебе вдоволь опасной и трудной работы, которая очень нужна Советской Республике.

— Но у меня еще раны не зажили, — слабо сопротивлялся какой-нибудь красноармеец.

— Голубчик, когда заживут, ты ведь опять убежишь на фронт. А пока не зажили — поработай у нас.

К концу 1919 года во всех уездах губернии были укомплектованы городские и волостные отделы советской рабоче-крестьянской милиции, а в начале 1920 года этим формиро-

ваниям пришлось вступить в открытые схватки с врагами молодой Советской Республики.

Как-то рано утром дежурный, забыв постучать в дверь начальника, вбежал с текстом расшифрованной телефонограммы.

— Петр Григорьевич, в Ачите заварушка!

Савотин принял бумагу, отошел к окну, прочитал:

«20 октября в 5 с половиной утра шайка бандитов большой численности напала на Ачит, местные коммунисты в числе 13 упорно отбиваются в здании исполкома. В 6 часов выслан отряд кавалеристов для ликвидации, дополнительно выезжает второй с пулеметом... Высылка дополнительной силы экстренно необходима, положение критическое. Уездвоенком Николаев».

Савотин сокрушенно покачал головой:

— Дополнительно выезжает второй отряд... А ведь у него всего-то человек двадцать наберется.

И к дежурному:

— Срочно соедините с начальником ЧК Тунгусковым. Чоновцев попросим на помощь.

Дежурный ушел. Не успел Савотин сесть, раздался телефонный звонок.

— На Московском тракте вооруженная банда уголовников разграбила склад с мукой, — сообщили из милиции Верх-Исетского района.

Савотин выбежал на крыльцо.

— Коня! Все свободные — со мной!

И вот уже по непроснувшимся улицам Екатеринбурга мчится конный отряд во главе с начальником губмилиции — туда, где, быть может, уже кипит неравная схватка...

Уголовники еще полбеды. То в том, то в другом месте стали подымать голову недобитые колчаковские банды. Чекисты требовали от милиции надежной помощи.

Тогда-то и созрела у Савотина мысль о создании милицейской части — мобильной, всегда готовой для боевых операций. Губком партии и губисполком поддержали это начинание. Формирование части Савотин поручил своему боевому помощнику коммунисту Савватею Архиповичу Бархоленко.

Двадцатидвухлетний Савва Бархоленко уже через пять дней докладывал о проделанной работе. Побрякивая шпорами, он вошел в кабинет Савотина и молча положил на стол листок бумаги.

Савотин протер очки, стал читать:

«Вся милиция губернии сосредоточена в красный милиционный полк; в уездах организованы роты, в районах и участках — взводы. При полку организуются команды связи, разведчиков и саперов. Милиционеры-коммунисты выделены в отдельные взводы и представляют из себя отряды особых

назначений, на которые и будут возлагаться более важные поручения».

Позже этот полк развернется в бригаду и под командованием Саввы Бархоленко проведет немало операций по подавлению белогвардейских и кулацких мятежей в Верхотурском и Тагильском уездах, в Алапаевской, Ачитской, Белоярской и многих других волостях.

Вот один из документов о действиях отрядов милицейской бригады:

«17 марта разведка Вотинова имела столкновение с отрядом противника в 60 верстах севернее деревни Омелино. После продолжительной перестрелки с нашей стороны убит начальник 1-го района Верхотурской милиции Салтыков, ранены милиционеры Медведев и Бушуев. У противника убито до 15 человек».

Не так-то легко найти на карте Свердловской области деревню Омелино, а деревня Шаим вообще не обозначена. Лежит она на 60 километров севернее Омелино, в слиянии рек Ворья и Конда. Здесь отряд Вотинова дал последний бой белогвардейской банде. Сейчас установлены кое-какие подробности тех событий. Как оказалось, в последующих боях, кроме Михаила Салтыкова, погибли милиционеры Иван Перваков и Григорий Тунгусков, ранены Сафа Сайфутдинов, Александр Медведев, Михаил Солоницин и Николай Бушуев.

Наиболее тяжелые испытания выпали на долю Николая Бушуева. Ранили его в глубокой разведке, и он оказался в тылу повстанцев. Но «по имеющимся сведениям,— говорилось в другой телеграмме на имя Петра Савотина,— сначала он укрывался там у какого-то добродушного крестьянина, а теперь находится в обозе бандитов, выдавая себя за простого крестьянина, зачисленного в подводье. Причем предполагает бежать и привести весь обоз противника».

Удалось ли отважному милиционеру Николаю Бушуеву осуществить свой замысел? Пришел ли на помощь Вотинову Туринский отряд, о котором упоминалось в другой телеграмме? Как сложилась судьба героев тех далеких лет, а также их командира Николая Михайловича Вотинова?

На все вопросы не ответишь. На один — можно.

«Приказ Революционного Военного Совета Республики. 1 марта 1923 года, № 31, г. Москва.

Награждается орденом Красного Знамени начальник Верхотурского отряда Вотинов Николай Михайлович за то, что, будучи командирован в марте 1921 года с отрядом милиции и комиссии по борьбе с дезертирством для подавления восстания, охватившего район Сосьва — Пелым, несмотря на малочисленность своего отряда, смело повел наступление на превосходящего в силах противника и в бою под д. Шаим первым бросился в атаку, увлекая за собой красных бойцов.

Будучи ранен в этом бою, тов. Вотинов не покинул строя и оставался в цепи, воодушевляя своих стрелков, пока они не опрокинули противника».

Забойщик прииска Лангур, Ивдельского района, Вотинов сразу после Октябрьской революции ушел добровольцем в Красную гвардию, а в июле 1918 года стал большевиком. Командовал отрядом, отдельным батальоном, громил Колчака. После гражданской войны успешно окончил горный институт, работал на различных руководящих должностях горных предприятий. Умер в 1966 году.

А многим не пришлось дожить до наших дней. В том числе и коммунисту с 1905 года Евгению Ивановичу Рудакову, начальнику третьего района милиции Алапаевского уезда.

Не ржавели шашки в ножнах

В ночь с 13 на 14 декабря 1919 года части Красной Армии, тесня колчаковцев, ворвались на станцию Ново-Николаевка Томской железной дороги. В скоротечной жаркой схватке они разгромили роту 1-го Самарского железнодорожного батальона и захватили стоявший под парами паровоз с вагонами. В почтовом вагоне оказались мешки с деньгами Барнаульского казначейства. Пленный конвойный показал, что охраной командовал прапорщик Василий Андреевич Толмачев, уроженец Алапаевского уезда, Екатеринбургской губернии.

Из дневника колчаковского офицера Василия Толмачева:

«Совместно с офицерами 1-го Самарского желбата сели на паровоз, готовясь к отступлению. В это время выбегают товарищи красные на перрон вокзала и с криком: «Стой, сволочь!» начали обстреливать паровоз и вагоны. Не растерявшись, я выскочил из паровоза, ползком через пути пробрался...»

«Нерастерявшийся» прапорщик Толмачев, пробежав на четвереньках станционные пути, укрылся в доме знакомого чиновника. Здесь содрал погоны, переоделся в солдатскую шинель и, не имея надежд догнать верховного правителя, подался в родные места. В Нижне-Удинске арестовали.

Вот о чем поведал сей летописец, будучи уже в тюремной камере:

«В камере, рассчитанной на 75 человек, нас набили более двухсот. Это были лучшие сыны России, самые преданные ей офицеры. Я видел, как они грызлись меж собой из-за корки хлеба, как их, грязных и оборванных, грызли вши... Обсудив вопрос о бегстве вместе с коллегами, мы решили все разбежаться по разным сторонам, предпочитая лучше жить в лесах, чем в тюрьме, заранее зная, что оправдания быть не может».

Толмачеву удалось бежать. В Ново-Николаевке перешел Обь по льду, на станции Кривощеково влез в товарный вагон и добрался до Барабинска, оттуда — в Омск, потом в Тюмень. Выдавая себя то за спекулянта, то за отпущенного по болезни красноармейца, пешком пробирался в Топорковскую волость.

Неожиданная задержка произошла в Туринске. Здесь он встретил своего командира, под началом которого служил в Челябинске, капитана Михаила Тюнина.

Они сидели в избе, прилепившейся на окраине города. Низкий потолок, керосиновая лампа, за жарко натопленной печкой шеборшили тараканы. Когда Тюнин поднимался и, прихрамывая, начинал расхаживать по неровным половицам, его тень, ломаясь в простенках, мрачно металась. От его осевшего голоса, от блеска пенсне, от этой уродливой тени исходило нечто колдовское, зловещее.

— По лесам да хуторам скрываются сотни таких, коим Советская власть на мозоль наступила,— хрипловато, с расстановкой говорил Тюнин.— Подбодрить их, объединить в отряды, вооружить программой действий. Начать с малого: бить исподтишка комиссаров да комитетчиков, нагонять страху на других, а придет время — подняться всей неоглядной силой да так тряхнуть мужицкую власть, чтобы вся Россия застонала.

Толмачев слушал и, возбуждаясь, видел себя во главе бравых вояк, слышал гул копыт лихих эскадронов, беспощадный свист своей офицерской шашки.

А Тюнин наставлял:

— Разыщи Афанасия Мугайского. Он встречал полковника Косогранди. В дела его отряда не вмешивайся. Начинай формировать новый. Наберешь сотню-полторы, дай знать через настоятельницу женского монастыря Евгению Александровну Гигину.

Ободренный, пришагал Толмачев в деревню Лобаново. Отец, Андрей Егорович, отпарив сына в бане, той же апрельской ночью 1920 года увел его за реку Тагил, в таежную чащобу, где в домовито оборудованных землянках скрывались верноподданные Колчака, рассыпанные им по пути отступления, как мусор из худого короба. «От белых отбились, красным не поклонились — стали зелеными»,— говорили они о себе.

Зябли в лесных берлогах сынки богатеев из деревень Берестневой, Топорковой, Бреховой, Горевой, Мугайской; зябли, давили меж ногтей паразитов, при случае до одури пили кумышку и, как молитву, шептали неопределенное: «Погодите... придет наше время».

В их компанию и определил родимое чадо Андрей Егорович.

На первых порах набралось у Толмачева около сорока человек. Бывший колчаковец Илья Берестнев заверил его:

— Больше будет, ваше благородие. Краснюки мобилизацию объявили. А кому охота служить им? К нам прибегут.

Прапорщик откладывал свою встречу с главарем соседней банды Мугайским на май, когда установятся дороги. Но известие о скорой мобилизации в Красную Армию подстегнуло его. Ночью, увязая в лесных сугробах, свинцовых от весенней влаги, пробрался Толмачев в лесничество брата Александра, тридцатидвухлетнего мужика, заросшего дремучей бородой.

— Дело не терпит, Шурка, наладь-ка мне лошадь.

Тот молча запряг гнедого мерина в розвальни, снарядил в дорогу одиннадцатилетнего сына.

— Если что — прячься где ни то в кустах, а Илюшка отбрешется. Тятька, мол, в Топорково послал...

Отряд Афанасия Мугайского обосновался по берегу реки Вязовки в охотничьих избушках. Толмачев добрался сюда лишь на третий день.

Афанасий — высокий, с пегой щетиной на длинном лице — встретил Толмачева с нескрываемой радостью. Значит, сбывается то, о чем говорил полковник Косогранди. Боевые офицеры прибывать начинают.

О действиях в связи с объявленной мобилизацией в Красную Армию разногласий у них не было. Надо разослать людей по деревням, убеждать призывников, что Советской власти жить осталось недолго. Лучше пересидеть в лесу месяц-два, чем моргать потом глазами. Да что моргать. Просто к стенке ставить будут тех, кто вздумает служить у красных.

Вот каким образом у Советской власти появилась новая проблема — борьба с дезертирством. Парни глухих деревень, запуганные врагами нового строя, уходили в леса, пополняли ряды бандитских шаек Толмачевых да Мугайских. Именно тогда и родились новые органы Советской власти — комиссии по борьбе с дезертирством. Они вели пропагандистскую работу, а когда вынуждала обстановка, вместе с подразделениями ЧК, милиции и Красной Армии брались за оружие.

Толмачев и Мугайский договорились слияние отрядов провести, как только просохнут проселки, а пока действовать самостоятельно.

Самостоятельность эта проявилась уже в апреле.

Из докладной записки старшего милиционера Г. Беленкова:

«Я, старший милиционер Топорковской волости, откомандировал трех милиционеров: Санина Гавриила, Михайлова Петра и Кислицына Константина и с ними откомандировано три продармейца, которые находились на ссыпном пункте, 19 апреля. Убиты 20 апреля в 12 верстах между деревень

Кыскиной и Комельской в логу. 26 апреля туда поехал представитель из губернии товарищ Клементьев Михаил Иванович, который проводил собрание, и тоже убит на том же месте...»

И вот тогда...

...Сухощекий, широкий в плечах, перетянутый ремнями поверх зеленого френча, начальник милиции Алапаевского уезда Аркадий Кононов расхаживал по скрипучим половицам своего кабинета. Здесь же стоял Рудаков. Он ниже Аркадия, круглолиц, усы лихо закручены. Ему тридцать лет, но глубокая складка над переносьем и седина в висках говорили, что эти тридцать прожиты многотрудно. Рудаков рассерженно произнес:

— Послушай, Кононов, и чего тебе вздумалось посылать меня черт-те куда?

При этих словах Кононов остановился, раздумчиво посмотрел на Рудакова.

— Женя, друг мой любезный,— Кононов положил руки на плечи Рудакова. Минуту постояли молча, глядя друг другу в глаза.— Ты знаешь, какая буза идет в Топорковской волости. Военком там — Федя Долганов — мужик стоящий, но молодой. Нужен начальник милиции твердый, решительный и проверенный. Ты — коммунист, а кому как не нам, членам РКП, в самую заварушку с головой влезать? Так-то, друг мой любезный... Поезжай и закручивай дело с Федей на пару. Главное — Ваську Толмачева сыщите да Афоню Мугайского. Мои ребята сообщают, что в их бандах за четыре сотни перевалило. Надо разагитировать дураков бородатых, чтобы отлепились от них. Бедняков малосознательных в шайке много. Ну, а всяких там Иконниковых да Берестневых, что с Колчаком ходили... Придется рубить — так руби под корень.

Рудаков снял с плеч руки Кононова, отошел к окну. Голубое безоблачное небо. Майское солнце щедро грело землю. Буйно зеленел в палисаднике крыжовник. И тополь начинал расправлять маслянистые клейкие листочки...

Хотелось напомнить Аркадию, что его дочке всего восемь лет, что жена, Клава, ждет второго ребенка. Но зачем? Уговорить оставить в Алапаевске? Но он, Рудаков, никогда на это не пойдет. Жена и дочка Манефа останутся здесь, поживут со стариками. А кончится кулацкая заваруха — можно и в Топорково увезти.

Рудаков решительно повернулся, шашка звякнула о ножку стула. Спросил:

— Когда ехать?

— А вот напишу мандат, печать пришлепну — и в дорогу.

В подкрепление Рудакову выделили полтора десятка милиционеров и красноармейцев из комиссии по борьбе с дезертирством. Через два дня он благополучно добрался с ними до

Топорково и, присоединив весь наличный состав милиции третьего района, выступил против банды, расположившейся вдоль реки Вязовки.

Колчаковский унтер Афанасий Мугайский, возглавлявший эту группу, знал о выступлении отряда Рудакова, готовился к его встрече, но серьезного сопротивления оказать не смог. На обширной полянке, освободившейся от снега, чуть-чуть тронутой зеленью проклюнувшейся молодой травы, на поляне, удобной для любовных игрищ тетеревов, зазвенела сабельная сталь, загремели ружейные выстрелы.

Рудакову удалось разгромить основные силы банды. Более пятидесяти крестьян — в основном 19- и 20-летних парней из окрестных деревень — побросали оружие и вышли с поднятыми руками. Они умоляли о пощаде. Рудаков качал головой и грубо ругался:

— Спустить бы с вас штаны да исполосовать пониже спины, враз бы поумнели, олухи безмозглые.

Афанасию Мугайскому удалось скрыться. Он добрался до деревни Берестнево, оттуда — в расположение Василия Толмачева.

Рудаков с волостным военкомом Долгановым продолжал прочесывать лес. То тут, то там они обнаруживали поспешно брошенные землянки. Их обитатели либо подались к Толмачеву, либо, уповая на бога, навострили лыжи в родные деревни. Провались она пропадом эта война. Вон уже трава до колена, сено косить надо, а там и до жатвы недалеко.

Отбившись во время облавы от своих, решил пробиваться к тятьке с мамкой и Федор Комаров, обросший белым пухом и обовшивевший молодой мужик из деревни Комарово. Бухнувшись на колени у комля голенастой сосны, он крестил свою глупую башку и истово шептал: «Святый боже, святый крепки, святый безмерны, помилуй нас от вечных мук ради пречистые крови твоя. Прости нам прегрешения наши ныне и присно и во веки ве...»

Молитву прервали посторонние голоса. «Втюхался»,— мелькнуло в голове. Федор увидел цепи красноармейцев и милиционеров. Как молился, стоя на коленях, так и открыл беспорядочную стрельбу. Его узнали. Кричали:

— Федька, кидай винтовку, не дури!

Но Комаров уже не владел собой. Безрассудно выпустив еще две обоймы, он, задыхаясь и запинаясь о валежник, ударился бежать. Но пуля догнала Федора Комарова, и он, не охнув, скатился в овраг, роняя из подсумка золотистую россыпь неизрасходованных патронов. А в кармане так и осталось неотправленное письмо: «Теперь не знаю, придется или нет вернуться домой... Простите и благословите, дорогие родители. Наверно, больше не видаться. Можно бы жить еще так, как жили, но это лютей и можно замереть голодной

смертью. А напоследе расстреляют. Очень плохо нашему брату. Пожалел я своего имущества».

В том же кармане клочок бумаги с молитвой и письмо горюющей о беспутном миленке Антониды Комаровой, его невесты.

8 июля «зеленые», несколько оправившись от ударов, нанесенных отрядом Евгения Рудакова, провели общее собрание. На нем впервые появляется уже знакомый нам Михаил Евгеньевич Тюнин.

Из показаний на суде Петра Берестнева:

«На собраниях я был три раза. На одном был какой-то неизвестный мне мужчина, называвший себя офицером. Он среднего роста, на глазах пенсне со шнурком, одет в кожаные с высоким подбором сапоги, черную поддевку, защитного цвета галифе, на ремне кобура с револьвером, на голове — шляпа. Фамилии его не знаю, но брат называл его по имени — Михаил Евгеньевич. Во время собрания в лес к нему приходила монашка. Имя ее Евгения Александровна... Она приносила Михаилу Евгеньевичу пшеничные сухари, сливочное масло, два огурца и остальное, что — не знаю. Он ночевал в лесу. На собрании говорил: «Надо соединиться всем вместе, иметь связь, искать по лесу и деревням остальных дезертиров и их организовывать. Я имею связь с Ирбитом, Алапаевском, Екатеринбургом, а другие, подобные мне, имеют связь еще дальше, а когда все будет устроено, связь будет широка и глубока, мы устроим восстание, я вам оружие достану, патронов».

Второе собрание прошло без Тюнина. Вел его Василий Толмачев в избе своего брата Александра. Они решили устроить засаду на Верхнесинячихинском тракте.

Мугайский доложил, что Рудаков находится в Алапаевске и дня через три вернется в Топорково. Он-то и настаивал на том, чтобы устроить на него засаду.

23 июня двенадцать человек во главе с Афанасием Мугайским, переночевав в бане лесничества, рано утром двинулись в сторону Верхней Синячихи. Засаду, как рекомендовал оставшийся «для общего руководства» Василий Толмачев, устроили на Старухином болоте, где вплотную к дороге, устланной слегами, подступают густые кусты.

Евгений Иванович Рудаков возвращался в свой район из Алапаевска. Получил необходимые инструкции, жалованье милиционерам — 60 тысяч рублей. Жена тоже ехала с ним.

Вот она, Клава, рядом, на телеге — истосковавшаяся и похорошевшая. Она застенчиво кутается в шаль — живот округлившийся прячет. Обитый белой жестью сундучок с немудреными пожитками в ходке подпрыгивает.

Миновали Верхнюю Синячиху. Возница Федор Сулицин носом поклевывает. Разморило. Не доезжая верст десяти до

деревни Мысы, Рудаков спрыгнул с кошевки, пособил жене сойти.

Шли пешком. Начиналось Старухино болото. Бревенчатая гать тянулась почти до самых Мысов. Кряхтя, слез с облучка и возница Сулицин. Лошадь зацокала по настилу, запрыгали, затарахтели колеса.

Клава оперлась на руку Рудакова.

— По ягоды бы сейчас, Женя,— произнесла мечтательно.

Рудаков не успел ответить. Справа и слева, приминая кусты, выскочили вооруженные, заросшие бородами люди.

— Сто-ой!

Рудаков легонько оттолкнул жену и схватился за эфес шашки.

— Но-но, милицейский начальник,— наставляя винтовку, пригрозил длинный горбоносый мужик.— Отпустись-ка от сабельки, нето враз продырявлю.

Несмотря на жару, он был в шинели распояской и в мерлушковой шапке с рыжей опалиной. Видно, прижег у костра.

— А-а, это ты, Терентий? — узнал Рудаков Терентия Богданова, одного из наиболее справных крестьян деревни Брехово.— Иль с покаянием из леса вышел?

— За твоим покаянием,— взъяренно подскочил сзади Мугайский и ткнул Рудакова острием шашки.

Евгений Иванович рванул свою из ножен и полоснул Мугайского, но сталь лишь скользнула по плечу бандита. Рудаков перехватил шашку в левую руку, выхватил наган и прикрыл спиной жену. Шумно дыша и враз оглядывая наседавших на него бандитов, он как можно убедительнее сказал:

— Афоня, уходи подобру-поздорову. Наскребешь на свою голову — вместе с бородой ссекут.

— Но-но, не больно велик в перьях-то.

Из кустарника высыпали еще несколько человек и с гиком бросились на Рудаковых.

Из показаний на суде Александра Чупракова:

«Когда засели в засаду, нам Мугайский заявил, что без его команды не бросаться из засады, и когда проезжали Рудаковы, то их остановили сначала на дороге Богданов и Мугайский, а затем Берестнев скомандовал нам: «Выбегай, ребята!» По его команде мы и окружили экипаж».

Именно в тот момент Рудакову стало окончательно ясно, что эта встреча добром не кончится. Он открыл стрельбу из револьвера, но тут же был сбит ударом приклада. Двое заломили руки Клавдии Никаноровне.

Рудаков смахнул с лица кровь, поднялся. Кто-то снова ударил его штыком. Но он устоял.

— Вы, сволочи, звери! Жену не трожьте. Меня убивайте, а ее не трожьте. Она на сносях.

Афанасий Мугайский дико загоготал:

— Красных плодить задумали? — его шашка, описав кривую, впилась в бедро женщины. Клавдия закричала на весь лес. Рудаков с нечеловеческой силой отбросил державших его Сашку Чупракова и бреховского безусого парня Степана Толмачева, рванулся к жене. Степан, как волчок, крутнулся на месте, но тут же прыгнул следом за Рудаковым. Крякнув, он рубанул его шашкой по голове. Началась дикая расправа.

Из протокола осмотра трупов от 9 июля 1920 года:

«Рудаковы найдены в ста саженях вправо от тракта Синячиха — Мысы на 12-й версте к дер. Мысы в лесу. Трупы обезображены. Рудаков имеет 14 сабельных и 4 штыковых, всего 18 ран. У Рудаковой 17 сабельных ран».

Так погиб большевик Евгений Иванович Рудаков. После его торжественных похорон в Алапаевский уезд прибыли отряды ЧК и Красной Армии. Совместно с милицией они начали прочесывать леса. Эта операция сорвала еще один замысел бандитов, которые решили 29 июля общими силами напасть на Топорковский волисполком и вырезать поголовно всех коммунистов.

Массированное наступление отрядов, присланных из Екатеринбурга, не позволило бандитам сконцентрировать силы. Более того, в сети красных вскоре угодила большая часть заправил этого кулацкого повстанческого движения.

Небольшой отряд (семь человек) возглавлял красноармеец Петр Деньгин. По заданию Федора Долганова он выехал в деревню Лобаново, надеясь захватить там часть дезертиров, а может и уроженца этого села прапорщика Толмачева. По дороге встретили крестьянина села Шипицино, который сказал, что в деревне Каменке скрываются несколько человек, вышедших из леса. Деньгин приказал отряду двигаться дальше, а сам, прихватив красноармейца Простолупова, отправился вверх по реке. На окраине Каменки заметили одинокого всадника. Тот пришпорил коня, но на свороте в лес конь споткнулся и всадник вылетел из седла. Поднявшись, он прыгнул через прясло и стал уходить огородами. Но Деньгин с Простолуповым нагнали, разоружили его.

Это был Афанасий Мугайский. На нем плащ Евгения Рудакова, в кармане — часы покойного, список 35 членов отряда, план расположения землянок за рекой Вязовкой.

Из показаний красноармейца Деньгина:

«Во время обыска Мугайский пытался бежать, для чего бросился от нас. На крик «Стой!» он не остановился, и мы двумя выстрелами убили его».

Зажатые со всех сторон, остатки банды растерянно метались по лесной чащобе, падали под пулями, пробирались в свои деревни. Но их находили и в волчьих ямах, и за юбками перепуганных жинок.

113 человек предстали перед Екатеринбургским военным трибуналом. Двенадцать человек, скрывшихся от суда, трибунал объявил вне закона и заочно приговорил к смертной казни. Среди них Василий Толмачев, Терентий Брехов, братья Николай и Иван Иконниковы и другие заправилы кулацкой смуты. Десять из арестованных, в том числе их сообщница настоятельница монастыря Евгения Гигина, 2 сентября были расстреляны.

Из доклада о ликвидации остатков банд в Монастырской, Невьянской, Бобровской и других волостях.

«При облаве было обнаружено три избушки, в которых жили бандиты. В одной избушке обнаружено хлеба около двух возов, мясо, большой запас сухарей, аппарат с кумышкой, швейная машина, три пары лыж. Задержаны Василий Толмачев, братья Иконниковы, Илья Берестнев, Терентий Богданов, которые участвовали в убийстве Рудаковых».

Ранее объявленные приговором трибунала вне закона и заочно осужденные к высшей мере наказания, они были расстреляны, как и их десять предшественников.

Что касается капитана Евгения Тюнина... На одной из страниц уголовного дела наложена резолюция: «Выделить в особое дело и дальнейшим производством передать губернскому ЧК».

При входе в управление внутренних дел Свердловского облисполкома установлена мраморная мемориальная доска. О людях, увековеченных на ней, сказано: «Солдаты милиции, павшие на боевом посту». Первым в этом списке стоит имя Евгения Ивановича Рудакова.

Схватки продолжаются

Революция высоко оценивала подвиги отважных милиционеров. Яркую характеристику действий милицейской бригады и ее личного состава дает выписка из приказа № 77 милиции республики от 28 апреля 1921 года:

«В борьбе с контрреволюцией и бандитизмом Екатеринбургская милиция проявила себя как истинная защитница прав трудящегося пролетариата.

В подавлении контрреволюционных и бандитских выступлений принимали участие как милиционеры, так и комсостав. Некоторые, выполняя боевые задания оперативного характера, пали жертвой ненавистных хищников пролетарской крови.

Отмечаю беспримерную стойкость за дело коммунизма и революции товарищей милиционеров, участвовавших в подавлении контрреволюционного и бандитского выступления, а также начальника губмилиции тов. Савотина и командира 47-й милиционной бригады тов. Бархоленко. От лица рабоче-крестьянского правительства объявляю всем благодарность и надеюсь, что в трудную минуту для Советской власти това-

рищи сумеют постоять за дело революции и своим примером беззаветной преданности пролетариату еще раз послужат в назидание всей рабоче-крестьянской милиции».

Нелегкий груз несли на своих плечах работники милиции. Вчера, поднятые командой «В ружье!», они седлали коней, и, наспех обняв родных, уходили в тьму лесов, выбивая оттуда белогвардейские шайки, а день спустя эти же лихие конники патрулировали по улицам городов, вылавливая уголовников, спекулянтов, самогонщиков.

В борьбе с уголовной преступностью милиция постоянно совершенствовала формы своей работы, стремилась использовать новейшие методы расследования преступлений. Стали шире применяться достижения техники, усилилась наружная служба, увеличилось количество патрулей в ночные часы, установилось тщательное наблюдение за уголовными элементами.

Возросшее профессиональное мастерство наглядно проявилось при ликвидации уголовной банды Павла Ренке и Николая Кислицина. Эта крупная операция для Петра Григорьевича Савотина, организатора Екатеринбургской милиции, была последней. Вскоре после судебного процесса друзья и соратники провожали его в Москву на совещание. Пурга мела уже несколько дней. Низкие домики на Пушкинской улице замело до самых окон. Трескучий мороз и ветер-кожедер разогнали по жилищам все живое. А они не замечали ни злого, сбивающего с ног ветра, ни спирающей дыхание стужи. Они шли срединой улицы, там, где меньше всего было сугробов. Шли Савва Бархоленко, Федор Заразилов, Андрей Полуяхтов, Иван Басаргин.

Савотин, кутаясь в башлык, порой останавливался, натужно кашлял. Савва Бархоленко с жалостью смотрел на своего начальника, переглядывался с товарищами. Андрей Полуяхтов, такой же рослый, как и Савотин, обнял Петра Григорьевича за плечи и решительно сказал:

— Вот что, Петр, вернешься из Москвы — и амба. Лечиться пойдешь. Вон, под шинелью-то кости одни.

Савотин молчал. Что он мог возразить? Почти пять лет на посту начальника губмилиции, пять лет изнурительного труда с его-то здоровьем! Савотин молчал, знал: возражать бесполезно.

Друзья вынесут этот вопрос на бюро губкома и заставят хоть ненадолго уйти в отпуск.

Уже поднимаясь в вагон, он смущенно шепнул Савве Бархоленко:

— Понимаешь, какая петрушка... Дрова я так и не вывез. Как бы не замерзли жена с ребятишками.

— Не волнуйся, завтра все улажу,— успокоил его Бархоленко.

Ровно в восемь утра поезд увез Савотина в Москву.

...Вернулся Петр Григорьевич в Екатеринбург уставший от людной столицы, от заседаний, от беготни по отделам и подотделам главмилиции; уставший, но переполненный новыми идеями и планами. Тут и организация трудовых колоний для беспризорников, и создание криминалистического кабинета, и новые методы учета преступников... Не привез он оттуда лишь одного — здоровья.

День был солнечный и морозный. Снег, которому суждено остаться неубранным до весеннего таяния, лежал на привокзальной площади толстым слоем. Шурясь от его режущего блеска, Савотин направился к коновязи, где и разыскал присланную за ним исполкомовскую кошевку.

— Домой? — спросил знакомый возница.

— Нет, в управление,— шлепнул по пухлому портфелю Петр Григорьевич.— Завезем вот это богатство, с людьми повидаемся.

Снежные заносы заставили пробираться кружным путем. К губмилиции подъехали со стороны польского костела [1]. Вылезая из кошевки, Савотин увидел, как на крыльцо, грохнув дверью, вылетел молодой человек в кожаной тужурке. На груди — ремни вперехлест. По сапогам, щедро смазанным дегтем, древнего вида шашка шлепает. Голова простоволосая, жесткая растительность непокорно топорщится.

Савотин с трудом узнал в нем начальника уездно-городской милиции Васильева. Тот, не замечая прибывшего, пискливо закричал:

— Сахаров! Тебя только за смертью посылать.

— Чичас! — откликнулся откуда-то со двора невидимый Сахаров.

Обладатель кожанки, сбегая с крыльца, едва не наткнулся на Савотина.

— Петр Григорьевич! — радостно стукнул каблуками Васильев. Лицо его блаженно засияло.— Прямо из столицы?

— Прямо из нее.

— А мы вот воюем все... На Екатеринбурге-II какая-то банда вагоны распотрошила. Прямо на путях, гады. Мишу Янберга — он на посту стоял — угробили. Бархоленко уже там. На помощь ему дунем.

Из туннелеобразных ворот, выворачивая лепешки утоптанного снега копытами, вылетел гривастый длинноногий жеребец, запряженный в розвальни. На облучке — тот, которого «только за смертью посылать»,— Сахаров. За плечами у него винтовка. Штык — небо царапает. Позади — четыре милиционера. У одного берданка, у другого — японский карабин,

---

[1] До недавних пор он стоял напротив Центральной гостиницы, где сейчас разбит сквер.

двое с шашками. К солдатским опояскам по бомбе прицеплено.

— Тп-р-ру-у, супонь-чересседельник,— прошлепал Сахаров губами и осадил лошадь.— Фаятон подан, товарищ начальник!

Зажигаясь лихорадкой предстоящей схватки, Васильев вытянулся перед Савотиным:

— Ключи у дежурного, товарищ Савотин. Располагайтесь. Кабинет натоплен. Если выдуло — за печкой смоляки сложены. Подбросьте. А мы поспешим. Банда немалая, отстреливается.— Васильев стал напяливать шапку, которую все еще держал в руке.

— Ого! — удивился Савотин.— Уже в истопники разжаловали?

— Ды-ык на партячейке решили... На три месяца отпуск вам. Мне же башку отвинтят...— Но увидев, что Савотин нахмурился, начуездгормилиции, срываясь на писк, закричал:— Сахаров! Подь в дежурку, возьми в шкапе «Смит-Вессон», что третьеводни у шпаны изъяли.

— Ничего, я сам схожу,— остановил Савотин ретивого Сахарова.— Портфель запру подальше.

Через несколько минут сани понесли седоков в сторону Восточной улицы. Сахаров, поднявшись дыбом, крутил вожжами над головой и, широко раскрыв рот, погонял поджарого жеребца:

— А ну-у, наддай, супонь-чересседельник!

...Схватка на станции Екатеринбург-II [1] была скоротечной. Бандиты, отстреливаясь и нахлестывая лошадей, скрылись в лесу.

Милиционеры подобрали убитых в перестрелке бандитов и вернулись в город.

Савотин слег с воспалением легких. Мало того — открылись старые раны, пуще стало дергаться веко поврежденного глаза. Лишь через месяц он смог встать на ноги и сделать три шага, отделявших кровать от стола. В постель уложили жена да пришедший навестить Савва Бархоленко.

Савва присел на табурет у изголовья, положил тяжелые кисти рук на колени. Петр Григорьевич лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Достались ему эти три шага! Савва молчал, разглядывал лицо друга. Заострившийся нос. В усах щеточкой — густая седина. Мягкие пепельные волосы поредели. Давно уже знает его вот таким, но никогда еще так сильно не щемило в груди. А может, увидел по-другому, не как всегда? Может, увидел так потому, что завтра он, Савва,

---

[1] Теперь станция Шарташ.

уезжает, и, бог знает, сведут ли когда жизненные пути с человеком, с которым породнили сотни ночей без сна, чечевичная похлебка да пороховая гарь?

Вот и жилье Савотина видится по-иному. Два заиндевелые окна, к стеклу одного примерзла пожелтевшая с угла занавеска. Стол, покрытый вытертым сиреневым плюшем, на полу — домотканые половики... Все то и, вроде, не то. В углу за шкафом — сапоги. Те самые, о которых Петр Григорьевич говорил: «Я не устал, сапоги устали». Да, они изрядно устали. Заплаты на них, как бинты на человеке: и хотел бы соврать, что здоров, да не сможешь — люди-то видят.

Эх, Петр Григорьевич,— не только сапоги, но и ты устал.

— Что молчишь, Савва? — глухо спросил Савотин.

— Да что говорить. Отдыхай.

— Это верно. Больше мне ничего не остается. Если и на этот раз «костлявую» обману, все равно толку мало. Для милиции я теперь — помеха... Принимай дела, Савва. Эвон еще какой. Выдюжишь.

— Не получится, Петр Григорьевич, я ведь прощаться пришел. На Украину отзывают. Там в лесах всякую нечисть треба выводить.

Савотин слабой рукой нащупал кисть Бархоленко, сжал ее, помолчал.

— Понимаю... Попрощаемся тогда. А дела... Найдем когонито. Иван Басаргин потянуть может. Федя Заразилов. Этот, правда, не захочет оставить угрозыск.

Что могли сказать друг другу на прощание эти два человека? То молчали, то говорили о пустяках. Ушел Бархоленко с мыслью, что этот изувеченный, газами травленный, работой изнуренный дорогой ему человек не протянет долго, что не придется проводить его в последний путь.

Но ошибся Савватей Архипович, ошиблись и лечащие врачи. Поднялся и твердо встал на ноги Петр Григорьевич. Управлял строительной конторой, вечерами преподавал в школе милиции. Настигла его все время шедшая по пятам «костлявая» лишь в 1951 году.

Что касается Бархоленко... Вместе с Котовским добивал он остатки махновцев, работал начальником Уманьской милиции на Украине, начальником уголовного розыска в Киеве. Умер Савватей Архипович в 1965 году.

«За беспощадную борьбу с бандитизмом»

Имя начальника губернской милиции Петра Григорьевича Савотина тесно связано и с созданием на Урале службы уголовного розыска.

Вообще-то аппараты угрозысков возникли почти одновременно с организацией подразделений рабоче-крестьянской милиции. Но состояли они тогда в основном из людей прежних сыскных отделений, из тех, кому в какой-то степени могли доверять Советы рабочих и солдатских депутатов. Пока не было своих, пролетарских, профессионально подготовленных кадров, нельзя было отказываться от услуг тех, кто знал преступный мир, владел определенными методами борьбы с ним.

Но вскоре Советы стали активно создавать специальные аппараты для борьбы с уголовной преступностью. В августе 1920 года Народный комиссариат внутренних дел принял нормативный акт, вошедший в историю под названием «Положение о следственно-розыскной милиции». Этим документом на органы уголовного розыска возлагалась обязанность осуществлять следственные действия по уголовным делам. Положением определялась структура следственно-розыскной милиции. Исходя из него, Петр Григорьевич Савотин занимался созданием аппаратов уголовного розыска в Екатеринбургской губернии совместно с заведующим губернским отделом управления Кисляковым и председателем губчека Тунгусковым. Они же разработали временную инструкцию, регламентирующую деятельность уголовного розыска.

Вместе с Савотиным, Заразиловым, Худышкиным начинал свою службу в угрозыске Александр Иванович Кандазали. Он и сейчас живет в Свердловске. Годы его преклонные, но мужественное лицо, умные глаза под нависшими бровями остались теми же, что и 40—50 лет назад.

Его будили ночью, докладывали:

— Выдавили окно и начисто обобрали квартиру.

Александр Иванович одевался и на ходу уточнял:

— Влезали через раму или открывали шпингалеты? Хватали, что попало или брали с разбором?

Выслушав ответы, Александр Иванович уверенно говорил:

— Будем брать Попрыгунчика. Его рук дело.

«Гроза преступного мира» — так называли его в Екатеринбурге. Это неофициальное звание сохранилось за ним и в последующие годы. Мужество, отвага, исключительное профессиональное мастерство Александра Ивановича отмечены орденами Ленина, Красного Знамени, «Знак Почета».

Вот один из эпизодов в его практике. Преступление было страшным. На раскрытие бросили все силы милиции и проку-

ратуры, проверили десятки людей. Наибольшее подозрение вызвали двое, прошлое которых было далеко не безупречным. Их арестовали.

Допрос проводил А. И. Кандазали. Да, они виноваты. Но Кандазали чувствовал: есть и кто-то третий, более опасный, до сих пор гуляющий на свободе.

Александр Иванович снова идет на место происшествия. Опрашивает жителей соседних домов, даже с детьми беседует. Еще при первом осмотре он обратил внимание на такую деталь: все трупы перевернуты вниз лицом. Преступник, обкрадывая дом, не хотел встречаться даже со взглядом мертвых. Уж не родственник ли?

Кто из них бывал в семье пострадавших последнее время? Перебрал десятка полтора человек. Все — вне подозрений. И вдруг семилетняя девчушка, прижимаясь к матери, пролепетала:

— А еще Витька приходил.

Взрослые пояснили: Витька — племянник главы погибшей семьи. Это уже кое-что значило.

Стали разыскивать Витьку, не нашли. Что украдено в доме — тоже никто не знал. Только соседка вспомнила, что в сенях стояла плетеная корзина. Теперь ее не было.

Кандазали — на вокзал. Весовщик заявил, что такая плетенка отправлена в Челябинск. Александр Иванович едет туда. Корзины уже нет — переадресована в Карталы. Снова в путь. Из Карталы — в Оренбург, из Оренбурга — снова в Челябинск.

Уже знакомый приемщик багажа обрадовал:

— Пришла та самая корзина. Опять к нам переадресовали.

Осталось ждать. И преступник пришел. Пришел, убежденный, что основательно запутал след, что пора продавать краденое.

У Александра Ивановича Кандазали за плечами нелегкая жизнь. У честных тружеников этот человек вызывал почтительное уважение, у людей преступного мира — страх, смешанный с преклонением перед его умом, мужеством и несгибаемой волей.

Еще юношей в 1919 году пришел Александр Иванович в уголовный розыск, да так и остался на этой работе до ухода на пенсию. Вначале работал на станции Вятка-I, а с 1922 года — инспектором Екатеринбургского угрозыска.

В более поздние годы Кандазали стал начальником уголовного розыска и пробыл на этой должности до 1947 года.

Наиболее сложные и запутанные преступления поручали раскрывать, как правило, ему. В ряд с ним можно поставить его друга Георгия Якина. Он тоже свердловчанин, до сих пор работает.

4 Заказ 131

...В приемах, к которым прибегал Мишка Культяпый и его сподручные, не было ничего нового. В то время ими пользовались многие профессиональные грабители, утверждавшие таким путем свой авторитет в преступном мире.

Наглость, эффектная шумиха и почти маскарадные переодевания — вот те атрибуты, которыми обставлялись разбойные нападения этой банды.

Обычно пять-шесть человек среди бела дня врывались в какое-нибудь учреждение или магазин, выхватывали револьверы и с криком «Ложись!» открывали пальбу в потолок. Пока перепуганные люди мысленно прощались с жизнью, бандиты опустошали сейфы, набивали мешки ценными товарами и, постреляв еще для устрашения, скрывались в ближайшем переулке, где их ждала заранее приготовленная пролетка.

Банда никогда не появлялась дважды в одном районе Екатеринбурга. То она ограбит заводскую кассу на Уктусе, то нападет на магазин на Щепной [1] площади, то объявится в Березовском или в Арамили. Много хлопот доставляла она уголовному розыску. Дважды Культяпый попадал в засаду Екатеринбургской милиции, но с боем прорывал кольцо и, потеряв двух-трех человек из шайки, скрывался.

Однажды в уголовный розыск забежал растрепанный приказчик из скобяной лавки.

— Начальника мне, самого главного!

«Самый главный» был тогда в УГРО старший инспектор Леонид Ксенофонтович Скорняков. Он и принял перепуганного торговца.

— Видел, своими глазами видел. Третий дом от моста, туда заходил. Может, там остался, а может — нет. Не знаю. Идет, оглядывается — и шасть в калитку.

Скорняков повернулся к инспектору Александру Кандазали.

Невысокого роста, коренастый, с глубоко посаженными глазами, он сидел за столом и отработанным движением большого пальца загонял в обойму тупорылые, с самоварным блеском, патроны. На газете, заляпанной ружейным маслом, лежал браунинг, на рукоятке которого блестела серебряная планка с надписью: «За беспощадную борьбу с бандитизмом».

— Не врет? — спросил Скорняков.

— Этот? Нет. Проверю, конечно, а людей надо готовить.

В полночь наряд милиции окружил низкий, под дощатой крышей, дом. Перестрелка продолжалась почти до рассвета. Когда агенты и инспекторы уголовного розыска ворвались в низкое приземистое строение, они нашли там труп одногла-

---

[1] Район дендрария в Свердловске.

зого бородача, наган да два обреза с опустошенными обоймами. Культяпый исчез. Видно, гадюкой прополз меж грядок огорода и скрылся за обмелевшей речкой.

После этого случая о главаре банды долго ничего не было слышно.

— Где-нибудь раны зализывает, — высказывали предположение в уголовном розыске.

...А теперь перенесемся из Екатеринбурга в Уфу.

В 10 часов утра 23 сентября 1923 года агент Уфимского уголовного розыска Георгий Якин получил распоряжение идти в военкомат для отбора лошадей в армию. Работа не из приятных. Поворчав для порядка, Якин вышел на улицу. Миновав Хлебную площадь, свернул на Успенскую улицу и тут, ошеломленный увиденным, остановился. Из двери ювелирного магазина кувырком, путаясь в длиннополой рясе, выкатился священнослужитель. За ним вышли двое. Оба в масках, с наганами в руках. Стреляя в воздух, грабители ринулись сквозь поток перепуганных прохожих и скрылись за углом.

Теперь уже было не до комиссии по приемке лошадей. Якин бросился вслед за одним из бандитов. Тот вбежал в распахнутые ворота типографии и в несколько прыжков влетел на второй этаж здания. Кажется, протяни руку — и вот он, грабитель. Но этот вариант не устраивал налетчика. Ни секунды не колеблясь, он прыгнул в окно на улицу, противоположную площади.

Якину ничего не оставалось делать, как последовать за ним. Бандит только крякнул, когда на его плечи свалился агент УГРО.

Типографские рабочие помогли обезоружить задержанного. В помещении уголовного розыска он назвался Михаилом Ершовым. Безропотно дал обыскать себя, выгружал из карманов золотые цепочки и драгоценные камни. Взгляд Якина остановился на правой четырехпалой кисти Ершова. Не Культяпый ли? Именно за такой физический недостаток получил эту кличку житель Верх-Исетского завода Михаил Осипов, некогда приговоренный к расстрелу, но бежавший из тюрьмы. Позже он сколотил шайку.

Проверка отпечатков пальцев Ершова с дактилоскопической картой Осипова подтвердила догадку Георгия Якина.

Вскоре Екатеринбургский угрозыск арестовал «Марусю», братьев «Назариков», «Хитроглазого» и других сподвижников этого опасного преступника.

...Другой сотрудник УГРО тридцатых годов — Георгий Васильевич Горохов. Он с гордостью называет себя учеником Александра Ивановича Кандазали. Что ж, ученик оказался наиспособнейшим. Начальником уголовного розыска Свердловской области он работал с 1925 по 1937 год, затем был советником милиции в Монголии, заместителем министра

внутренних дел Татарской АССР, начальником уголовного розыска Главного управления МВД СССР. Сейчас он комиссар милиции третьего ранга в отставке.

Наган без шомпола

Зима на Урале в 1930 году выдалась снежной. Сугробы добрались до верхних наличников приземистых изб, огромными козырьками нависли над дощатыми заплотами. Снег убирали только на центральной улице, на остальных он наслаивался от снегопада к снегопаду, утрамбовывался ветром и временем.

Было тихо. Месяц блестками высветил сугробы, санную дорогу, натертую конскими яблоками. Освеженные морозцем, Гриня и Семен Семенович направились к Харитоновскому саду, где в жарко натопленном ларьке знакомый мужик торговал бутылочным пивом и даже — только тайком — крепчайшим самогоном.

...Свердловский окружной уголовный розыск размещался в двухэтажном ветхом здании, которое стояло на том самом месте, где теперь расположился Центральный почтамт. Сотрудники угрозыска жили по соседству, а точнее, во флигеле этого же нелепого надворья, унаследованного от дореволюционного присутственного места. Поэтому, а может и по другой причине, в частности от переизбытка работы, инспекторы и агенты УГРО засиживались в своих кабинетах далеко за полночь. Не составлял исключения и этот субботний вечер.

В кабинете заместителя начальника отдела уголовного розыска Георгия Горохова собралось человек пять. Под потолком плавал табачный дым.

— Что будем делать? — спрашивал Горохов, поглядывая сквозь очки на товарищей.

— А что делать... И так не знаем, когда досыта спали. Конная милиция патрулирует. Сторожей проинструктировали. Коммунистов на Верх-Исетском заводе, на макаронной и в депо, которые оружие имеют, предупредили.

— Но грабежи не прекращаются. Вчера извозчика убили, тулуп сняли. Третьего дня директора клуба до полусмерти избили. Сорок метров плюша для занавеса нес — отняли. А труп — на торфянике? Может, одна шайка действует, а мы ушами хлопаем.

— Похоже, что не наши мазурики, — согласился Лобастов, — своих всех перетрясли.

Народный следователь Смагин, рабочий кабинет которого располагался в здании УГРО, бросив копаться в пухлых папках, пришел сюда же. Его появление внесло некоторое оживление.

В то время надзор за работой милиции осуществляли не органы прокуратуры, а народные следователи, и потому Смагин представлял некое официальное лицо, с которым надо бы держаться настороженно. Но к этому сорокалетнему, начинающему лысеть, добряку работники сыска были расположены наилучшим образом. Агент Миша Лобастов встретил его вопросом, который задается Смагину регулярно в течение нескольких месяцев:

— Ну как, Пантелеймон Петрович, ваш щенок все еще потеет?

Хохот колыхнул волны табачного дыма. Смагин смущенно улыбнулся.

Пантелеймон Петрович уже давно вынашивал мечту приобрести щенка служебно-розыскной собаки и, обнадеженный начальником угрозыска Скорняковым, с нетерпением ждал, когда в питомнике появится потомство. Наконец его мечта сбылась. Смагин пестовал щенка, как ребенка. Со знакомыми и малознакомыми следователь говорил только о нем. Однажды, войдя в кабинет Горохова, Смагин в присутствии других сотрудников розыска восхищенно сказал:

— И что за неугомонный щенок! Знаете, сегодня он так набегался, что даже вспотел.

Под неучтивый хохот собравшихся Миша Лобастов разъяснил ему, что собака — та самая скотина, у которой кожа не имеет пор, а значит и потеть не может.

...Не успело улечься веселье уставших за день людей, как в дверях появился дежурный. Прямо с порога он выложил:

— Георгий Васильевич, только что поступило сообщение. На углу Восточной и Первомайской совершено убийство. Стрелявший в прохожего задержан.

Горохов накинул шинель, коротко бросил:

— Лобастов, Смагин — со мной!

...Из дома напротив выбежал раздетый парень лет двадцати.

— Товарищ начальник, бандита мы с Федькой, братаном, поймали. У нас он, связанный.

Горохов и Смагин направились в дом, Лобастов отправился встретить милиционеров из резерва, чтобы наглухо перекрыть место происшествия, осмотр которого решили произвести, когда развиднеется.

Убийца сидел на полу кухни, весь спеленатый вожжами. Длинный, тощий, переломленный, как складной метр, он по-лошадиному раскачивал головой и раздражающе ныл. На давно небритом бескровном лице, чуть пониже правого глаза, взбугрился синяк.

— Да развяжите вы его, — брезгливо распорядился Горохов. — Ну, а теперь рассказывайте, как и что тут произошло.

Младший, тот, что выбегал на улицу, возбужденный своим героизмом, шмыгнул носом, стал рассказывать:

— С брательником ужинать сели. Хлебаем, говорим о всяком. Вдруг — ба-а-бах! Прямо под окнами. Мать честная! Я рожи не успел перекрестить, а тут снова: ба-бах! Федька-то дунул в лампу да к занавеске. Я тоже к стеклу прилип. А чо тут увидишь — заморозило все. Слышали только — протопал кто-то. «Пойдем-ко, — это Федька мне, — кажись, смертоубийство произошло». Оболоклись мы, Федька из ремня дудку такую, вроде пистоля, свернул. Выбегли на улку, туда, сюда головой-то. Глядь, а на дороге человек растянулся, над ним вот этот, верста коломенская, склонился. Федька-то и гаркни: «Стой, стрелять буду!» и дудку из ремня наставляет... Вот так и захватили бандюгу.

— Фамилия? — повернулся Горохов к сидящему на полу.

— Максимов мы. Григорий. А убитый — свояк мой. Семен Семенычем звать. Гуляев он, официант из ресторана.

— За что кончил-то?

— Бог с вами. Я не убивал.

— Ишь ты, — взорвался младший хозяин дома. — Эвон — руки в кровище. А он — не убивал.

Смагин отстранил парня ладонью.

— Не убивал. Мы за пивом ходили. Туда, к Харитоновскому. Потом я к бабе знакомой зашел. Вышел, а он — на те. Мертвый. А тут эти: «Стой, стрелять буду». Ну, думаю, и моя смертынька пришла. Вздел руки.

— Где оружие? — прикрикнул Смагин.

— Не было у меня никакого оружия. Не убивал я.

— Н-ну, дядька, опять за рыбу деньги. Чего упрямиться-то?

Задержанный застонал, замотал головой. Горохов, внимательно разглядывая его, положил руку на плечо Смагина:

— Не горячись, Петрович. Утро вечера мудренее. Разберемся.

А в чем разбираться? При обыске на квартире Григория Максимова нашли кобуру от нагана и записку убитого к жене Григория: «Палаша, свет мой, не надо покуда встречаться. Гришка твой совсем озверел, некультурность свою проявляет...»

Пелагея не запиралась:

— Письмо от Семена Семеновича. Вчера передал.

— Давно вы с ним это...

— Любовь-то? Давно. Еще на вечерках миловались, пожениться хотели. Сестрица старшая отбила, а я со зла за Гриньку, оглоблю эту сухостойную...

— Муж знал о ваших интимных связях?

— Каких это интимных? Про любовь? Навроде бы. За волосья меня по пьяну-то сколь разов таскал.

— Вчера вечером, когда пил с Семеном, что говорил? Угрожал?

— Ругались. Гринька голову грозился ему отрубить.

— Свое обещание он выполнил — застрелил Семена Гуляева.

Глаза Пелагеи расширились, миловидное лицо со вздернутым носом враз подурнело. Она истерично закричала:

— Сене-ечка, голубок мой!

Смагин досадливо поморщился, плюнул под печку.

В избу вошел Лобастов. Вот что он доложил.

Хозяин ларька подтверждает, что двое мужчин часов в семь вечера купили шесть бутылок пива. По приметам — эти самые. Женщина, к которой заходил задержанный, говорит, что Григорий пробыл у нее минут десять. Были гости, он не остался, только выпил стопку водки.

На месте происшествия найден шомпол от револьвера системы «Наган». Кошелку с пивом и оружие найти не могли.

Сотрудники угрозыска сидели в жарко натопленной горнице храбрых братьев. Горохов расстегнул воротник гимнастерки, спросил у Смагина:

— Что скажешь, Пантелеймон Петрович?

— Тут и говорить нечего. В таких сугробах не только наган да кошелку, дровни вместе с лошадью закопать можно. Эвон сколь намело. Он гробанул жинкиного любовника, больше некому.

— Вроде бы и так и вроде бы не так, Петрович.

— Кто же тогда?

— А если опять те, кто директора клуба ограбил, кто труп на торфянике оставил, кто с извозчиком разделался? Те тоже из нагана убитые.

Смагин отрицательно покачал головой:

— Братья говорят, что одеться и выскочить на улицу им понадобилось три-четыре минуты. За это время преступники не могли скрыться. Их бы увидели. Увидели же братья Григория Максимова...

Михаил Лобастов переминался с ноги на ногу.

— Что, Миша, — обратился к нему Смагин, — что-то сказать хочешь?

— Чуть было не забыл. Соседка Максимова показывает, что однажды он пьяный за ней с наганом бегал.

— Вот видите, — развел руками Смагин.

Горохов вышел на кухню, где на лавке около рукомойника сидел под охраной милиционера вконец раскисший Гриня.

— Послушай, Максимов, говоришь, не стрелял? А из чего ты соседку грозился прикончить, когда бегал за ней?

— Она ж дура. Я ее кобурой пугал. Я в охране работал. Там и стащил кобуру обувь ремонтировать.

— Ладно, все проверим, Максимов... Ну, а вы, братья, сядьте на те места, где сидели, и делайте все, что делали, когда услышали выстрел. Это называется следственным экспериментом. Ты, Миша, — обратился к Лобастову, — выйди на улицу и сыграй роль предполагаемого убийцы: вырви кошелку из рук убитого и попытайся скрыться за угол Восточной.

На одевание и свертывание ремня трубкой ушло восемь минут. К тому же старший из братьев признался, что у калитки долго топтались — боязно было. Ясно, что преступники за это время могли не только добежать до угла, но даже пересечь Восточную и скрыться за железнодорожной насыпью.

— Что ж из этого? — слабо сопротивлялся Смагин.

— А то, что истинные убийцы успели скрыться, а Максимов, угостившись на дармовщину, пришел к месту убийства в тот момент, когда братья все же решились покинуть двор. Его-то они и схватили.

Вернулся Миша Лобастов, щелкнул крышкой карманных часов:

— За три минуты управился. А за пять я бы еще квартал отмахал. А потом вот,— и он подал Смагину рукавицу.— Вторая-то на убитом. А эту, видно, сдернули, когда кошелку вырвали. За углом подобрал.

— Вот и еще деталь в защиту Максимова. Ни выронить, ни бросить ее на Восточной он не мог, поскольку там не был.

— Да-а, задал нам официант работы,— отозвался Смагин.

Поздно вечером собрались у начальника уголовного розыска Луппы Ксенофонтовича Скорнякова. Тот выслушал доклад Горохова и сказал:

— Вижу, Георгий Васильевич, тумана много. Но что же сделано, чтобы его развеять?

— По существу, пока ничего. Отрабатывали эту, наиболее вероятную, версию.

— Придется, видно, заняться еще одной. По-моему, что-то есть. Послушаем Федора Худышкина.

Агент Федор Худышкин специализировался на притонах, которые, как поганые грибы, заполнили в период нэпа окраинные кварталы города. Заселенные мелкими жуликами, карманниками, спекулянтами и мошенниками, они давали порой приют и хищникам покрупнее. Сейчас Худышкин сидел около стола Скорнякова и, попинывая лежащий на полу мешок, загадочно подмигивал своему приятелю Мише Лобастову.

— Сегодня я брал с поличным Гапку Покидову, известную спекулянтку. Изъял сорок метров плюша и вот эту сумку. Не ее ли вы ищете? — Худышкин вытащил из мешка лыковую плетенку.

Миша Лобастов рванулся с места. Горохов остановил его:

— Не кипятись, Миша. Откуда она у Гапки Покидовой?

— Говорит, квартиранты дали. И плюш тоже. Я заходил в больницу к директору клуба. Он признал своей эту штуку материи.

— Значит... Ну-ка, Миша, давай сюда ревнивца Максимова.

Лобастов кинулся в дверь, дробью ссыпался по лестнице в арестное помещение. После темной камеры Максимов щурился от света, глуповато хлопал голыми веками.

— Это не ваша сумка?

Максимов вытаращился, схватил плетенку руками, заглянул внутрь.

— А где же пиво?

В комнате захохотали.

— Ишь, чего захотел. Может, тебе и воблу заодно?

Максимова увели. Скорняков повернулся к Худышкину:

— Ведь ты, пожалуй, задержанием Гапки спугнул ее квартирантов. Долгое ее отсутствие покажется подозрительным — смоются.

Худышкин пожал плечами:

— Мне о них ничего неизвестно было. Я Гапку брал, — он постучал ребром ладони по шее. — Вот она где у меня сидит.

— Кто они, эти квартиранты, выяснил?

— Гапка знает их только по кличкам: Пахан, Паханша и Сырок. Две недели назад приехали из Каслей. А может и врет. Жох бабочка. Давно по ней тюрьма плачет.

Горохов посмотрел на часы:

— Не думаю, что опоздаем, Луппа Ксенофонтович. Нет еще и десяти. Надо только спешить.

Через пятнадцать минут группа сотрудников уголовного розыска с Гапкой в кошевке и пять конных милиционеров мчались на окраину заводского поселка. Операцию возглавлял Георгий Горохов.

Лошадей оставили за два квартала и стали окружать усадьбу спекулянтки Покидовой. Гапку сопровождал Лобастов.

— Ты, тряпичница, — Лобастов ткнул женщину револьвером в поясницу, — если пикнешь лишнее, решето из тебя сделаю.

Гапка поднялась на крыльцо, выдернула из веника прутик, сунула его в щель и откинула внутреннюю щеколду двери. Лобастов отстранил ее и вбежал в избу. Следом вошли три милиционера.

Искали на печке, под кроватями, на полатях, обшарили голбец...

— Н-ну, гнида, — рассвирепел Лобастов. — Ты что же это?

Но Гапки в избе уже не было. Оставленная без присмотра, она вышла во двор и, бросив Горохову: «Я сейчас, мне до ветру», кинулась в конюшню. Там она вылезла через пролом в задней стене и побежала к стоящей на задах огорода бане. Горохов и милиционеры, увязая в сугробах, бросились за ней.

Гапка заорала:

— Васька! Пахан! Мильтоны наехали! Бежите!

Из бани раздался выстрел. Гапка завизжала и поползла на четвереньках к заплоту. Милиционеры зарылись в снег. Завязалась перестрелка.

Лобастов со своими милиционерами обошел баню проулками и отрезал бандитам отход к торфянику.

На выстрелы прискакал полувзвод конной милиции. Через полчаса все было кончено. Пахан не захотел сдаваться и застрелился. Из бревенчатой бани, занесенной снегом до самого оконца, вытащили его труп и раненую женщину — Паханшу. Сырок вышел сам, бросив к ногам Горохова наган с пустым барабаном и без шомпола.

Позже эксперт М. М. Любавский дал заключение: «...шомпол, найденный на месте убийства работника ресторана Семена Гуляева, является деталью револьвера № 12747, изъятого у бандита Василия Бельского по кличке Сырок. При экспериментальной стрельбе шомпол при четвертом и шестом выстрелах обязательно выпадал...»

Улица называлась Береговой

Полуистлевшие листы районной газеты «Ударник» за 1931 год. На первой полосе заметка, набранная крупным шрифтом:

«В ночь на 18 апреля зверски убит председатель Сухоложского поселкового Совета, выдвиженец из рабочих Уфалейского завода тов. Шулин. Убийцы в количестве пяти человек арестованы, ведется следствие. Нити убийства ведут к кулацкой мести... В ответ на убийство Шулина организуем новые ударные бригады и колхозы! Убийцы, выполнившие дело классового врага, должны быть расстреляны. Так сказали рабочие Сухоложья» [1].

Наступление социализма шло по всему фронту. Индустриализация осуществлялась с невиданным размахом. Энтузиазм рабочего класса охватил и трудовое крестьянство. В деревне началась сплошная коллективизация, а 5 января 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строю», в кото-

---

[1] Сухой Лог в то время входил в Курьинский район, Свердловского округа, Уральской области; г. Уфалей — в Челябинский округ той же области, административный центр которой находился в Свердловске.

ром получила закрепление политика ликвидации кулачества как класса.

Именно в те дни коммунист Федор Петрович Шулин, тридцатилетний слесарь Уфалейского завода, в числе других двадцати пяти тысяч рабочих, по путевке партии уехал в деревню. Трудящиеся Сухого Лога избрали его председателем поселкового Совета.

Улица вдоль реки Пышмы в Сухом Логу носит теперь имя Шулина. Раньше она называлась Береговой. По ней на рассвете уходил в Совет Федор Петрович, а возвращался далеко за полночь. Дел было невпроворот.

Сухоложцы полюбили молодого, энергичного председателя. К нему в Совет шли и стар и млад. Шли со своими думами, горестями, заботами.

Но не всем Шулин пришелся по душе. Особенно братьям Михаилу и Ивану Ефремовым. Михаил имел два дома, пять лошадей, четыре коровы, ежегодно засевал двенадцать гектаров пашни. Засевал не своими руками, конечно. На постоянной работе держал двух батраков и нанимал еще пятнадцать сезонных рабочих.

Матерым деревенским эксплуататором был и его брат. Таким же мечтал стать сын Михаила — Иван Ефремов.

Ефремовых раскулачили. Они затаились в бессильной злобе, посылая на голову Федора Шулина проклятья и обдумывая планы мести.

— Для тебя копил и берег добро, — говорил Ивану отец.— Это Шулин сделал тебя нищим.

Иван — не маленький. Двадцать один год. И без отцовских наущений он уже определил свое отношение к Советской власти. У него имеются свои счеты с ней. В 1929 году Иван работал на строительстве цементного завода — возил камень. В карьере нагружал, а на стройку не привозил — сваливал по дороге в речку.

— Вот вам стройка, вот вам новая жизнь, — злорадно посмеивался кулацкий сынок.

Милиция поймала его на месте преступления, судили. А потом еще и раскулачили.

— Убью Шулина, — грозился Ефремов.

Под стать себе подобрал и дружка — Ивана Толоконникова, колчаковца в прошлом. Они-то, эти двое, зверски расправились с коммунистом Федором Шулиным.

Гибель председателя поселкового Совета от рук кулаков всколыхнула всю Уральскую область. На предприятиях проходили митинги и собрания.

Ни выстрелы из-за угла, ни поджоги, ни угрожающие анонимные письма — ничто не могло запугать тех, кто строил новую жизнь. Бедняки, а за ними и среднее крестьянство все охотнее шли в колхозы. Это не устраивало деревенских

эксплуататоров, и они старались мстить, где только можно. Поэтому Народный комиссариат внутренних дел РСФСР в марте 1930 года обязал органы уголовного розыска проявлять высокую бдительность в отношении кулаков, вести беспощадную борьбу с теми, кто открыто выступал против Советской власти и ее законов. В те годы были изданы различные документы, которые обязывали уголовные розыски самым решительным образом перенести центр своей деятельности в область предупреждения преступлений, всемерно опираясь в этой работе на трудовое население деревни, главным образом на батраков и бедняков. Угрозыски должны были установить постоянное наблюдение за кулацкими и примыкающими к ним элементами, постоянно информировать о их преступных выступлениях.

Кулаки скрывались, объединялись в банды. В некоторых деревнях происходили кровавые стычки между кулаками и членами артелей. Без сопротивления кулаки не сдавали своих позиций.

Органы милиции, которым вменялось в обязанность предупреждение и ликвидация бандитских выступлений и уголовных деяний кулачества, поддерживали тесную связь с партийными, советскими и общественными организациями и учреждениями, чтобы постоянно иметь необходимую информацию о жизни в деревне и согласованно с ними осуществлять намеченные мероприятия.

Имея четкое представление об оперативной обстановке в том или ином районе, руководство милиции умело маневрировало имеющимися силами, в наиболее неблагополучные места направляло стойких, политически развитых работников. При каждом горотделе милиции формировались подвижные резервы.

Злобно сопротивлялись новому богатеи села Благовещенского, Туринского района, а когда решили их выселить, они, вооружившись, скрылись в лесу. Участковый милиционер Свяжин узнал, где скрывается кулацкая банда, состоящая из 7 человек, и привлек для ее поисков коммунистов местной ячейки ВКП(б). Четыре коммуниста во главе со Свяжиным окружили бандитов. Те стали отстреливаться, но Свяжин, опередивший своих товарищей, наповал уложил из нагана главаря банды, двоих ранили члены ячейки. Тогда бандиты прекратили сопротивление и сдались.

Наступление на кулачество и нэпманов шло по всему фронту. Заботясь о том, чтобы в этой борьбе не пострадали невинные, административный отдел Уральского облисполкома предупреждает органы милиции:

«Налагать адмвзыскания в максимально законных размерах на нэпманов и кулаков и критически относиться к наложению взысканий по отношению середняков и в особенности

бедняков, батраков и рабочих. Практиковать применение к рабочим, батракам и беднякам общественное воздействие: выговор, предупреждения, внушения. Ни в коем случае не допускать замены принудработ денежным штрафом».

Портфель, Найдень и пыль на подоконнике

В феврале 1925 года начальником Свердловского окружного уголовного розыска был назначен Луппа Ксенофонтович Скорняков, а его заместителем Георгий Васильевич Горохов.

Свердловский угрозыск делился на три специализированные части. Одна из них занималась розыскной работой, другая — непосредственным изъятием преступных элементов, третья носила название регистрационно-дактилоскопического бюро, в которое входили дактилоскоп, фотограф, заведующий столом привода, заведующий камерой хранения вещественных доказательств, два делопроизводителя и секретарь.

Стоит напомнить, что это был разгар нэпа, и немало частнокапиталистических элементов появилось и в Свердловске — центре обширнейшей Уральской области. Как поганки после дождя, открылись кафе, рестораны, казино, с интригующими французскими названиями, частные мастерские, товарищества «Отец и Сын» и тому подобные предприятия старорежимного образца. Это обстоятельство, плюс послевоенная разруха явились катализатором роста преступности. Усложнялись и преступления. Возродились корпорации карманников, портфелистов, домушников, тряпичников и всякого другого сброда. Чтобы раскрыть некоторые сложные преступления, настоятельно требовалась помощь науки.

В 1924 году попробовать свои силы на работе в регистрационно-дактилоскопическом бюро предложили Михаилу Михайловичу Любавскому. Молодой, энергичный, крепкого здоровья, а главное, достаточно грамотный человек, он наиболее соответствовал должности заведующего этого отдела. Тем более к тому времени Любавский уже прошел основательный курс дактилоскопии у Александра Васильевича Крысина, который руководил той же отраслью в областном аппарате уголовного розыска и являлся основателем внедрения в практику работы милиции научных методов расследования преступлений на Урале.

Любавского радушно встретили и Л. К. Скорняков, и Г. В. Горохов, помогли ему приобрести все необходимое. Любавский получил фотоаппарат 13×18 см с объективом «Аплапат» и тремя двойными кассетами, фотореактивы, пластинки, бумагу, дактилоскопический прибор и порошки для выявления следов пальцев рук. Ну, а когда через год бюро получило

фотоаппарат системы «Бертильон» с двумя объективами, то радости криминалиста не было конца.

Обстановка требовала расширить рамки применения научно-технических методов расследования преступлений, инспектора же, субинспектора и агенты УГРО не имели малейшего понятия о всех этих премудростях. Любавский предложил организовать учебу сотрудников. Личный состав стал регулярно раз в неделю собираться на четыре часа.

Получаемые знания закреплялись практикой, недостатка которой в годы нэпа не было. На места происшествий постоянно выезжал М. Любавский с фотографом и там помогал найти и зафиксировать следы преступников, грамотно составить протокол осмотра места происшествия.

Кто не видел кинофильма «Путевка в жизнь»! Помните карманника Мустафу, который на вокзале с исключительной ловкостью вырезал у нэпманши клок из ее драгоценной шубы? Эпизод этот — не для занимательности сюжета. В то время было немало крупных воров, которые совершали кражи из сумок, портфелей, карманов путем разреза. Распространенность этого вида преступления породила преступников несколько иной категории. Они похищали государственные деньги... из собственных сумок и портфелей. В доказательство своей невиновности предъявляли эти предметы в «оперированном» виде.

В Свердловске инкассатор Комуралбумтреста Маштаков заявил своему начальству, что в банке, в момент, когда он заполнял документы на сдачу 30 тысяч рублей, у него разрезали портфель, а деньги похитили.

Началось следствие. Портфель направили на экспертизу Михаилу Любавскому.

Разрез на портфеле Маштакова был сделан явно неумелой рукой. Разрез производился в три приема и, похоже, с большим усилием не очень острым предметом. Если бы вор поступил таким образом, то даже самый рассеянный человек услышал бы его «работу». А ведь у Маштакова портфель был зажат под мышкой.

Так появилось первое сомнение в честности Маштакова. Затем был проведен следственный эксперимент. В разрезанный портфель уложили пачки денег в том порядке, в каком они были уложены Маштаковым. Оказалось, что через прорезь извлечь их очень трудно.

В-третьих, при обыске на квартире Маштакова нашли изрезанный журнал. На нем тренировался Маштаков перед тем, как подступить с ножом к портфелю.

Виновность симулянта кражи была доказана.

В тот период областное управление рабоче-крестьянской милиции приступило к организации криминалистического учебно-показательного музея. В его задачу входило изучение

техники и тактики раскрытия преступлений силами и средствами оперативно-розыскных органов. Для экспонатов в музей высылали из районных и городских управлений милиции орудия взлома замков, стен, дверей, потолков, пола, несгораемых шкафов, универсальные отмычки, приспособления для краж багажа, вырезания карманов, орудия убийства, приборы для подделки печатей, штампов, пломб, аппараты для варки спирта, фотоснимки с мест преступлений, предметы, характеризующие быт, нравы и обычаи преступного элемента, образцы татуировок и другое, что представляет интерес для изучения характера деятельности преступников.

Одно время в научно-техническом отделе работала экспертом-химиком Белла Абрамовна Дижур, ныне известная уральская писательница. Графической экспертизой занималась ее сверстница двадцатилетняя Антонина Овчинникова, фотографией — Павел Анциферов. Четвертым был начальник отдела Александр Александрович Крысин. Он был старше своих сотрудников несколькими годами. и умением работать, общаться с людьми добился непререкаемого авторитета. Его спокойствие, уверенность, глубокие познания в криминалистике заставляли людей относиться к нему почтительно. Незаурядной внешности, стройный, подтянутый, Александр Александрович каждое утро входил в лабораторию Беллы Абрамовны и, неизменно улыбаясь, спрашивал:

— Что нового?

Молодой химик удивленно смотрела, как этот элегантный человек безупречно чистыми тонкими пальцами перебирал потрепанные обноски преступников, остатки пищи, окурки — все то, что называется вещественными доказательствами.

— Химик не имеет права быть брезгливым, — говорил Крысин.

Вот как вспоминает те годы сама Белла Абрамовна:

«Ему, Александру Александровичу Крысину, я многим обязана. Это он помог моему сердцу ожесточиться против обманщиков, жуликов, против всего порочного, что еще ютится по темным закоулкам жизни. Страстно желая перенять его отношение к делу, я научилась подавлять в себе интеллигентское чистоплюйство, загнув рукава белого халата, деловито анализировать любую грязь. А была она разнообразной. То пришлют из колхоза содержимое желудков погибших телят и просят установить, не отравлены ли животные, то требуют узнать, каким жиром запачканы деньги, найденные у подозреваемого в краже.

Работа была трудная, увлекательная и, когда я в нее втянулась, нередко приносила ощущение гордости достигнутыми результатами. Признаюсь, я радовалась, найдя остатки стрихнина, хотя сам факт был очень печальным: кто-то отравил животных. А ведь в те годы это было не простое зло. Это

было политическое преступление. Радовало, что мои анализы помогают его раскрытию. Но больше всего я любила случаи, когда удавалось установить невиновность человека».

С тех пор прошло много лет. Наука еще прочнее вошла в жизнь милиции. Теперь научно-технический отдел занял в областном управлении внутренних дел целый этаж. В распоряжении экспертов-криминалистов десятки научных лабораторий, множество новейших приборов, с помощью которых можно разгадать самые, казалось бы, неразрешимые загадки. Биолог по остаткам слюны на окурке определяет группу крови курильщика, химик, имея мельчайшие частицы краски, научно докажет, с какого предмета она изъята, почерковед точно укажет автора записки, физик при помощи спектрального анализа установит однородность дроби, следовед разыщет человека, который оставил на месте преступления отпечатки пальцев или следы обуви...

Человек, совершивший кражу, уносит не только материальные ценности. Его всюду сопровождают невидимые свидетели. Эксперт заставит давать показания и обычную пыль, и ворсинки одежды, и кусочки извести.

...В сентябре 1967 года Алексей Дашев, шофер леспромхоза, привез домой трехмесячного лосенка — голенастого, беспомощного, окровавленного.

— Кто же его так? — спросила жена.

— Его — никто. В проволоке запутался. А вот матку... Знал бы кто, я бы...

Ожил, окреп и вырос лосенок в обществе вислобрюхой коровы. Алексей нарек его несколько необычно — Найдень.

Лето и зиму прожил Найдень на подворье Дашевых. Но домашним не стал. Лес звал его. Там уже начинались любовные игрища собратьев.

Исчез Найдень перед ноябрьскими праздниками. Позже Дашев несколько раз встречал своего питомца. Тот доверчиво подходил к машине метров на пять, останавливался и ждал, когда человек выбросит из кузова охапку сена или положит на снег краюху хлеба.

Однажды Найдень, обгладывая ветки рябины, услышал знакомый гудок машины. Лось выбрался из рябинника и двинулся к дороге. Когда вышел на поляну, замер в растерянности. На дороге стояла совсем другая, незнакомая машина. Бородатый человек в короткой шубе тоже не был знаком. Человек не посвистел призывно, не полез под сиденье за свертком, а резко распахнул дверцу кабины и, как палку из поленницы, выдернул оттуда ружье.

Инстинкт самосохранения сработал не сразу. И это погубило Найденя. Щелкнули курки. Найдень рванулся вспять. В уши стегануло громом. Второй выстрел услышал Найдень, когда, избавляясь от дикой боли, сделал резкий скачок в осин-

ник. Подвернулись передние ноги, губастая морда ткнулась в набухший влагой снег, и тело, весом в полтонны, завалилось на левый бок.

Не велик поселок, чтобы Алексей Дашев не отыскал злодея. Бухгалтер райпотребсоюза Уткин, долговязый мужик с испитым лицом и жидкой бородкой, и раньше грешил браконьерством.

— Как же у тебя рука поднялась на Найденя? — возмущался Дашин.

Уткин вытягивал благообразное лицо, мотал бородкой, прикладывал руки к тощей груди:

— Бог с тобой, Алексей. Духом ничего не знаю.

В отношении потребсоюзовского деятеля были подозрения и у милиции. Но не имелось у нее доказательств. Даже когда в чулане бухгалтера нашли увесистый кусок свежего мяса, он продолжал упорствовать:

— Разуйте глаза. Это ж говяжье. На базаре купил.

«Неужели вывернется? Неужели все так и сойдет негодяю?» — горестно думал Алексей Дашев.

Делом о браконьерстве занялся оперуполномоченный лейтенант Ярков, который вынес следующее постановление:

«Рассмотрев уголовное дело, УСТАНОВИЛ, что гражданин Уткин Александр Иванович, находясь с ружьем в лесу, убил лося. Часть мяса Уткин в тот же день увез к себе домой, а остальную часть вместе с головой лося, ногами и шкурой закопал в снегу. На квартире Уткина произведен обыск, в результате которого обнаружено мясо в количестве пяти килограммов, похожее на лосиное. Принимая во внимание, что для уточнения, действительно ли это мясо убитого лося, необходимы специальные познания, руководствуясь статьями..., ПОСТАНОВИЛ: назначить по настоящему делу биологическую экспертизу».

Эксперт-биолог управления внутренних дел Свердловского облисполкома майор милиции Фрида Евсеевна Корчемная прочитала постановление о назначении экспертизы и, отложив его в сторону, взяла в руки двухсотграммовую склянку. Официальность и некоторую таинственность этой баночке придавали тщательная упаковка и сургучная печать.

На баночке — небольшой ярлык с надписью: «Мясо, изъятое у гр. Уткина А. И.». Какому животному принадлежит оно? Вот вопрос, поставленный перед экспертом. Фрида Евсеевна никогда не встречалась с Уткиным, не имела ни малейшего понятия, каков он: плох или хорош; ничего не знала и об Алексее Дашеве, не переживала вместе с ним трагическую гибель доверчивого Найденя.

Эксперт готовит приборы, растворы, сыворотки, кислоты, проводит реакцию за реакцией. Реакции показывают, что присланное мясо принадлежит не лошади, не свинье и не птице.

Значит, объект исследования относится к рогатому скоту. Но какому конкретно?

Фрида Евсеевна снова колдует над пробирками, проверяя взаимодействие сыворотки с вытяжками из присланного мяса, и твердо убеждается: содержимое баночки взято не от козы, а от туши крупного рогатого животного. Остается узнать — какого. Коровы, лося, зубра?

При взаимодействии сыворотки с белком лося, полученного из научно-исследовательского института Министерства здравоохранения, через две минуты образовался характерный осадок в виде колец. Тогда эксперт проводит реакцию этой же сыворотки с белком вытяжки присланного мяса. Через то же время — тот же осадок.

Научно обоснованное заключение эксперта заканчивалось двумя лаконичными строчками: «Мясо, изъятое при обыске у гр. Уткина А. И., принадлежит лосю».

Другой случай.

В Первоуральский отдел милиции от жительницы станции Хрустальная Е. Киселевой поступило заявление о краже вещей из квартиры. На место происшествия выехала оперативная группа, в которую входили оперуполномоченный угрозыска П. Хорев, следователь Г. Малоземов, участковый уполномоченный С. Тищенко.

После тщательного осмотра места кражи работники милиции пришли к такому выводу. Преступник, зная, что квартира пустует, подошел к окну со стороны огородов и, выбив стекло, влез в комнату. Здесь он собрал все носильные вещи, облил водой чемодан и пол и тем же путем выбрался на улицу. Опасаясь служебно-розыскной собаки, путь отхода обильно посыпал табаком.

Лейтенант Хорев, осматривая место происшествия, заметил на скатерти комнатного стола и на клеенке кухонного столика капли свежей крови. Похоже, что преступник, разбивая стекло, поранил руку.

Не успели члены оперативной группы составить протокол осмотра, как к ним подошел гражданин Голубев.

— Меня этой ночью тоже обокрали,— заявил он.

— Час от часу не легче! — подосадовал оперуполномоченный Хорев.— Не успели одно преступление раскрыть, а тут еще... Где вы живете?

— Здесь, в соседней квартире. Временно, у сестры.

Пошли в квартиру Голубева. Шифоньер открыт, зимнее пальто, плащи разбросаны по полу, постель перевернута. В окне — ни одного целого стекла. Выбиты стекла и в двух окнах другой комнаты.

— Что украдено?

Голубев пожал плечами:

— Не знаю. Здесь вещи сестры.

Оперативный работник, следователь и участковый начали изучать обстановку на новом месте кражи. Сразу обратило на себя внимание то, что большинство осколков стекла вывалилось наружу. Это, во-первых. Во-вторых, какая необходимость преступнику высаживать стекла во всех рамах без исключения?

Подошли к подоконнику. На нем — цветок, стакан, зеркало, листы бумаги. По всему подоконнику — тонкий слой пыли. Приподняли цветок. На крашеной поверхности подоконника остался незапыленный кружок. Убрали стакан — то же самое.

Как же преступник влез и не потревожил ни один из предметов? Даже ни одной полоски на пыли не оставил.

Улучив минуту, участковый уполномоченный Тищенко шепнул следователю Малоземову:

— Геннадий Петрович, обрати внимание на указательный палец правой руки Голубева.

Малоземов попросил Голубева показать руки.

— Где это вы казанок ссадили?

— Вчера еще. Забор, вон, поднимал, ну и...

А тут и сестра Голубева подоспела. Проверили вещи. Все на месте.

— Кража у соседки, у Киселевой,— не ваших ли рук дело, Голубев?

Надо было видеть лицо Голубева в тот момент! И гнев, и возмущение, и обида...

— А нам кажется, что вы обокрали соседку, а потом инсценировали кражу в квартире сестры, чтобы следы замести. Даже махорку под свое окно натрусили. А вот со стеклами перестарались. Ну какой дурак, идя на кражу, будет колотить по стеклам всех трех окон?

Голубева задержали в качестве подозреваемого. Но и в кабинете следователя он продолжал упорствовать.

— Беззаконие! — шумел Голубев.— Вы ответите за это! Невинного человека...

А у «невинного» в это время взяли для анализа кровь (сравнить с той, что оставлена преступником на клеенке в комнате Киселевой), отпечатки пальцев (для идентификации с обнаруженными на осколках стекла), назначили трассологическую экспертизу.

Результаты экспертизы не заставили ждать. «Стекло разбито со стороны, противоположной той, где находится оконная замазка». И кровь той же группы оказалась.

Голубев перестал запираться.

— Чем вы били стекла?

— Бутылкой.

— Где вещи Киселевой?

— В мешке, в лесу. Поедемте, покажу.

Таков результат тесного взаимодействия эксперта, следователя и оперативного работника.

Шла война...

Николай Иванович выдернул стебель подсолнуха и, прищурившись, стал разглядывать корневище. Ругнулся:

— Опять проволочник, чтоб его...

Ступая по рыхлой податливой земле, подошел к кошевке и кинул на сиденье подернутый желтизной стебель — невзрачный, только начавший выбрасывать листья. Борода корневища брызнула по клеенчатой обивке.

Николай Иванович постучал сапогом о колесо, стряхивая пыль, и, большой, грузный, ввалился в кошеву. Дорога, когда-то узкая, всего в тележную колею, расползлась вширь, потеснив пашню. Возникли объезды и разъезды, пробитые в непогоду посуху. Теперь это широкое, в колдобинах и буграх, полотно обильно поросло подорожником, овсюгом, татарником.

Навстречу, поднимая холодную, низко стелющуюся пыль, проехала полуторка с бидонами, а через некоторое время повстречались и доярки. Они сидели гурьбой на телеге, полной свежескошенной травы. Пегой лошаденкой с никудышной гривой правила молодая, статная девушка. Николай Иванович сразу узнал — Аня Чепчугова, комсомольский секретарь колхоза. Он свернул в сторону, остановился.

Девушки, сверкнув коленками, скатились с воза. Натрусилась на землю трава. Аня захлестнула вожжи за оглоблю, подошла к Николаю Ивановичу.

— Здорово живешь, милиция! Чего редко показываешься?

— Два колхоза, Аннушка, шесть деревень... Не всюду поспеешь. Собрался вот, наконец. Худо у вас дела-то...

Николай Иванович протянул вырванный по дороге, источенный проволочником стебель подсолнечника, который засеян на силос.

— Да уж куда хуже. Семь литров на буренку и — рады. Глянь на коров наших. Их еще мясом обрастить надо, а потом уж за соски дергать.

С беспокойным чувством расстался Николай Иванович с доярками. Вернуться бы в колхоз. Может и, правда, не за свое дело взялся — жулье ловить.

Кошевка поиграла клавишами бревенчатого моста, круто взяла в сторону. Вислозадая кобыла надсадно потянула в гору и остановилась у правления колхоза.

Из открытого окна второго этажа доносился гул. Придерживая створку, на подоконнике сидел председатель. Завидев Николая Ивановича, он басовито крикнул:

— Здравствуй, Никола!

Тот козырнул, привязал лошадь к обгрызанному бревну коновязи, поднялся в правление.

— Чего, Акимыч, на правление не приглашаешь?

— А чего тут милиции делать? Не твои функции.

— Функции... У Советской власти все дела — ее функции...

— Ну, коли так, садись. Вот так вот все. Поразбегаются из колхоза, а потом — функции...

Николай Иванович промолчал. Черт его знает, и этот о том же. И зачем тогда согласился? Был бригадиром и неплохим вроде и вдруг — участковый уполномоченный.

Заседание правления затянулось. Говорили о пастбищном содержании скота, потом перекинулись и на другие дела хозяйства.

Расходились затемно. Николай Иванович остановился на крыльце, глубоко затянулся махорочным дымом и твердо решил: «Хватит, походил с наганом на боку. Завтра же подаю рапорт по начальству — и обратно в колхоз».

Но завтра Николаю Ивановичу пришлось думать совсем о другом рапорте. Нахлестывая свою послушную кобылу, он мчался в райцентр, в военкомат. Началась война...

Его пыл мгновенно охладили.

— Надо будет — призовем, а сейчас занимайтесь своим делом. Работы тут тоже хватит.

Нелегко было Николаю Ивановичу. А тут еще узнал, что ушли добровольцами на фронт знакомые милиционеры Бетев, Соколов, Семакин, Говорухин, Кучумов. Из первого отделения

милиции Свердловска, после бурных разговоров с начальством и в райкоме партии, уехал воевать Сидор Путилов. Николай Иванович знал его еще трактористом. Сидор служил в кадровой, и в этом его преимущество. Но ведь и он, Николай Флегонтов, не какой-то салажонок. В милиции прошел солидный курс военной подготовки.

Была не была! И при первой возможности Николай Иванович отправился в Свердловск — в отдел кадров областного управления. Начальник отдела выслушал его и устало произнес:

— Никуда мы тебя не отпустим. Из города вон около двадцати процентов наших призывается. Где мы людей возьмем, кем заменим? — майор помолчал немного, что-то соображая, затем решительно сказал: — Вот что, дорогой, хватит в участковых ходить. Пойдешь в уголовный розыск. С начальником Белоярского все согласуем.

— Да, но где я замену найду? Дремучего деда разве...

— А девчата? Найди побоевитее. С деревенскими злодеями и женщина справится. К тому же — война. Кто посмеет красть да хулиганить в такое время?

Николай Иванович перебрался в Свердловск и сразу же окунулся в жаркую работу. А вместо него на участке Белоярского районного отделения осталась Аня Чепчугова. Та самая заводила деревенских девчат, с которой он раньше работал в колхозе. Она, как и Николай Иванович, в первый же день войны отправилась в военкомат и тоже получила отказ. Поэтому предложение Николая Ивановича не заставило ее долго раздумывать. Не фронт, а все же... И форма, и оружие... И, кто его знает, может, схватки с диверсантами, с немецкими шпионами.

Но до этих схваток дело пока не доходило. Однажды Николай Иванович, расследуя дело об ограблении склада, выехал в Белоярский, где, по предварительным данным, должен скрываться один из преступников. Тут и встретился с Аней Чепчуговой.

— Как дела, Анюта?

— А ну их к бесу. Даже нагана из кобуры ни разу не вынимала. Вернее, раз пришлось.

— Вот видишь. Боевые дела начались.

— Какие там боевые! — махнула рукой девушка.— Двух негодяев задержала. Корову колхозную угнали да зарезали.

Скромничала Аня. Дело было не из легких. Буренки хватились на другой день. Пастух руками разводил — не знает, где и когда отбилась.

Бродили колхозники по всем еланям, где пасся скот, да так ничего и не нашли.

Аня стояла, горестно думала: «Ну, с чего начинать, сыщик в юбке? Корову-то искать надо».

Отправилась Чепчугова в лес. Полдня проходила. Рассердилась на себя. Ее ли это дело? Но тут же стала прикидывать: не могла буренка заблудиться, тут преступлением попахивает. Тем более, что о подобном случае уже рассказывали. В соседнем колхозе какие-то проезжие телку забили. В городе их на рынке изловили.

А что если... Аня вспомнила заброшенную охотничью избушку, где она однажды с подругами, собирая ягоды, укрывалась от дождя. Вдруг там немецкие диверсанты прячутся? Жрать-то им надо. Вот и украли корову.

Сходила домой, достала припрятанный на полатях наган, сунула его в карман жакетки (формы ей все еще не выдали) и решительно направилась в сторону Режика, где на берегу Пышмы видела когда-то бревенчатую хибару, крытую дерном. Шагала лесной чащобой, настраиваясь на схватку с врагами.

Неподалеку от избушки, у реки, тянуло дымом костра.

Аня стала подкрадываться, как настоящий разведчик. Из кустов разглядела: сидят у костра двое. Один молодой, еще совсем парнишка, другой постарше, с нечесаной бородой. Над огнем, на березовой жердине, висит котелок, кипятком побулькивает.

Аня смело шагнула на тропу, поздоровалась:

— Здорово, мужики!

Старший было встревожился, но, увидев, что перед ним женщина, да еще одна, ответил на приветствие, показал на недавно срубленную лесину:

— Садись, гостем будешь. Какая тебя лихоманка сюда занесла?

— И не говори, отец. В Режик правилась, да черт меня дернул лесом идти. А теперь потеряла проселок.

Мужик промолчал, скручивая цигарку из крупнорубленого доморощенного табака. Аня искоса поглядывала на котелок. Булькала там явно не голая похлебка. Да, так и есть. Вон из-под кучи хвойных веток коровья шкура видна...

— А вы что тут поделываете? — в свою очередь спросила Аня.

— Ходим вот с племянником, покос выбираем.

— Долго, наверное, собираетесь ходить?

— Это как?

— А так, что целой коровьей тушей запаслись.

— Ты, девка, нос не суй, куда не следует. Не долго и укоротить,— мужик недвусмысленно потянулся к топору, врубленному в ствол сосны.

Аня вскочила на ноги, выхватила наган.

— Руки вверх!

Парнишка аж взвизгнул от страха, мужик же поднял руки и стал пятиться к топору.

— Ни с места, стрелять буду!

Она обошла задержанного, выдернула топор и отбросила его в сторону.

— Ложись.

Мужик покорно сунулся носом в траву.

— Ты, сопливый, снимай с порток ремень, вяжи ему руки.

Парнишка было захныкал, но Аня так внушительно погрозила наганом, что он покорно сдернул со штанишек сыромятный ремешок и туго стянул им руки дядюшки.

Аня тщательно укрыла коровью тушу, спрятанную в яме, где охотники обычно хранят свои трофеи, и повела задержанных в деревню.

Через несколько дней в районном отделении милиции Ане Чепчуговой за поимку дезертира Бушуева и его племянника (это он угнал корову из стада) выдали награду — новое милицейское обмундирование.

В Свердловске да и в области с момента нападения фашистов на нашу страну военное положение не вводилось — фронт был далеко. Но беспечности люди не проявляли. Уже 1 июля был создан единый штаб из представителей воинских частей, подразделений НКВД и НКГБ, на который возлагалась координация оперативной деятельности на случай нападения агрессора с воздуха. А для борьбы с возможными разведывательно-диверсионными группами был сформирован особый отряд под командованием старшего лейтенанта милиции Лисовских.

В районных отделах создавались истребительные батальоны. В них входили не только сотрудники милиции, но и члены бригад содействия милиции.

Для предотвращения возможных контрреволюционных проявлений и выявления других враждебных действий в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве велась некоторая перестройка аппаратов, ведающих охраной общественного порядка. В большинстве отделений милиции создавались специальные оперативные группы, отделы, подразделения.

Но все это — на всякий случай. Главной же была борьба со всем тем, что мешало нормальной жизни тыла. Стали возникать законспирированные спекулятивные группы, создававшие запасы продовольственных товаров и материальных ценностей, которые потом сбывались по завышенным ценам. Активизировались расхитители, пробравшиеся в торговую сеть и в снабженческие аппараты. Появились профессиональные бандитско-грабительские группы, участились квартирные кражи.

Вот и сегодня он, Николай Иванович Флегонтов, приехал сюда, в Белоярское, не для того, чтобы повидаться со своей преемницей, узнать о ее делах. Где-то здесь, в поселке, схоронился бандит Девяшин. На его счету да его брата Игнатия

уже два убийства, несколько дерзких ограблений. И эта кража со склада на его совести. А разве мало сил было затрачено на поиски Николая Гречанова — Гречки, как его звали в банде? Последнее его преступление — зверское убийство фронтовика Якова Никулина. Вернулся Яков домой без руки. Сразу же пошел на завод, где возглавил подразделение охраны.

Ночью к его дому подошли несколько человек. Они бесшумно выставили оконное стекло. Гречка влез первым. За ним еще двое. Эти двое стали обыскивать квартиру, а главарь с наганом в руке остался у изголовья спящего. Искали оружие. У работника охраны завода оно должно быть. Но Яков Никулин никогда не носил свой «ТТ» домой. Не нашли. Тогда Гречка грубо встряхнул Якова:

— Оружие!

— Какое оружие? Кто вы такие?

— Отдай свой пистоль по-доброму, иначе...

Никулин ударил Гречку ногой в живот и единственной рукой схватил его, упавшего, за горло. Не сдобровать бы тому, но подоспели помощники. Несколько ударов ножа в спину свалили Якова Никулина.

— Гады, фашисты! — все, что успел сказать он.

Служебно-розыскная собака привела работников милиции к дому Семена Исакова, одного из семи участников этой бандитской группы. Взяли его на сеновале. Шедшую без поводка собаку не сразу оторвали от Исакова. И когда тот, искусанный, пришел в себя и понял, что жив, выложил все, что требовалось милиции.

Но Гречка не был простаком и после преступления, конечно, не ночевал дома. Искать его пришлось целый месяц. Задержал его Николай Иванович в Верхней Пышме, где бандит начинал сколачивать новую шайку.

...С началом войны из прифронтовых районов в Свердловскую область начался прилив эвакуированных. Одни ехали организованно, с предприятиями, другие — стихийно, спасаясь от нашествия фашистских захватчиков. Вместе с этой массой людей на Урал проникали и подозрительные люди. В их выявлении, разоблачении вместе с органами госбезопасности активное участие принимали и работники милиции. На их плечи легла и забота о беспризорных детях, родители которых погибли на фронте.

Патриотизм солдат охраны порядка проявлялся не только в служебных делах. По их инициативе работники милиции, пожарной охраны и войск НКВД в апреле 1943 года собрали и перечислили в адрес Государственного Комитета Обороны 3 миллиона 350 тысяч рублей для постройки танковой колонны «Дзержинец». Боевые машины с этой эмблемой участвовали во многих боях, в том числе и в штурме Берлина.

Беспримерное мужество проявляли работники милиции, призванные в действующую армию. Многие из них стали прекрасными разведчиками, снайперами, бронебойщиками, артиллеристами. Как драгоценные реликвии хранятся сейчас в райотделах милиции письма, которые приходили с фронта и рассказывали о боевых делах милиционеров-уральцев.

Командир одного из подразделений старший лейтенант П. Иванов писал в городское управление милиции Свердловска:

«Немало вражеских укреплений и огневых точек разрушили огнем своих орудий бывшие работники милиции сержант Василий Говорухин и красноармеец Андрей Буслаев. Геройски бьет немцев разведчик Иван Кучумов. Благодаря его мужеству была успешно отбита одна атака противника. Тогда немцы предприняли вторую, направив два танка с десантом автоматчиков. В строю остались только два бойца — Кучумов и Соколов. Вскоре ранило и Соколова. Кучумов продолжал вести огонь, истребляя немецких автоматчиков. На помощь отважному разведчику подоспели артиллеристы. Их огонь накрыл немецкие танки. И эта атака была отбита. В этом бою только Кучумов уничтожил 22 фрица».

Полковник Михайлов сообщал сотрудникам второго отделения милиции Нижнего Тагила:

«Дорогие товарищи! В вашем коллективе до начала войны в течение 6 лет работал милиционером Гиндула Хайрулин. Сейчас Хайрулин находится в нашей части и является храбрым, отважным разведчиком. Темной ночью группа разведчиков, в которой находился и Хайрулин, преодолев проволочное заграждение и минное поле противника, незаметно подкралась к вражеским землянкам. По сигналу командира Хайрулин метко брошенной противотанковой гранатой взорвал вражескую землянку вместе с находившимися в ней фрицами. Когда из другой землянки стали выскакивать перепуганные немцы, он меткими выстрелами из винтовки уложил еще двух. Командование высоко оценило подвиг Хайрулина, наградив его медалью «За отвагу». Я горжусь тем, что ваш коллектив сумел воспитать такого верного защитника Родины и храброго воина».

В милиции Свердловского гарнизона работал Алексей Ночевкин. В письме с фронта землякам он писал:

«В последних боях наше подразделение уничтожило несколько «тигров». Командование высоко отметило наш успех. На груди моей теперь орден Отечественной войны первой степени. Я дал клятву еще крепче драться с врагами нашей Родины».

Не было в то время писем от Сидора Антоновича Путилова. Не писали о нем и командиры. Но о его подвигах узнала вся страна. Бывший милиционер первого отделения милиции

Свердловска (теперь Ленинский ОВД) стал Героем Советского Союза.

Советские войска, освобождая города и села Левобережной Украины из-под ига немецких оккупантов, стремительно продвигались к Днепру. В ожесточенных боях с яростно сопротивляющимся врагом полки и батальоны несли потери, быстрое продвижение и ненастная погода затрудняли снабжение. Далеко отстали тылы, саперы с понтонами и другими средствами переправы. А впереди — мощная водная преграда. Именно здесь фашистское командование решило сдержать натиск Советской Армии и собраться с силами. Сорвать замысел врага, с ходу форсировать Днепр — такова была задача. Ее хорошо понимали все — от солдата до генерала.

К исходу дня 25 сентября 1943 года войска Степного фронта под командованием генерала армии И. С. Конева, куда входила и 7-я гвардейская армия, начали переправу в полосе от Кременчуга до Днепропетровска.

Взвод управления 1884 артиллерийского полка укрылся в прибрежных кустах неподалеку от деревни Бородаевка. Связисты и разведчики жевали сухари, проверяли и пополняли диски автоматов, а сами поглядывали на плещущий волнами Днепр, пытаясь разглядеть невидимый в темноте правый берег. Вскоре от командира батареи прибежал лейтенант, молодой, глазастый, в широких кирзовых сапогах с планшеткой на боку.

— Ну, орлы, задерживаться нет времени. Приказ — перебираться на тот берег.

— Как? — спросил кто-то.

— Кто как может. Будем лодки искать, бревна. Вон двери с сарая сорвем, ворота снимем. Можно сена побольше в плащ-палатку завернуть. Одного такая подушка удержит.

Взвод, в котором оставалось с десяток человек, стал поспешно готовить средства переправы. Нашли плоскодонную лодчонку, приволокли две пустых бочки, разобрали бревенчатую баню и связали плот.

Командир отделения связи старший сержант Сидор Путилов приспособил катушки с кабелем на громоздкой колоде, из которой поили лошадей.

Сентябрьская вода в Днепре — не для купания. Но об этом никто не думал. Лишь тот или другой, окунувшись в нее по горло, зябко выдыхал: «Бр-р-р» и тут же, устыдившись, умолкал.

Первые сотни метров плыли в сравнительной тишине: редко татакали пулеметы, то там, то сям всплескивали воду разрывы мин небольшого калибра. Одна из них шлепнулась неподалеку от колоды Сидора Путилова, осколок цокнул по дереву. Путилов стал резвее перебирать ногами, загребать свободной рукой. Скорее туда, на землю, скорее встать на ноги,

сжать в руках автомат. Тогда ты — солдат. А здесь ты — щепка, беспомощно барахтающаяся мишень.

Этим же чувством были охвачены все. Скорее, скорее!

Рядом с Путиловым плыл лейтенант. Он дышал тяжело, отфыркивался, непослушное бревно крутилось под ним, и он то и дело погружался в воду. Путилов посоветовал:

— Да не залазьте вы на него, товарищ лейтенант, держитесь за полено-то и пихайте вперед.

Первое время взвод держался кучно. Но его стали догонять люди на лодках, на весельных плотах. В Днепре стало гуще от людских тел. Вот когда все началось! Не редкие очереди, не отдельные шлепки мин, а шквальный огонь обрушился на скопление этого необычного марафонского заплыва. Яростно скрипели шестиствольные минометы, ухала дальнобойная артиллерия, осатанело колотили крупнокалиберные пулеметы. Вода кипела, вставала столбом, взлетали вверх доски и человеческие тела.

А он, Путилов, толкал и толкал вперед колоду, в которой, прикрученные бечевой, лежали автомат, сапоги и катушки с телефонным кабелем. Враг бьет по тебе, хочет убить тебя, а ты, кроме как крепким словом, не можешь ничем ответить. Скорее, скорее туда, на правый берег, а там посмотрим — кто кого!

А берега не видно. Он обозначен лишь ослепительными вспышками беспрерывно бьющих пулеметов и автоматов. Потоки свинца поливают головы плывущих, Уже позже поэт напишет об этом:

И увидели впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

На берег Путилов выбрался одним из первых, с бешенством застучал его автомат. Справа и слева рванули гранаты. Вот уже кто-то хрипло закричал: «Ура!».

Где твой взвод, где твой командир — не до этого. Люди группировались, тут же находились и командиры, порой с погонами рядового. Рванули вперед, в ход пошли приклады, ножи.

Нет, фриц, не на таковских напал! Путилов прыгнул в окоп, стеганул из автомата по убегающей фигуре немца. Выкарабкался и, кряхтя под тяжестью катушек, побежал дальше. Лишь в третьей линии окопов бойцы остановились, стали приводить себя в порядок, перевязывать раны, разбираться, кто откуда и в какой роте стоит на довольствии, а кто уже не нуждается ни в каком довольствии.

Собрался и взвод управления глазастого, теперь раненого в руку, лейтенанта. Кроме Путилова и командира в нем осталось еще три человека. До рассвета отбили две атаки. А с левого берега все прибывали и прибывали мокрые, злые, нетер-

пеливые солдаты. Каким-то чудом были переправлены две противотанковых пушки.

Перед рассветом, чуть отдохнув после «купания», рванули в атаку и оттеснили противника километра на полтора. Плацдарм расширялся. Уже перебегали от подразделения к подразделению связные, зазуммерили коробки полевых телефонов. На правом, только что занятом берегу, начали работать штабы полков и дивизий.

Теперь Путилову надо было браться за выполнение своих непосредственных обязанностей — обеспечивать связь с командным пунктом.

Лейтенант морщился, поглаживая раненую руку.

— Болит?

— Не очень. Ну, так как? Ты в милиции работал. Приходилось брать бандитов?

— Всякое бывало.

— Ну и тут бандиты. А нам сейчас одного надо, живого. Забирай весь взвод,— лейтенант невесело усмехнулся.

— Не надо. Управлюсь один. А если не повезет, то и вчетвером ничего не сделаем.

— Так не пойдет. Автоматчики, в случае чего, прикроют тебя.

Ракеты светили беспрерывно. Четверка бойцов сантиметр за сантиметром продвигалась вперед и влево, где виднелись пни недавно поваленных деревьев. Путилову казалось, что в том направлении несколько тише. И не ошибся. К этому участку наши не могли подойти — берег был заболочен. Но то, что немцы должны сидеть на взгорке, утыканном пнями, он не сомневался.

К высотке подползли с правой стороны и тут, среди деревьев, позволили себе подняться в рост, размять затекшие ноги.

В этот момент и услышал Путилов тихое, боязливое:

— Вер ист дас?

Реакция была мгновенной.

— Руих,— прошептал Путилов и шагнул навстречу немцу. Не успел тот опомниться, как был придавлен к земле.

Но немец был не один. Сразу с двух сторон полоснули автоматные очереди. Друзья Путилова ввязались в перестрелку, успев крикнуть:

— Сидор, отходи, волоки немца!

Путилов затолкал пленному в рот загодя припасенную тряпку, спутал руки ремешком от нагана, одолженным у лейтенанта, и пополз к болоту. Едва ли кому придет в голову, что разведчик с пленным решил дать такого крюку да еще с риском увязнуть в трясине.

Не увяз Путилов. И немца не утопил. А через полчаса появились и его друзья.

А через месяц, когда Москва салютовала войскам, освободившим Киев, на плащ-палатке вынесли с поля боя тело Героя Советского Союза Сидора Артемьевича Путилова, бывшего милиционера Ленинского райотдела в Свердловске[1].

...Война была тяжелым испытанием и для фронтовиков, и для тех, кто оставался в тылу. С честью выдержали это испытание работники свердловской милиции.

Николай Михайлович

После войны на работу в органы внутренних дел пришло много фронтовиков. Коммунисты и комсомольцы, за плечами которых был немалый опыт борьбы с врагом, с полной энергией отдались новому делу.

В Свердловске стали сотрудниками милиции бывший командир батальона Герой Советского Союза Неустроев, бойцы которого водрузили Знамя Победы над поверженным рейхстагом в Берлине, Герои Советского Союза Попов, Гора, Язовских и другие. Иван Семенович Язовских и сейчас работает в управлении внутренних дел Свердловского облисполкома.

В послевоенные годы советская милиция выполняла и выполняет ответственные задачи по обеспечению государственной и общественной собственности от порчи и хищений, борется со взяточничеством и спекуляцией, с грабителями и жуликами, искореняет хулиганство, укрепляет паспортный режим, поддерживает общественный порядок в городах и селах страны.

Качественно новые изменения произошли в милиции после постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 ноября 1968 года. В ее ряды стали вливаться сотни мужественных, грамотных, высококультурных представителей предприятий и учреждений.

...Первый случай ограбления в поселке Троицком произошел 16 октября. Лилия Никонова приехала из Свердловска поездом № 276 к своим родным. По дороге к дому в неосвещенном месте кто-то напал сзади, ударил и, выхватив вещи, скрылся.

Несколько дней милиция Талицкого района занималась розыском преступника. По всему чувствовалось — и по выбору места преступления, и по манере ограбления — действовал не случайный пьяница, решивший таким образом добыть на бутылку, а расчетливый, хладнокровный, хорошо усвоивший преступные уловки человек. Ни примет, ни следов не оставил. Это чрезвычайно тормозило поиски.

Младший лейтенант Васильев с утра до вечера, а если жена уходила на дежурство в больницу, то и далеко за полночь пропадал на работе. Конечно, не этот безвестный бандит занимал

[1] Тело С. А. Путилова с почестями захоронено в селе Петрово, Кировградской области, на Украине.

такую уйму времени — хватало и другой работы. Оперуполномоченный уголовного розыска, поставленный специально для борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, уже на втором году своей работы добился того, что в течение года преступность среди подростков района заметно снизилась.

Вернуть несколько десятков ребятишек на правильную дорогу в жизни — дело не легкое. Возиться с каждым из них приходилось немало. На это уходила масса времени. А тут еще это ограбление в Троицком.

23 октября — новое заявление. Валентина Шмелева тоже приехала из Свердловска тем же поездом. Нападение на нее совершено точно таким же образом, что и на Никонову. И снова младший лейтенант Васильев на месте происшествия. Осмотрена каждая пядь земли. Наконец... Что это? Стилет, этакая остро отточенная пика из прочной проволоки.

Николай Васильев и его напарник, оперуполномоченный Михаил Областов, переглянулись. Могло ли это оружие принадлежать преступнику? Ведь он просто сильным ударом сбил Шмелеву, никакой пикой не угрожал. Но какое-то чутье подсказывало: стилет принадлежит грабителю. Опытному, предусмотрительному. Готовясь к новому ограблению, он решил изменить «почерк» своих действий, запутать оперативных работников, нисколько не сомневаясь, что они ищут его, что, повторив предыдущий способ ограбления, он лишь усилит свои следы. Потому и изготовил проволочную пику. Но в последний момент, настигнув жертву в темном месте, изменил намерение. Недаром говорят: привычка превыше всего. Бросил стилет и ударом кулака лишил женщину сознания.

Правдоподобная версия? Стоит она того, чтобы заняться ею?

Васильев и Обласов обменялись соображениями и твердо решили: надо заняться. Специалисты помогли определить марку проволоки. Начались хождения по организациям в поисках однородной. Неудачи преследовали одна за другой. Нигде такой не пользуются — уж очень редкий состав металла, и для обычных целей эту проволоку не выдают. Лишь в железнодорожных мастерских нашлось нечто похожее.

Но в мастерских — сотни людей. Выяснив, кто из них имеет доступ к проволоке, сузили круг поисков. Один за другим отсеивались люди, подозревать которых не было оснований. Осталось несколько человек. Среди них выделялась довольно колоритная фигура — некий Бахринов. Он уже трижды судим и каждый раз — за разбойные нападения. Дюжий с огромными кулачищами, он не нуждался в ножах и стилетах.

В осторожной форме проверили, где он находился во время ограбления. Оказалось, что в 23 часа 40 минут дома его не было, вернулся под утро, пьяный. Произвели обыск. Нашли чулки, дамские часы и другие вещи. Пострадавшие опознали

их. Но и после этого оставались некоторые сомнения. Часы и чулки индивидуальных примет не имели. Предъявляя девушке кошелек для опознания, тоже спросили о таких приметах. Да, есть, подкладка зашита белыми нитками. Открыли — виден шов с белой стежкой.

Так был приперт к стене матерый бандит. На этот раз суд определил ему меру наказания — тринадцать лет лишения свободы.

...Люди, которые работали с Васильевым бок о бок, вместе ходили на операции и испили не одну чашу милицейского лиха, говорят:

— Да разве у Васильева одно это дело!

Милицейская работа — беспокойная, изнуряющая. Разве плохо было человеку в леспромхозе! Организатор производства, он имел приличный заработок, нормированный день... Но когда райком партии обратился к коммунистам с призывом пойти на работу в милицию...

Когда это было?

Где-то в средине мая. Позвонили из райкома партии.

— Зашел бы, Николай Михайлович, вечерком на минутку.

— Хорошо, зайду,— ответил Васильев и недоуменно пожал плечами. Звонил секретарь райкома Малышкин.— Зачем я ему понадобился?

А в это время в Талицком райкоме КПСС между секретарями шел не очень-то складный разговор. Тому, кто печется о кадрах промышленных предприятий, нелегко согласиться на перевод опытного и нужного работника в какое-то другое ведомство. В то же время здравый смысл и чисто партийный подход к решению вопроса не давали права противиться.

Нина Ивановна Болтенкова, третий секретарь райкома, еще раз перечитала характеристику, представленную леспромхозом: «Среднее техническое образование... Служил в ракетных войсках. Награжден значком «Отличник Советской Армии»... Хороший организатор производства, пропагандист... Неоднократно поощрялся...»

Прочитала, спросила:

— Кого же взамен?

— Из выпускников лесотехникума подобрать надо,— ответил Василий Васильевич Малышкин и улыбнулся пришедшей на ум простой мысли: — Все решили, все утрясли. А согласие Васильева?

Его размышления прервал стук в дверь.

— Ну вот, кажется, он,— обрадовалась Нина Ивановна.

Николай Васильев, невысокий, с добрым открытым лицом, двадцатипятилетний парень, снял фуражку, пригладил ладошкой короткие непослушные волосы и, окинув взглядом собравшихся, смущенно поздоровался.

Услышав предложение, сразу посерьезнел. Будто повзрослел на несколько лет.

— Подумайте, взвесьте все. Работа в милиции, Николай Михайлович... Да что говорить...

— Знаю, Василий Васильевич. Можно, я завтра отвечу?

Николай не сразу пошел домой. Побродил по улицам, у хлебного магазина свернул в проулок и очутился перед дверями райотдела милиции. «Зайду к знакомым ребятам, переговорю».

О том, что Васильева «сватают» к ним в милицию, знали. Парни из уголовного розыска, такие же молодые, задорные, рады были принять его в свой коллектив. Сомневались только, что мастер домостроительного завода леспромхоза согласится на такое предложение. Лишь Николай Обласов уверенно заявил:

— Я знаю Николая. Решится.

А Николай еще ничего не решил. Он просто робел перед неизвестной, чуточку таинственной работой сыщиков, как называли друг друга ребята из уголовного розыска.

— Расскажите, чем вы хоть занимаетесь? — спросил он.

Оперуполномоченные засмеялись.

— А всем. Сейчас вот этим. Гляди. В поселке Маян магазин обокрали и даже визитной карточки не оставили. Чисто сделано. Второй день бьемся.

— А вы Лешку проверили?

— Какого Лешку? Ах этого, конопатого? А ты откуда его знаешь?

— Здорово живешь. Я вырос в этом районе.

И вот уже Васильев, втянутый в профессиональный разговор, высказывает свои версии. Начальник уголовного розыска хлопнул его по плечу:

— Коля, да ты рожден для оперативной работы! Пусть другие дома строят, а мы с тобой нечисть корчевать будем. Ну?

— Подумаю.

Отец, мать, жена, брат — все члены семьи обсуждали дальнейшую судьбу Николая. Михаил Егорович не спал всю ночь, а утром сказал сыну:

— Решай сам, Коля, не маленький.

24 мая с путевкой райкома партии молодой коммунист Николай Васильев переступил порог Талицкого отдела милиции, чтобы сказать свое твердое, бесповоротное — согласен.

Вначале оперуполномоченный уголовного розыска, затем старший оперуполномоченный. Рядом с армейской наградой появилась другая — «Отличник милиции».

...Идет Васильев по улицам райцентра, улыбается: радостно на душе. А вот и дом. Николай поднимается по крутой скрипучей лестнице, бережливо обнимает пополневшую жену и, заставляя порозоветь ее, спрашивает ласково:

— Как наследник чувствует себя?

5 марта 1968 года он отпраздновал бы свое двадцатишестилетие, несколько позже — рождение дочери или сына, а теперь на его памятнике написано: «Погиб при исполнении служебных обязанностей».

4 февраля жена Николая Васильева, хирургическая сестра больницы, дежурила, и Николай без угрызения совести работал допоздна. Только около одиннадцати вечера ушел на квартиру. Поужинать не успел — телефонный звонок.

Дежурный по райотделу, волнуясь, сбивчиво сообщил:

— Вахтер Коряпин звонил. Говорит, кто-то стреляет на улице. Нескольких человек ранил, а одного, кажется, убил.

...Через несколько минут, сунув пистолет в кобуру, Васильев с дежурным Аксеновым и милиционером Артамоновым мчались на машине к месту происшествия.

Пострадавших уже подобрала «скорая помощь». Где же преступник?

— Их двое. Новиков и Москвин. Пьяные, с ружьем. Новиков-то троих ранил, а Федю Частухина убил. Вон в этот дом зашли,— подсказали очевидцы.

Низкий бревенчатый дом Новиковых, обнесенный высоким забором, стоит на краю оврага. Проникнуть в него можно лишь с узкой улочки. Ворота и калитка накрепко заперты. Васильев знал — у Новикова два ружья. Предупредив Аксенова об осторожности, зашел в сени. Кроме мужских голосов услышал и голос матери Новикова. Дело осложнялось. Не затевать же схватку в доме!

Озверевшему убийце было все равно. Он еще из окна увидел подъехавших работников милиции и теперь, сунув за пояс нож, набив карманы патронами, приготовился к обороне. Услышав предупреждение Васильева, он выстрелил. Заряд картечи пробил дверь, едва не задев Васильева. Огромным усилием воли тот подавил желание нажать на спусковой крючок пистолета. Там — женщина, там — другой человек, еще не известно в чем виноватый. Будь в доме только Новиков, совсем бы другой разговор: движение пальца — и одним негодяем меньше.

— Новиков, брось ружье, стрелять буду!

Дверь резко распахнулась. Васильев отступил с крыльца. Ружье Новикова оказалось направленным против Аксенова. Васильев крикнул:

— Валентин, берегись!

Двор чуть больше деревенской комнаты. Аксенову укрыться негде. Тогда, прикрывая товарища, Николай бросился на бандита. Прогремел выстрел в упор. Васильев еще нашел силы несколько раз нажать на спусковой крючок пистолета. Аксенов сбил с ног Новикова, далеко откинул ружье. Чувствуя, что преступник, продырявленный Николаем, не в состоянии сопротивляться, оставил его и бросился к Васильеву.

— Коля, Коля!

— Ранен я...— с трудом проговорил Васильев.

Ранен... Николай не верил, что он может сейчас умереть. А жизнь уже оставляла его, и никакие силы не могли помочь Николаю Васильеву. Не приходя в сознание, он скончался.

Гибель лучшего оперативного работника милиции от руки пьяного подонка и гибель молодого рабочего Федора Частухина всколыхнули весь город. На предприятиях проходили собрания. Люди задавали вопрос: «Как могло это случиться?» Люди пытались найти и понять истоки совершенного преступления.

Кто он, этот Новиков? Какая изуверская сила толкнула его на тяжкое преступление? Может, хотел ограбить кого-то? Завладеть чьим-то имуществом? Может, он психически ненормальный? Ни то, ни другое, ни третье. Причина стара, как мир,— пьянство. Молодые парни пили дома, потом на улице, потом подрались. Кулачной потасовки показалось мало. Новиков пустил в ход нож, а затем и огнестрельное оружие.

...Тот февраль выдался снежным, метельным. Стойко держались тридцатиградусные морозы. Районный центр, застроенный в основном одноэтажными домами, утонул в сугробах. В такую непогоду лишь крайняя необходимость заставит горожанина покинуть квартиру.

До полудня улицы были пустынны. Лишь редкие прохожие, упрятанные до глаз в воротники и шали, выныривали из калиток и спешили к закуржавевшим дверям магазина. С той же поспешностью возвращались обратно.

В полдень все изменилось. К дому, где живут Васильевы, стали стекаться толпы народа. Шли рабочие предприятий, сотрудники советских и партийных органов, служащие учреждений, комсомольцы оперативного отряда, пионеры школ города. Проститься с Николаем Васильевым приехали работники милиции соседних районов и областного центра. Несли венки представители общественных организаций, хлеборобы колхозов и совхозов района. Духовые оркестры, сменяя друг друга, играли прощальные траурные марши. На многотысячном митинге, собравшемся у могилы отважного работника милиции, таличане дали клятву беспощадно бороться с преступностью.

На другой день в райотдел милиции пришел Виктор Васильев, брат погибшего. Он, как и Николай, тоже прошел армейскую школу и тоже в ракетных войсках. И он вернулся из армии отличником боевой и политической подготовки.

Виктор вошел в кабинет начальника райотдела майора Семина и молча положил на стол заявление. В заявлении всего несколько слов: «Хочу заменить брата, примите на работу в милицию».

Память о Николае Васильеве никогда не умрет.

Теперь на утренних «оперативках», когда идет перекличка личного состава, называется и его имя. В ответ раздается:

— Младший лейтенант Николай Михайлович Васильев погиб смертью храбрых при исполнении служебных обязанностей.

Имя Николая Васильева приказом министра внутренних дел СССР навечно занесено в списки милиции. Решением исполкома Талицкого Совета одна из улиц райцентра названа его именем.

Демьянов Барс

Сотрудники уголовного розыска имеют надежных помощников — служебно-розыскных собак.

Служебное собаководство в органах милиции Свердловской области начало развиваться по-настоящему в 1932 году, когда была открыта школа подготовки проводников служебно-розыскных собак. Энтузиастом этого дела был в то время Виталий Николаевич Плешнин, проработавший в милиции более 20 лет.

До Великой Отечественной войны Свердловск и его районы обслуживало всего 10 проводников, но уже в 1946 году в штаты городских и районных отделов милиции ввели 47 проводников. Теперь служебно-розыскных собак гораздо больше, они имеются в 35 отделах.

Только за 1968—1969 годы с помощью собак раскрыто более 700 преступлений. Но четвероногие друзья заслужили признание не только в борьбе с преступностью. Некоторым из них люди обязаны своей жизнью.

...Пес дремал в своей клетке. Услышав знакомые шаги, он, крупный, большелапый, поднялся во весь могучий рост и потянулся. Встряхнувшись, Барс вопросительно посмотрел на своего хозяина Демьяна Демьяныча. А тот был сегодня на удивление пасмурен. Видно, по погоде. Над каменными домами Нижнего Тагила, прижав к земле дымы заводских труб, висели набухшие влагой тучи. Почти до крыш опустились облачные лохмотья, из которых беспрерывно сыпался крупный осенний дождь.

— Что, Барсик? Собачья наша работа, а?

Барс ткнулся мордой в колени, задрал голову и, словно соглашаясь с невеселым выводом проводника, заскулил.

— Частники паршивые... Копают друг у друга картошку, а мы тут расхлебывай.

Демьяну Демьяновичу Филеву тридцать лет. Простодушно открытое лицо, веселые глаза с хитринкой. На первых порах работал в оперативной группе угрозыска, а когда узнал, что требуются проводники, попросился на «собачью» должность.

«Как это ты так?» — удивлялись приятели, а Демьян Демьянович усмехался: «Приказ». Но Демьян хитрил: никакого приказа не было. Просто увидел лопоухого, несмышленого Барса, позабавлялся с ним и отправился писать рапорт. И вот уже шесть лет на «собачьей» должности.

Сержант вынул из кармана поводок, звякнул металлическим карабином, замкнул его на кольце ошейника собаки и распорядился:

— Гулять, Барсик!

Гулять — команда на выход. Ну какой дурак гуляет под таким дождем? Снова звонили из Тагилстроевского райотдела. Опять там целая делегация от огородников. На коллективном картофельном поле, лишь вызрели клубни, появились воришки. Вначале на ребятишек думали. Дескать, кто больше? Они в лес ватагами шляются, костры жгут, а печеная картошка для них — лучшее лакомство. Да, видно, зря на пацанов грешили. Сегодня утром хватились — больше двухсот кустов как корова языком слизнула. Одна ботва по межам. Вот и пришли в милицию.

— Собачку бы вашу. Она бы враз их за пятки...

Демьян Демьянович рассердился. Неужели не понимают — с утра дождит. Собака по запаху ищет, а тут какие запахи? Грязь одна.

Понимал это и начальник отдела уголовного розыска. Но делать-то что-то надо. Факт зарегистрирован, преступление налицо.

— Попробуй,— сказал он Демьяну Демьяновичу.— Может, направление покажет. Там уж оперативники довершат дело.

— Слушаюсь! — ответил Демьян Демьянович и ушел, недовольный. В голове вертелась фраза: «В такую погоду хороший хозяин собаку со двора не выгонит!». А попробуй, скажи это вслух!

— Гулять, Барсик,— мрачно повторил Филев, жалея собаку и проклиная тех, кто позарился на чужую картошку.

Но Барс не разделял настроения хозяина. Он рванулся за дверь питомника, натянул поводок, радостно взвизгнул. Работать Барс любил. Ему говорят: «Нюхай» — и он нюхает, запоминает своим сверхчутким обонянием особенность уловленного запаха, запоминает, чтобы отличать его от сотен других. Потом говорят: «След!» И он идет, отыскивая запомнившийся запах, отыскивает его на пыльной дороге, в утоптанной траве. И когда запах приводит к цели, у Барса начинают вздергиваться губы, обнажая клыки.

В помещении райотдела, куда служебная машина доставила Демьяна Демьяновича с Барсом, все еще сидела женщина в поношенном пиджаке. Она снова извиняющимся голосом стала объяснять:

— Садили люди, обихаживали, а тут... Сладу нет. Помогите, Демьян Демьяныч.

— Да я-то что... Попробуем. Только дождь, вон...

На картофельном поле словно Мамай воевал. Торопились воры, раскидывали ботву, давили молодые желтоватые клубни.

Ноги увязали в размокшей почве, к подметкам прилипали ошметки увесистой грязи. Какие тут следы, где их найдешь! Но Демьян Демьянович, низко склонившись, вглядывается в каждую вмятину. Наконец, осторожно приподнял охапку ботвы. Дождь не пробил это случайное укрытие — под ним виднелся пятачок сухой земли и отчетливый след ботинка.

— Нюхай, Барс, нюхай!

Ноздри Барса жадно играют, втягивая прель слежавшейся зелени, улавливают острый запах кожи, человеческого пота, гуталина и еще чего-то, что создает единый запоминающийся букет, разобраться в котором недоступно человеку.

— След, Барс!

Пес побежал вдоль межи, почти зарываясь темным кончиком носа во влажную пахоту. Запах, взятый из-под той, оставшейся сзади кучи ботвы, начинает затухать, смешиваться с другими запахами. Но более стойкий, гуталинный, знакомый ему по сапогам Демьяна Демьяновича и все же чем-то отличающийся от привычного, не пропадает.

Барс бежит, оставляя за собой сопровождающих, уходит на всю длину поводка. Вот он выходит на дорогу, перерезающую поле, бежит по ней к крайним избам поселка. Перемахнул канаву, резко свернул и сунулся в подворотню углового дома.

Калитка оказалась незапертой. Во дворе Барс покрутился, обежал стоящую в стороне телегу без передка и бросился к двери дома. Увидев собаку, хозяйка так и села.

— Ну, что, тетка? Покажешь, куда ворованную картошку спрятала, или Барса искать заставить?

Выставив вперед руки, тетка испуганно затараторила:

— Покажу, покажу, милый. И в подпол сама слажу. Только кобеля убери, ради бога.

Больше до самой страды ни одной картофелины с поля не пропало. Слух о том, как Барс поймал вороватую тетку Пелагею, быстро облетел округу и отбил охоту к чужой картошке.

Когда возвращались в питомник, выглянуло солнце. Демьян Демьянович ерошил рукой рыжую подсыхающую шерсть собаки, ласково бубнил:

— Вон ты у меня какой прославленный. Все тебя знают, все тебя на помощь просят... Кринку с прясла соседка у соседки стянула — и то к тебе бегут: «Помоги, Барсик».

А слава пришла к Барсу не сразу. Она пришла в то самое лето, когда пропал мальчишка из Кушвы.

Шел мальчонка по лесу, беспечно посвистывая, искал грибы, рубил палкой, как саблей, высокие головки тимофеевки.

Спохватился, когда в лесу сгустились сумерки. Только тогда Николка понял, что не знает, куда забрел. Заблудился.

А на тайгу спустилась ночь. Мрачная, жуткая.

— А-а-уу!

Кричал до хрипоты, до слез. В ответ — еще более пугающая тишина. Бежал, натыкался на бурелом, падал, снова вставал и кидался в другую сторону. Но всюду одно и то же — деревья, деревья.

Один, затерявшийся в тайге... Хотя нет, не один. Его горькую судьбу разделило бессловесное существо — теленок. Мокрогубый и вислоухий, он послушно брел за мальчонкой, таращил на него большие, глупые глаза.

Долго шли в гору, скользили по обомшелому гранитному плитняку. В густом мелколесье осинника остановились.

— У-у, ненажора, куда завел! — замахнулся на теленка мальчик, но тут же, испугавшись, обхватил его за шею, прижался к теплой морде. Так и уснули вместе, в обнимку.

Маленький пастушок домой не вернулся. К утру почти все взрослое население Кушвы было на ногах. На прочесывание леса вышли дружинники, рабочие, охотники. Ни на час не прекращали поисков работники милиции. К концу вторых суток люди стали терять всякую надежду. Найти ребенка в такой глухомани все равно, что иголку в стогу.

Тогда-то и вспомнили о Барсе. Вернее, не о Барсе, а вообще о служебно-розыскных собаках. Но в Кушве их нет. Послали телефонограмму в управление милиции Нижнего Тагила.

Барс тогда отдыхал после ночного патрулирования. Отдыхал и Демьян Демьянович. А выбор пал на них.

В Кушву приехали часов в десять утра. Показали им место, где мальчишка теленка пас. Ходил Демьян Демьянович по выгону, осматривал истоптанную скотом и людьми траву, а на сердце тревога. Все затоптано, не найдет следа Барс. Хотелось отругать всех за то, что вспомнили о собаке только на третий день. И отругал бы, да глянул в лицо убитой горем матери — и язык не повернулся.

В стороне охотники стоят. Человек пятнадцать. Две ночи люди не спали, осунулись, но снова готовы идти хоть сто верст. Ждут, смотрят на Филева с надеждой.

Нашел все же следы — вмятины от телячьего копытца. Может, от них попробовать? Попробовал. Какой хороший пес — взял след!

Пошли. Бежит Барс, кончиком хвоста повиливает. Держит, значит, запах.

Вначале по опушке леса колесили, а потом все глубже и глубже в тайгу. К полудню на бутылку из-под молока наткнулись. Мать плачет от радости — будто не бутылку, в которую парного молока сыну наливала, а самого Николку нашла.

Плачет, торопит. Кричать взялась, а вместо крику — хрип один. Совсем без голосу осталась.

Но идти нельзя — люди выдохлись. Да и собака вялой стала. Отыскал сержант видимые следы теленка, показал всем, чтобы не затоптали, и распорядился отдыхать.

Покурили, пожевали, кто что припас, дальше двинулись. День шли, вечер, всю ночь. Куда собака — туда люди. Такие зигзаги крутили — уму непостижимо. Гору перевалили — сыростью ударило: дохнуло болотистой тиной. Барс начал себя вести тревожно. Спустили с поводка. Бросился со всех ног в кусты. Минут через пять услышали его басовитый, с повизгиванием, лай. Демьян Демьянович понял: нашел!

Но радость быстро угасла. Люди, бежавшие за собакой, стали проваливаться по колено в трясину. Догадливые начали жерди рубить. Филев опередил всех. Миновал вербные заросли — и вот он, губастый теленок с темными подпалинками на похудевших боках. Залез в трясину по самое брюхо да и застрял. Всю траву, куда мордой достать мог, вытеребил.

Неподалеку и Николка отыскался. Лежит, свернувшись калачиком, на бугорке. Трава кругом общипана. Тоже, глядя на теленка, за подножный корм принялся. Голод не тетка. Отощал, обессилел. Только чуть улыбнулся, когда его Барс в нос лизнул.

Тогда-то и пришла к Барсу слава. С тех пор чуть какое дело позаковыристей — его туда.

...Здание управления горотдела милиции Нижнего Тагила ремонтировалось, и все, кому положено быть вечером в милиции, сидели в помещении дежурного. Только Барс был заперт в комнате с вывороченным полом. Демьян Демьянович устроился у печки. Тепло разморило. Редко звонил телефон. Но вдруг — длинный звонок. Дежурный что-то записал, озадаченно «потакал» в микрофон. Наконец, не отнимая трубки от уха, бросил через плечо:

— Сержант Филев, готовь Барса! Квартирная кража.

На этот раз Барсу не пришлось колесить по улицам города.

— Вот,— показала хозяйка квартиры на платяной шкаф.— Здесь висело пальто. Здесь и платья были, и платок. А вот тут деньги лежали. Из этого ящика сапожки стащили.

Никаких следов взлома. Подобрали ключ? Видать, так.

— Может, подозреваете кого? — спросили хозяйку.

Пожимает плечами. Как можно говорить, если не видела?

— Барс, нюхай!

Демьян Демьянович подводит его к шкафу, заставляет нюхать. Пес настораживается и тут же, постукивая когтями по полу, ведет проводника к двери. Вышел в коридор, метнулся к живущим по соседству Осиповым.

За столом сухощавый, со спиртным румянцем на щеках, мужчина. Не удивляется, не возмущается. Но и толком ничего не может сказать. Барс обошел комнату, задрал морду, посмотрел на Демьяна Демьяновича. Вот, мол, и все. Вещи принесли сюда, но их тут нет. Видно, унесли.

— У вас были гости?

— Да, днем были «гости», потом уехали.

Картина несколько проясняется. Проясняется и портрет «гостя». Но задержали его только несколько дней спустя.

...И снова в «дежурке» попискивают зуммеры телефонов, бубнит лейтенант за столом, а за стеной поскуливает Барс.

— Уйми ты пса,— говорит дежурный.

— А кому охота сидеть взаперти? — недовольно ворчит Демьян Демьянович, но встает и идет к Барсу. Барс кидается к нему.

— Тошно без работы? Дурак ты, Барс, совсем бы не было такой работы,— говорит Демьян Демьянович и устало опускается рядом с собакой.— Упразднили бы «собачью» должность в милиции, взял бы я тебя на иждивение... Искали бы мы с тобой заблудших пацанов, телят — вот это работа! А тебе побегать, на свежий воздух хочется? Нельзя, Барсик, нельзя. Служба, понимаешь... Терпи [1].

Безмолвные схватки

Немало дел, очень сложных, тщательно замаскированных, замысловатых, а порой и просто курьезных, встречается в работе сотрудников уголовного розыска. Но даже самые хитроумно сплетенные из них в конце концов раскрываются. Об одном из таких дел и пойдет речь.

2 августа 1965 года на проспекте им. Ленина в Свердловске прохожие обратили внимание на девушку, сидевшую на скамейке. На вид ей было чуть больше двадцати. Ничем особым она не выделялась среди горожан. Обратить внимание заставил ее болезненный вид. Прохожие не остались безучастными. Стали добиваться — кто она, откуда. Но девушка ничего не могла сказать о себе, на все вопросы отвечала: «Не знаю». Документов — никаких. В сумке — мыло, мочалка. В баню, похоже, собралась.

Ее проводили в больницу. Врачи установили: амнезия — полная потеря памяти.

Девушка читала, шила, правильно воспринимала окружаю-

---

[1] Память о Барсе увековечена. Его чучело, сделанное искусным мастером, установлено в питомнике УВД г. Свердловска.

щее, беседовала с врачами на различные темы, но каждая попытка проникнуть в ее прошлое оканчивалась неудачей.

Врачи много сделали, чтобы восстановить память больной. Провели несколько сеансов гипноза. Девушка стала кое-что вспоминать. Сказала, что зовут ее Ниной Кольцовой, что ей 20 лет, назвала имена родителей. Но на вопрос: откуда она, где родилась — разводила руками. Под гипнозом она говорила то же, что и прежде. Вспоминала, что с девяти лет тяжело болела — парализовало ноги, жила у бабушки, потом у какой-то монашки, а последние годы — в лесничестве у незнакомых людей. Могла только сидеть. Самостоятельно осилила учебники за десятилетку, научилась шить, вязать, печатать на пишущей машинке.

Семнадцати лет Нина стала ходить, а 31 июля 1965 года Дмитрий Иванович Сокольский, племянник лесничего, работавший в то время над диссертацией о лесе, увез ее в Свердловск. Ехали на поезде, летели на маленьком самолете, потом на большом. 1 августа оказались в Свердловске.

Как исчез здесь Дмитрий Иванович, почему бросил ее в городе одну, без документов и денег, куда пропал после этого — загадка. Эту загадку поручили решить старшему оперуполномоченному уголовного розыска УВД Свердловска майору милиции Ф. Е. Репрынцеву. Устанавливая личность, он и его товарищи вели всестороннюю проверку и, разумеется, ни на минуту не выпускали девушку из поля зрения.

Нина не подозревала о любопытстве, проявленном к картотеке в прошлом судимых за преступления, к ориентировкам Главного управления милиции о скрывшихся злодеях и людях, пропавших без вести. Взят был под сомнение и весь ее рассказ как под гипнозом, так и без него.

И вот почему. Лечение прошло успешно. Девушка стала вспоминать даже мелочи детства. Вплоть до клички лошади, на которой ее возили к бабушке. Не могла только вспомнить названий рек, гор, селений и других географических пунктов, которые дали бы возможность определить приблизительные координаты места жительства.

Чем объяснить все это? Остаточными явлениями болезни? Не странны ли они?

Затем Дмитрий Иванович Сокольский, пишущий кандидатскую работу о лесе. Нелегко проверить все учебные заведения лесоводческого профиля, но можно. Проверили. Такого кандидата в кандидаты наук не оказалось в нашей стране.

И еще: после выхода из свердловской больницы Нина работала швеей на фабрике, ходила в театры, купалась в Верх-Исетском пруду, общалась с различными людьми и совсем не была похожа на человека, который много лет прожил отшельником в глухом лесничестве, да к тому же с парализованными ногами.

Кстати, о купании. На воде Нина держалась не хуже подруг, никогда и ничем не болевших.

Все это убеждало майора Репрынцева, что загадочная биография Нины с каким-то умыслом подправлена.

Активизировали работу. Запросы, разосланные во все милицейские органы страны, ничего существенного не давали. Деликатные допросы Кольцовой — тоже. Она продолжала утверждать, что все ранее рассказанное — правда. Решились на хорошо подготовленную психологическую атаку. Вызвали на беседу к заместителю начальника УВД. Двухчасовой разговор опытного оперативного работника надломил что-то в душе Неизвестной. А следующий допрос снова состоялся «в высоких инстанциях». И опять приводились доводы, которые логично опровергали сфабрикованную Кольцовой легенду. Это и несуществующий Сокольский, и сказочные сроки обучения плаванию, и более обширные, чем дает десятилетка, знания (она, например, недурно переводила с немецкого Гёте), и заявление опытного психиатра, что никаких остаточных явлений амнезии нет, и многое другое, что уличало в неискренности.

Кусая мокрый платок, Кольцова, наконец, призналась:

— Да, я много врала. После лечения я вспомнила все, все. Но вместе с этим вспомнила еще что-то. Страшное. Оно мучает меня, оно будет мучать меня всю жизнь. Делайте со мной, что хотите, но я не скажу, кто я, откуда.

Что это? Контратака? Тогда отбить ее будет весьма сложно. Надо отдать должное «противнику» — ее способность владеть собой завидная. Вспомним гипнотические сеансы. После них она как-то сказала подруге: «Я и под гипнозом могу говорить то, что хочу, а не то, что надо милиции».

Но упрямство продолжалось недолго. Истина прояснилась.

На химическом комбинате Кемерово работала секретарем-машинисткой Тамара Боровченко. Очень развитая, сообразительная, обладающая цепкой памятью и добротным умом, она быстро завоевала авторитет и уважение. Назначили бухгалтером, доверили кассу взаимопомощи. Активничала в комсомоле, успешно грызла науки в заочном институте, горячо любила парня, который заканчивает Московский университет. Но ко всем этим по-человечески хорошим качествам примешивались нежелательные наклонности — легкость в оценке некоторых поступков, служебная беспечность, а порой и удивительная для двадцатичетырехлетнего человека несобранность.

25 июля 1965 года Тамара Боровченко, собрав все необходимое для бани, вышла из общежития. До бани не дошла, в общежитие не вернулась. Не вернулась потому, что ревизия в этот день обнаружила у нее растрату. Острое воображение де-

вушки рисовало страшную картину: полное разочарование любимого, безутешное горе родителей, презрение товарищей и себя за железной решеткой. Эти мысли занесли ее в ресторан, а потом, как горячечный сон,— пьяные оргии в какой-то компании, вагон дальнего следования в обществе пропойц, салон самолета и, наконец, тяжелая нервная болезнь с выпадением памяти.

С мочалкой и мылом в сумке она оказалась в свердловском сквере.

Позже она горько шутила:

— Не думала, что так далеко заеду в баню.

Тамара воспользовалась своей болезнью и стала Ниной Кольцовой.

...Оперативным работникам часто приходится вести схватки умом и изобретательностью. Особенно высокое мастерство нужно при разоблачении хорошо замаскированных, связанных преступной порукой расхитителей государственного добра. В полной мере им обладают оперативные работники службы БХСС[1]. Ими возвращены государству миллионы рублей, украденные различными преступными группами, разоблачены глубоко законспирированные шайки расхитителей золота, драгоценных камней, валютчиков, взяточников и других преступников.

Отдел БХСС УВД Свердловского облисполкома, начавший свое существование с так называемой ведомственной милиции, с каждым годом совершенствовал свое мастерство. Сейчас он разделен на отделения — применительно к сферам промышленного и сельскохозяйственного производства и потребления в народном хозяйстве области.

Умелая расстановка сил, глубокое изучение оперативной обстановки дают возможность вскрывать серьезные преступления. В 1962 году работники БХСС разоблачили группу расхитителей и взяточников (47 человек), состоявшую из работников разных организаций Кушвы, Нижней Туры, Краснодарского, Ставропольского краев, Саратовской и других южных областей. Эти преступники путем различных махинаций и за взятки на сумму 42 тысячи рублей отгрузили без фондов 32 000 кубометров лесоматериалов, похитив при этом 70 тысяч рублей.

А вот как раскрывалось другое, нашумевшее в свое время, преступление шайки валютчиков.

---

[1] Служба борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией.

409 рубинов

Боров ищет сообщников

Барак был жарко натоплен. Заключенные, разомлевшие после бани, валялись на нарах. Правда, не все. Некоторые возились с пожитками, штопали белье, пришивали пуговицы, деловито разглядывали обувку, соображая, как усилить ее прочность. Только двое уединились. Молодой южанин в ватнике, с вытянутой, как дыня, головой и большими ушами, сидел перед дощатым столом и хрустко перемалывал необыкновенно крепкими зубами надежно затвердевший сухарь. Жевал нервно, озлобленно. Острый кадык его резко ходил вниз — вверх.

Напротив него, на нарах, лежал тучный, круглоголовый, с плешью на темени, обросший щетиной толстяк по прозвищу Боров. Внешность его соответствовала кличке. Но кличку прилепили совсем не за это — за фамилию. Фамилия его Боровлянский. Взяли и сократили наполовину.

Горбоносого парня, что хрустал окаменевший ломоть, звали Абдулкой. Абдулмажидом Хизреевым. Он в два раза моложе Боровлянского — всего двадцать четыре от роду.

Абдулка сверкал глазами, проклинал Урал с его морозами, сырые бараки, лесоповалку, надзирателей и все местное начальство.

— Па-ачему пять лет? — злобно рычал молодой и горячий Абдулка.— Зачем нельзя шапки шить? Зачем нельзя торговать шапками? Па-ачему давали такой срок?

Боровлянский почесал через прорезь нательной рубахи заволосатевшую грудь, поглядел на приставшие к пальцам волоски.

— Ого, и тут лысеть начинаю.

— Я заработал на вашем Урале насым-морк. У меня тут кынжалами колет,— стучал Абдулка в грудь.— О-о, аллах! Я зыдохну тут...

— Не богохульствуй, чадо мое,— перебил его Боров.— Выживешь. И молись, немощный духом, что пятеркой отделался. За желтуху-то тебе, по справедливости, четвертная полагается. А то и вышка.

— Боров, толстый, жирный Боров! — воскликнул Абдулка.— Зачем такое говоришь? Кто у Абдулки видел желтуху? Ты видел? Следователь видел?

— Никто. Потому и дали полчервонца. Много золотишка припрятал, нехристь?

Абдулка лязгнул зубами, вгрызаясь в сухарь, не ответил. Боров задумался. Весной кончается срок. Жить надо. А он не из того теста, из которого пекутся герои труда. Дома — шаром покати. Все, что удалось скопить в артели «Красный кустарь», которой руководил и которую доил многие годы, под метелку зачистила милиция.

— О, господи, помоги рабу своему!

Боровлянский, кряхтя, повернулся на бок. Нары заскрипели под ним. Он приподнялся на локте, поманил Абдулку пальцем. Тот пересел поближе, сунул Боровлянскому остатки сухаря. Тот — шепотом:

— Камешки, голубенькие, красненькие, прозрачные... Вот такие,— отмерил на мизинце ногтя крохотное расстояние.— Рубины. Знаешь?

Абдулка поиграл ноздрями.

— В Свердловске две фабрики. Там камешки точат, цацки делают. Достану корунд, полезных людей подберу, они отгранят рубины. Я их покупаю для тебя, ты их толкаешь среди единоверцев. Для начала пустим в оборот твое золотишко. Понял?

Абдулка слушал. Абдулка верил этому толстому — то ли поляку, то ли русскому. Он много рассказывал о себе Абдулке. Когда-то в России был нэп. Боров спекулировал кожами, заседал в товариществе торговли и взаимного кредита, был церковным старостой. Боров умный и хитрый мужик. Абдулка верит ему.

Боровлянский осторожно оглянулся, Абдулка забрался к нему на нары. Говорили носом к носу.

— Приготовлю камешки — сообщу. Сам приедешь или другой кто — неважно. Но чтобы... Мне, Абдулка, сюда возвращаться не хочется.

Абдулка опять играл ноздрями, уносясь в родные края. Он видел большие, темные, как ночь, глаза красавицы Ашур. Для нее старался Абдулмажид. Каракуль скупал, шапки шил... Золото перекупал.

Ашур любит деньги, большие деньги. Но Абдул щенком был в сравнении с Гулямом Закиевым. Из-под носа увел Гулям красавицу Ашур. В Бухару увез, дом ей построил, коврами обил...

Как дикий барс метался Абдулка, хотел зарезать Гуляма. Здесь, на нарах, ночами не спал, изобретая самую жестокую месть. Нет, он погодит резать Гуляма. Гулям деловой человек, он виноват перед Абдулкой и поможет ему стать богатым. Гулям много ездит. Даже в Магадане бывал...

Рубины... Такие маленькие, как росинка на лепестке розы, а деньги будут большие. Помоги, аллах, Абдулмажиду, и тогда он отнимет у Гуляма красавицу Ашур.

* * *

...Осенью того же года сильно сдавший на вид заготовитель облпотребсоюза Боровлянский в просторном чесучовом пиджаке и соломенной шляпе бродил с плетеной кошелкой по Центральному рынку. Приценивался к сухим фруктам, нюхал лавровые листки у дюжих горцев и укоризненно покачивал головой:

— Креста на вас нету, нехристи.

— Па-ачему нет? Па-ачему обижаешь? — весело ответил один усатый с орлиным носом.

Боровлянский остановился, осмотрелся. Да, все как в письме сказано. Четвертый прилавок, у третьего с краю человека черный чемодан с желтыми застежками. Боровлянский подошел к нему, уткнул нос в пакетики с листом, тихо сказал:

— С приездом, Алеша.

Тот так же тихо:

— Здоров был, хороший человек... Поклон Абдулмажида везем, деньги везем, товар ждем.— И громко: — Чего глядишь, чего нюхаещь! Первый зорт, дешевка даем!

Сцена, изображающая скрягу, который жаждет купить, но страшится дать лишнего, получилась довольно естественной. Наконец, старик взял два кулька листа и положил их в кошелку. Лишь наблюдательный человек мог заметить, как в это время в его кошелку лег объемистый пакет, а из камышовой плетенки перекочевала в карман продавца коробочка из-под лекарств.

— Не будешь жалеть, папашка, хороший лист купил, хороший харчо будет.

И опять тихо:

— Восьмое марта ездить буду, мимозу возить буду. Камешки неси много, будешь денег иметь много.

Борис Соломонович расстроился

Майор Морозов приехал в управление чуть свет. Несмотря на свою солидную комплекцию, бодро взбежал на третий этаж, шагая по гулкому коридору, где размещаются кабинеты работников ОБХСС, заметил ключ, торчащий в крайней двери.

— Старина уже здесь,— с уважением подумал он о начальнике отдела полковнике Верховском.

В своем кабинете сбросил плащ на стул, достал из сейфа тощую папку и направился к Верховскому.

Невысокого роста, худощавый, с редкими ковыльными волосами на голове, полковник поднял на Морозова глаза.

— Здравствуй, Иван Алексеевич. Что так рано поднялся, чего изыскался?

— Мыслишки, как комары, осаждают, Владислав Иосифович. Разобраться надо.

— Присаживайся,— полковник сдвинул лежащие на столе бумаги.

— Вы помните Бориса Соломоновича, зубного техника? Он одно время у нас в санчасти работал.

— Это какой Борис Соломонович? Кригер, что ли? Сухой такой и легонький, как пробка.

— Ну, ну. Пацанов пятеро и жена — страсть ревнивая. В партком еще жаловаться прибегала.

Верховский засмеялся, вспомнив неказистого, рано облысевшего Кригера в толстых роговых очках. Еще в годы, когда его череп покрывала курчавая шевелюра, Кригер дал основательный повод для ревности. С тех пор никакие заслуги на фронте укрепления семейных уз не могли уничтожить недоверчивость придирчивой супруги.

— Так вот, Владислав Иосифович, пять дней назад этот Кригер приходил ко мне. Рассказал о каком-то страховидном типе, который завалился к нему на квартиру и предлагал золото. Сколько золота, в каком виде, Борис Соломонович не знает. Он так расстроился... Накричал на него и указал на дверь. Потом вспомнил о нашем существовании и пожалел. Выгнал он, Владислав Иосифович, Бадейкина.

— Какого Бадейкина?

— Вот,— Иван Алексеевич извлек из папки увеличенную фотографию.— Я показывал ее Кригеру.

С фотографии смотрел человек лет пятидесяти. Широкий нос с раздутыми ноздрями, мясистые надбровные дуги с тощей растительностью, под ними глубоко запрятанные маленькие глазки. От подбородка к крыльям носа — канавки морщин.

Надо отдать должное наблюдательности Кригера, узревшего в нем страховидность.

Вот уже месяц, как был уволен с прииска Бадейкин. Администрация имела серьезные основания подозревать его в краже золотого песка. Но доказательств у нее не было. Уволили за пьянку. А милицию, в частности отдел БХСС областного управления, интересовали эти подозрения.

— Та-а-к,— задумчиво произнес Верховский.— Значит, в третий адрес стучится?

— К Кригеру приходил пять дней назад. В тот же вечер видели его в поселке Шарташ. А теперь... Беспробудно пьет.

— Значит, продал? Кому?

— Этого твердо сказать не могу. Знаю, что был у Боровлянского.

— У Борова?

— У него.

— Неужели ожил старый нэпман?

Майор Морозов удобнее разместился на стуле, вынул сигареты, зажигалку. Приготовился к обстоятельному разговору.

У Ивана Алексеевича уже отчетливо обозначился второй подбородок, несколько утратилась прежняя гвардейская внешность. Но даже погрузневший, он не растерял строгой собранности, оставался человеком живым и деятельным.

— Когда он освободился?

— Восемь лет назад.

— Ах, старый песочник.— Владислав Иосифович поднялся, прошел к тумбочке с графином, налил воды в стакан и, не выпив ни глотка, вернулся к столу.— Насколько я помню, металлом он тогда не занимался.

— Думаю, что всем занимался, до чего могли дотянуться руки.

— Установочные есть?

— Вот,— подал Морозов листок бумаги.

Полковник устроился в своем кресле, привычным движением надел очки, стал читать:

«Боровлянский Петр Сидорович. Родился в 1902 году в Барановичах. На Урал приехал с братом Мефодием в разгар нэпа — в 1925 году, завел собственную торговлю кожей и кожевенными товарами... Мефодий Боровлянский расстрелян ОГПУ за махровую спекуляцию. Петр свернул торговлю. До войны работал в различных артелях, в 1945 принял артель «Красный кустарь». В 1950 году осужден на семь лет по статье 154 часть вторая (ого, на полную катушку!), освободился в 1957 году. Работал заготовителем в облпотребсоюзе. В 1962 году ушел на пенсию».

— Семь лет... Спекуляция в особо крупных размерах. Та-ак. Теперь желтым металлом занялся?

Морозов пожал плечами.

— Проверять надо.

— Как он жил эти годы?

— Постоянного надзора не было. Участковый ничего такого не замечал.

— Подключи в это дело Пермякова. Пусть соберет о Боровлянском все, что можно собрать.

* * *

Из рапорта оперуполномоченного ОБХСС старшего лейтенанта милиции Пермякова С. Н.:

«Боровлянский после отбытия срока наказания устроился в облпотребсоюз заготовителем. Там его характеризуют добросовестным работником. Сердечник. По этой причине от командировок освобождался. Ездил только в 1958 году дважды в Бухару. После тех поездок соседи не раз видели южан, приезжавших к Боровлянскому. Есть ли связь между поездками Боровлянского в Бухару и приездом южан к нему, сказать трудно. Бухара — город в Узбекистане, навещали же Боровлянского, судя по описанию очевидцев, мужчины кавказской национальности.

Поскольку они всегда приезжали на такси и такси ожидало их у дома Боровлянского не более получаса, никто с ними познакомиться не мог, поэтому установить фамилии последних не удалось. Известно, что эти гости, как правило, после посещения дома Боровлянского отправлялись в аэропорт.

Сейчас Боровлянский на пенсии (не знаю, за какие заслуги, но ему начислено 84 рубля). Соседи, зная о его общениях с жителями Кавказа, предполагают, что занимается спекуляцией.

Среди других связей Боровлянского — мастер ювелирной фабрики Чердынцев. Ему около 60 лет, ходит на протезе. Один из лучших огранщиков в Свердловске. Со всеми держится ровно. Страдает запоями. Последнее время стал часто бывать в доме молодого гранильщика Елютина, сына знаменитого мастера Василия Елютина, умершего два года назад.

Мастер Чердынцев лично занимается распределением работ. С разрешения администрации выдает сырье надомникам. Ни в каких махинациях замечен не был. Все изделия от надомников поступают на склад в точном соответствии с получаемым для огранки корундом и строго учитываются.

Елютин имеет выговор за появление в цехе в пьяном виде.

Бадейкин был у Боровлянского только один раз».

Резолюция полковника Верховского В. И. на рапорте оперуполномоченного Пермякова С. Н.:

«Выяснить все о Чердынцеве и Елютине. Проверьте возможность получения корунда помимо фабричного склада. Если потребуется поездка в Узбекистан, доложите».

Оператор из киностудии

Сергей присел на прибрежный, облизанный ветрами валун и с удовольствием вытянул ноги. Гладь Шарташа лениво грелась под солнцем. Лишь изредка по ней пробегала слабая рябь, и тогда лицо ощущало нежную, пахнущую илом прохладу.

Сергей вытер платком запотевший лоб и стал вглядываться в редких купальщиков. Он пытался разглядеть среди них человека, ради которого задуман этот вояж на берег озера. Увидел не сразу. Тот лежал в пиджаке и брюках, но босой. Новые желтые туфли стояли рядом. Обжаренный солнцем, маялся во сне.

Сергей встал и направился к нему. В метре остановился. Молодой парень раскинулся на спине, руки под головой — кренделем. Красивое припухлое лицо. К уголку губ прибилась травинка. Губы шевельнулись, травинка скользнула на землю. Лежащий пластом произнес:

— Туфли увести хочешь? Не надо. Я не люблю ходить босиком.

Парень, открывая то левый, то правый глаз, оценивающе смотрел на незнакомца в светлой рубашке с короткими рукавами и в тщательно выглаженных брюках. Прицеливался, как вести себя дальше.

— Будешь дрыхнуть — и тебя уведут,— ухмыльнулся Сергей.

— Ого! И бирку к ноге? — парень потянулся и рывком сел.— Ты уже не из тех ли, что обещали? Такую, фанерную.

Еще не понимая, о чем речь, Сергей ответил:

— Нет, не из тех.

— Тогда купи туфли. Поиздержался, понимаешь. Человек ты пижонистый, тебе пойдут.

— Ты же не привык ходить босиком.

— Ради высокой цели — пройдусь. Здесь недалеко. Вон до той харчевни,— ткнул парень в направлении киоска «Пиво — воды», приютившегося под высокими соснами.

— Значит, не купишь? Жаль. Может, тогда пивка так, от доброты душевной, поставишь?

— Что ж, для хорошего человека...

Под брезентовым тентом сидело трое пожилых, судя по разговору, сбежавших из дома отдыха от надоедливого культмассовика. Металлический каркас буфета походил на большую мышеловку. Прихлопнутая в ней буфетчица писала в тетрадке цифры столбиком. На подносе возвышалась пирамида вымытых кружек.

— Сальдо-бульдо, Клавочка! — приветствовал ее спутник Сергея.— Может, отложишь свою гроссбух да поработаешь насосиком?

— А-а, опять ты? — равнодушно сказала буфетчица и взялась за рычаг насоса.— Разбогател или на чужие?

— На чужие, Клавочка. Видит бог — на чужие,— и, обращаясь к Сергею, восхищенно пояснил: — Провидец. Все знает.

— Как не знать,— подала буфетчица кружку с оползающей по бокам пеной.— Едва теплый отсюда ушел.

— Седьмая степень, Клавочка. Ты знаешь седьмую степень? Это когда горемычный ползет по шпалам и гадает, когда кончится чертова лестница.

Сергей пригладил растрепавшиеся от набежавшего ветра волосы, принял другую кружку.

Сели под сосной. Сергей исподволь изучал свой нехитрый объект. Лет двадцать ему. Звать Володькой. Весь разговор, как полет воробья. И душа, видно, так же мечется. Паясничает, а на сердце — кошки скребут. Вон и глаз не кажет. Не умеет владеть ими.

Сергей спросил:

— В честь чего вчера так?

— Закеросинил-то? Для поднятия духа. Исповедоваться собирался.

— И попа приглядел?

— Ага. В синей шинели...

Парень опорожнил свою кружку и теперь, перевернув ее, старался оставшимися капельками попасть на муравья.

— Чего не пошел-то?

— Не пошел... Тут, брат, дело тяжкое. Душа тянет, а ноги не идут,— и вдруг вспылил: — А чего ты в душу лезешь? Без тебя муторно.

Помолчали. Владимир искоса посмотрел на Сергея, вздохнул:

— Ты не обижайся. Тут такая петрушка, что без пол-литра не обойдешься.

— Еще по кружке?

— Нет. Хватит. Я ведь без намека. Ты сам-то откуда?

— Я-то? — переспросил Сергей. Ему не хотелось врать этому запутавшемуся парню, но и правдой боялся оттолкнуть его от себя.— Я оператор. Кино снимаю.

Собственно, Сергей не очень соврал. Он действительно увлекается киносъемками. Даже посещает любительскую студию при Дворце культуры.

— Хорошая должность. А я вот гранильщик,— вздохнул,— пока гранильщик...

— Увольняешься?

— Турнут и не спросят. Пойдем-ка отсюда. Сестра, наверно, икру мечет. Танька. Я дома не ночевал. Хочу быть в форме.

Не ступили и шага от киоска, Владимир тревожно остановился.

— Легка на помине. Знает, где братца искать.

Меж сосен мелькнула фигура девушки в светлом платье.

— Будь другом, соври ей, скажи, что у тебя ночевал.

— Совру, только дай слово, что встретимся. Вот мой телефон.

Невысокая, лет девятнадцати, девушка с тревожно раскрытыми глазами остановилась на сгибе тропы. Владимир театрально бухнулся на колени:

— Не вели казнить, вели миловать. Грешен, сестрица. Засиделся у друга за полночь...

Девушка перевела испуганный взгляд на Сергея. Тот приветливо улыбнулся ей.

— Давайте знакомиться. Таня, значит? Глава семьи. Норовистый братец-то, непослушный?

Таня не сводила с Сергея больших, испуганных глаз. С трудом спросила:

— Вы его... с собой?

— Да нет, мне в эту сторону. До встречи!

Брат и сестра смотрели вслед удаляющемуся Сергею. Владимир старался удержать взятый с утра тон:

— Оператор из киностудии. Душа парень. Зовет в ассистенты. Может махнуть, Танька, а? Потом тебя в актрисы пристрою...

Девушка закусила губу, сдерживая слезы, свернула с тропы и по аллее, усыпанной желтым песком, быстро зашагала мимо угрюмых гранитных нагромождений.

Маленький дом с тремя окнами в палисаднике стоял недалеко от шоссе. Он остался Тане и Володе после смерти родителей.

Таня училась, хозяйничала по дому. Владимир работал на гранильной фабрике, заняв место отца. Жили хорошо, дружно. И надо вот...

Таня как вошла, так и села, обессиленная.

— Что с тобой, Володя? Где ты пропадаешь?

— Милая сестренка, это сердечная тайна, которую, как сказал...

— Не паясничай! — вскричала девушка, и слезы покатились по щекам.— Володя, почему пьешь, откуда у тебя такие деньги?

— Ну, деньги не велики.

— Большие, Володя. Те, под матрацем. И не придумывай, что соврать. В милиции ночевал?

— С какой стати? Я же сказал — у приятеля.

— Боже мой, ты сведешь меня с ума,— расстроенная Таня начинала говорить словами матери.— Ты знаешь, кто он, твой приятель?

— Как — кто? Оператор.

— Не оператор. Оперативник. Старший лейтенант милиции. Он у нас в институте беседу проводил. Пермяков фамилия. Я тогда в него чуть не влюбилась.

Владимир некоторое время ошалело смотрел на сестру, потом с трудом произнес:

— Для начала недурно, как сказал турок, которого посадили на кол... А насчет влюбиться... По-моему, он хороший парень.

— Что же ты натворил, горе мое?

Владимир сел рядом с Таней, обнял ее за плечи.

Станок Акимыча

Сергей нажал кнопку и прислушался к звонку за дверью. Может, дома никого нет?

— Войдите! — раздался громкий голос Ивана Алексеевича.

Сергей пошаркал ногами о резиновый половичок, вошел.

— Ты, что ли, Сергей Никитич?

По отчеству старшего лейтенанта Пермякова называл в управлении только майор Морозов. Остальные — просто по имени. Даже комиссар. Конечно, какой он Никитич в двадцать пять лет! И по званию не привыкли. Форму-то почти носить не приходится — работы навалом.

— Я, Иван Алексеевич. Можно?

— Проходи, проходи.

Майор в спортивных тренировочных брюках и майке лежал на тахте, на полу валялась раскрытая газета. Верхом на нем сидел пучеглазый мальчонка.

— Супруга в отлучке, а я вот с соседом культурно забавляюсь,— улыбнулся Иван Алексеевич, и, легонько вскинув на руках мальчишку, поднялся.

— Подай-ка, Сергей Никитич, папиросы. Вот, на столе. Иначе меня кондрашка хватит.

Закурили.

— Что-нибудь есть? — уже серьезно спросил Морозов.

— С Володькой Елютиным я снова встречался. С ним, по-моему, все ясно. Первый раз корунд ему принес Константин Чердынцев. Тот, на протезе. Чердынцев когда-то работал с отцом Володьки. Пришел с бутылкой...

...Старый друг дома Елютиных, замкнутый, изредка запивающий старик, после смерти Василия Акимовича Елютина пришел в этот дом, пожалуй, впервые. Встречаясь с Владимиром на работе, он здоровался за руку, спрашивал о житье-бытье, похлопывал по плечу.

На том и расставались.

Поэтому его приход на квартиру Елютина тепло тронул Владимира. Распили бутылку. Парень, пользуясь тем, что Таня на месяц со своим факультетом уехала в колхоз, сбегал еще за одной.

— Выпьем, дядя Костя? — предложил Владимир,— батьку помянем.

— Что ж, Акимыча помянуть не грех. Только ты не очень трясись с деньгами. Не густо, поди?

— Хватает, дядя Костя.

— Где уж хватает. Танька-то, гляжу, материны платья перешивает. Девки-то нынче больно форсистые пошли. Завидно, поди, на подруг.

Владимир вздохнул. Завидно или нет Таньке — этого он не знает. Разве скажет такая! А вот его задевает. Хозяином в доме остался, а справить сестре доброе не может. Вон уже домработницы в болоньевых плащах щеголяют, а Танька, как-никак,— без пяти минут инженер...

Дядя Костя налил в рюмки, спросил:

— У Акимыча станок был. Сохранился?

— Лежит на чердаке где-то.

— А ты бы его поправил да вечерами прирабатывал немного.

— А где ее, работу, возьмешь? Вон, надомников сколько. Не чета мне.

— А ты не хай себя. Руки у тебя отцовские. Помогу.

В тот вечер Владимир Елютин принял первую надомную работу.

Через несколько дней дядя Костя забрал рубины, уплатив за каждый грамм по два рубля. Обрадованный Владимир теперь не выходил вечерами из дому — спешил к приезду сестры побольше заработать. Кто его знает — будет потом халтура или нет.

Корунд всегда приносил дядя Костя. Он забирал готовые камешки, расплачивался. Правда, на другой день после первого посещения дядя Костя подошел на работе и шепнул:

— Ты о нашем деле... Чок, чок — и зубы на крючок.

Тогда Владимир это предупреждение понял по-своему. Выгодную сверхурочную работу люди всегда старались держать в тайне. Конечно, совестно тайком солидный приработок отхватывать. Вот у Кухарева трое ребят, жена болеет... Да разве один Кухарев... Никто бы не отказался... Но мысль сделать сестре приятное перебарывала зарождающиеся угрызения.

Однажды дядя Костя пришел пьяненький, поскрипел протезом по комнате, поискал в горке бутылку — не нашел.

— Сбегать? — спросил Владимир.

— Потом. Садись-ка, крестник. Худо дело-то. Нет сырья больше.

— Ну и ладно. С меня хватит.

— О себе только думаешь, а другим?

— Не понимаю.

— Чего там понимать. Не со склада же мне этот корунд выписывали. Витька Курасов, подлец, за хулиганку на год сел. Слышал, поди?

— Туда ему и дорога.

Старик осуждающе посмотрел на Владимира.

— Эта дорога никому не заказана... Вот что, парень. Придется тебе вместо Витьки в Дзержинск съездить.

— Это зачем?

— Опять за рыбу деньги. Корунд нужен. Витька его от тетки привозил. А теперь ты съездишь. Возьмешь недельку за свой счет и съездишь. У них на заводе синий корунд появился. Сапфиры гранить станем.

...Рассказ Сергея Пермякова Иван Алексеевич выслушал молча. Только раз достал блокнот из кителя, висящего на спинке стула, и что-то записал. Потом так и сидел с блокнотом в руках.

— Дальше.

— Володька наотрез отказался. Старик Чердынцев не стал настаивать, но предупредил: «Не вздумай пикнуть где. Враз с фанерной биркой на ноге в морге окажешься».

Вот и мечется теперь парень. Сестра деньги обнаружила. Несколько раз в милицию собирался идти, да так и не решился. С ужасом думал о сестре. Посадят — совсем одна останется. И страшно, и совесть гложет. К бутылке стал прикладываться. Чердынцев еще раз пытался прибрать парня к рукам, но пьяный Володька едва не спустил его с лестницы.

— Та-а-к. Кое-что проясняется. Похоже, что Дмитрий Бадейкин со своим золотым песком — ординарный жулик. На Боровлянского наскочил случайно... Поразительно, что такой конспиратор, как Боров, принимает золото. И от кого? От пропойцы, перспективного болтуна! Что это? Жадность? Или, решив, что мы — лопухи, притупил бдительность?

* * *

Выписка из рабочей тетради полковника Верховского В. И.:

«Боровлянский — перекупщик рубинов, которые изготовляются мастерами ювелирной фабрики в домашних условиях под видом сверхурочной работы. Установлено восемь таких надомников, среди которых оказался сын мастера Василия Елютина, вовлеченный в преступную шайку обманным путем. Корунд для поделки рубинов приобретается на различных химических предприятиях, в частности, на одном из заводов Дзержинска через родственницу некоего Виктора Курасова.

За изготовление рубинов Чердынцев платит огранщикам по два рубля за грамм веса, Боровлянскому «сдает» по четыре рубля. Тот, в свою очередь, сбывает драгоценности жителям южных республик.

Майор Морозов побывал там, где отбывал наказание Боровлянский, и установил, что в заключении Боровлянский был в доверительных отношениях со спекулянтом Абдулма-

жидом Хизреевым, даргинцем по национальности, с которым освободился в один день. Хизрееву определено место жительства в городе Бухаре, куда дважды ездил Боровлянский. Командировать в Бухару старшего лейтенанта Пермякова».

«Благодарность» племянника

Из Бухары, что в долине Зеравшана, через Ташкент, минуя Аральское море и огибая Каспийское, пробирались в родные края довольно импозантный горец и мальчишка в каракулевой папахе и меховой куртке, затянутой широким наборным ремнем.

Собственно, не пробирались. Они ехали, как тысячи других пассажиров, в жестком плацкартном вагоне, хотя могли нежиться на пружинных матрацах в купе мягкого вагона. Но вели они себя скромно, памятуя о зоркости милицейских работников.

Уже за Астраханью путники почувствовали дыхание родного края. На станциях послышался гортанный говор аварцев, лезгин, кумыков.

Голоса же братьев по крови даргинцев лучше всякой музыки тревожили усатого горца, застилая его глаза слюдяной пленкой. Младший был равнодушен. Он вырос далеко от родины — в Бухаре, где и сейчас оставались воспитавшие его родственники и молодая тетка, жена старшего из пассажиров. Душа парня, не знавшая подлинной теплоты детства, была не по возрасту черствой, и по этой причине мальчишка слишком спокойно взирал на устремленные в небо горы, поросшие по склонам дубовыми и буковыми рощами. Не выразил радости и после того, как ноги ступили на мощеные улицы Хасавюрта.

Парню было все равно — Бухара ли в Узбекистане, Хасавюрт ли в Прикаспийской низменности. Впрочем, Хасавюрт нужен ему для выполнения очень серьезного поручения...

Вскоре жители Хасавюрта стали свидетелями развернувшейся стройки. На их глазах — не по дням, а по часам — на улице Орджоникидзе, рядом с плоскокрышими саклями, рос двухэтажный дом. Лучшие каменщики и плотники из аварцев, завороженные обещанным заработком, возводили хоромы земляку, так долго пропадавшему где-то в засушливых краях за Аральским морем.

Мальчишка имел свободу во всем — мог скитаться со сверстниками целыми сутками, распоряжаться строительством, высказывать предложения о приобретении тех или иных материалов, самолично указывать, что купить из обстановки, но к деньгам не допускался. Мелкие подачки дядюшки лишь раздражали его.

Несколько раз старший уезжал в неизвестном направлении. После первой поездки вслед за ним прибыли две деревянные кровати, сделанные по специальному заказу харьковскими мастерами, в другой раз мальчишка распаковывал багаж с роскошным диваном ручной работы. После пришли невесть

откуда и другие предметы домашнего обихода — холодильник «ЗИЛ», телевизор «Беларусь», ковры, посуда.

Прибывший в Хасавюрт человек с ястребиным носом был весел, общителен, гостеприимен. Лишь однажды племянник увидел его лицо омраченным. Как-то вечером, сбросив черкеску и забравшись с ногами на диван байской роскоши, старший сказал племяннику:

— Мы стали слишком расточительны. Мой кошелек почти опустел.

Парень скривил губы, принимая эту откровенность, как намек на дальнейшее ущемление и без того скудных подачек. Но старший говорил правду. Он стал срочно собирать посылку в Бухару, где в ожидании конца строительства жила его дражайшая супруга. Содержимое привлекло внимание мальчишки. Среди пустяков, вложенных в фанерный ящик, он приметил и небольшую коробочку.

Еще ни одной просьбы дядюшки не выполнял юный горец с такой охотой, как эту,— отнести посылку на почту и отправить ее тетке в Бухару.

Посылку отправил, но несколько в облегченном виде: коробочка с рубиновыми камешками перекочевала в его карман.

О последствиях, которые могут быть, парень в тот миг не думал. О них он стал думать позже, когда, по его расчетам, вот-вот должно было прийти письмо от тетки.

...В ту ночь старший горец спал сном праведника и потому не слышал, как скрипнула подсыхающая дверь нового дома, как в образовавшуюся щель шмыгнула человеческая тень и бесшумно подступила к его изголовью с обнаженным кинжалом.

Парня арестовали несколько месяцев спустя где-то в центральной России и осудили на десять лет. Приговор он принял как должное. Об истинной причине, побудившей поднять руку на дядюшку, он ни словом не обмолвился, свалив все на горячую даргинскую кровь.

* * *

Из рапорта оперуполномоченного ОБХСС старшего лейтенанта милиции Пермякова С. Н. о поездке в Бухару и Хасавюрт:

«Абдулмажид Хизреев — житель Хасавюрта, Дагестанской АССР. После отбытия наказания проживал в Бухаре, был в приятельских отношениях с неким Гулямом Закиевым, своим земляком. Год назад Хизреев осужден на десять лет за подстрекательство несовершеннолетнего к убийству Закиева.

До покушения на него и после Закиев (Закиев теперь прихрамывает на правую ногу) не раз бывал в Свердловске. Живет явно не по средствам. В Бухаре построил дом из 6 комнат, обставил его дорогой мебелью. Недавно закончил строи-

тельство двухэтажного особняка в Хасавюрте. Нижний этаж этого дома сдал в аренду под часовую мастерскую и рыбный магазин. Фотографию Закиева прилагаю».

Алеша будет проездом

В просторном кабинете начальника отдела БХСС областного управления полковника Верховского успели изрядно накурить. Владислав Иосифович Верховский, получив «добро» у комиссара, только что вошел. Он полуприсел на край стола. Ему казалось, что так говорить и слушать легче. Да и остальным не сиделось. Заместитель начальника следственного отдела подполковник Аршавский и старший оперуполномоченный майор Иван Алексеевич Морозов устроились в углу около журнального столика. Вдоль стены стояло еще с десяток офицеров. Сидела лишь миловидная женщина с голубым плащом на коленях. Обращаясь к ней, все называли ее Ольгой Петровной. Старший лейтенант Сергей Пермяков, нагнувшись над ней, рассказывал что-то забавное. Ольга Петровна тихо смеялась.

Владислав Иосифович дождался тишины, сказал:

— Буду краток. Работа по установлению преступной группы закончена. Операцию по задержанию, условно названную «Гнездо Шарташа», начнем осуществлять утром. Иван Алексеевич, дайте полную картину.

Майор Морозов полистал рабочую тетрадь, нашел нужную страницу.

— Вот что мы имеем сейчас,— повернул страницу лицом к товарищам.

В тетради была вычерчена схема, похожая на те, которыми поясняют государственное устройство в учебниках обществоведения. В самом низу — треугольнички с фамилиями огранщиков, от них нити, собираясь в пучок, утыкаются в кружок с надписью: «Чердынцев — посредник». От Чердынцева красная линия в центр листа к синему прямоугольнику, похожему на дверную дощечку, с обозначением жителя — «Боровлянский». И уж отсюда расходящиеся лучи вели к овалам с названиями городов: Самарканд, Бухара, Махачкала, Хасавюрт...

Чертеж походил на паучье гнездо, в центре которого затаился главарь шайки. Задень неосторожно хоть одну нить — все хитросплетение дрогнет, расползется.

Итак, куда наносить первый удар? В центр? Обезвредить паука? Такая мысль приходила каждому, но в то же время каждый сознавал несостоятельность подобного тактического хода.

Допустим, Боровлянский задержан. Этакий тучный плешивый старик с сединой на висках и затылке, хватается за больное сердце, покачивает головой и укоризненно говорит:

— Побойтесь бога. За что?

Оперативники ведут обыск, осматривают все вещи в доме,

проверяют щупом каждый сантиметр огородных грядок, поднимают чердачную пыль и находят у старика самые ценные вещи — это пенсионную книжку и мешок с картошкой в подвале. Может такое быть? Может. И тогда не ответишь на вопрос преступника: «За что?»

Как же быть? С чего начинать? Ждали, что скажет майор Морозов. И он сказал:

— Вчера Боровлянский получил телеграмму из Хасавюрта. В ней всего четыре слова: «Алеша будет проездом двадцатого».

Сергей Пермяков поискал свободный стул, придвинул его к стулу Ольги Петровны, сел. Сейчас Иван Алексеевич расскажет, кто такой Алеша. А сколько стоило труда, чтобы установить этого Алешу! Сергею пришлось за короткое время побывать в Самарканде, Бухаре, оттуда перебираться в Махачкалу и Хасавюрт. Он прошел по пути, по которому не раз проходил «Алеша», и нашел его. Теперь Алеша снова приезжает в Свердловск.

Иван Алексеевич в это время называл фамилии оперработников, ставил перед каждым конкретную задачу. А она сводилась к следующему. Перекупщик Алеша, он же Гулям Закиев, едет за «товаром». Вот и надо взять его. Взять только с «товаром», только с поличным. Взять так, чтобы не шелохнулась ни одна паутинка, связывающая сообщников преступной группы.

— Ольга Петровна,— обратился майор Морозов к женщине.— Вы с моей опергруппой в аэропорт... Ничего особого придумывать не будем. У раззявы крадут деньги и все такое, вам знакомое... Примитив, конечно, но, думаю, Алеша его слопает, не поперхнется.

Полковник Верховский согласно кивнул головой, встал изза стола.

— А дальше будет так. Допрашиваем Закиева. Имея на руках вещественные доказательства и некоторые показания Закиева, внезапно задерживаем Боровлянского. Многочисленная родня, соседи могут разнести эту не очень приятную весть по всему поселку Шарташ, а оттуда она выпорхнет и дальше. Тревожить соучастников Боровлянского, которые начнут спешно заметать следы, не в наших интересах. Следственные работники для дальнейших действий по разоблачению преступников должны получить от нас устойчивый материал... Третий этап — гранильщики и их пособники. Десять машин, десять оперативных групп. Для этого привлекаем силы городского управления и райотделов. Операцию завершить в течение дня. В это же время в южных городах будут задержаны те, кому сбывал свой товар Гулям Закиев.

Вопросов не было, расходились молча. Сергей предупредительно взял у Ольги Петровны плащ.

— Позвольте, товарищ майор, поухаживать за вами.

Ольга Петровна оделась, Сергей посмотрел на часы.

— Что, Сережа, опять от мамы нагорит? Женился бы ты скорее.

— Некогда, Ольга Петровна.

— Ну, ты это брось. Не всегда такая запарка бывает. Проводишь?

— С удовольствием.

Коробка «Казбека»

По всему было видно, что человек этот не здешний, но и не первый раз в Свердловске. Чуть прихрамывая на правую ногу и опираясь на полированную, темного дерева, трость, он вышел из автобуса, только что подкатившего со стороны поселка Шарташ. Пассажир уверенно направился к трамвайной остановке, что на углу проспекта Ленина и улицы Восточной. Перейдя брусчатую мостовую, стал нетерпеливо прохаживаться вдоль рельсов, утонувших меж серых булыжников.

Шел десятый час. Июльское солнце поднялось над крышами домов и повисло где-то над рынком.

Прокатила поливочная машина, неся в кошачьих усах маленькую радугу. Человек лишь попятился к чугунной ограде сквера и потом, глядя на забрызганный низ брюк, добродушно усмехнулся. Видно, в хорошем был настроении.

Из-под железнодорожного моста вынырнул трамвай. Человек предупредительно пропустил вперед вертлявых девчушек и поднялся на площадку прицепного вагона.

В безупречном коричневом костюме и шляпе табачного цвета, он выделялся среди редких пассажиров своей респектабельностью. Южанина в нем не трудно было узнать: смуглое лицо, квадратный с вмятиной подбородок, по орлиному изогнутый мясистый нос, смолистые густые усы. Вышел он на центральной площади. Прищуренно поглядел на циферблат курантов башни горисполкома и поспешил к кассам аэрофлота.

Обычная толчея. Перепутавшиеся хвосты очередей. Сдержанный гомон. Человек с тростью без особого труда разобрался, что к чему, подошел к замыкающему одну из очередей. Спросил:

— На Ташкент?

— Да, но говорят, что на сегодняшний рейс нет билетов.

— Нэ хорошо,— подосадовал вновь прибывший и добавил: — Будем ехать аэропорт.

Тут же, в Театральном переулке, он сел в «Икарус», автобус-экспресс, и вскоре был в Кольцово. В здание аэровокзала вошел не сразу. Стоя у застекленных дверей, он приглядывался к снующей публике.

Казалось, человек ждет кого-то. Только внимательно присмотревшись, можно было заметить, что он не ждет и, напротив, рад был бы ни с кем не встречаться.

Вот он вошел внутрь, огляделся и поспешил к кассе. Очередь за ним заняла миловидная и словоохотливая женщина в легком голубом плаще. Но человек, судя по всему, не был расположен завязывать беседу.

Суета у перегородки началась сразу, как только объявили о подходе самолета. Прихрамывающий южанин начал протискиваться к окошку. В этот момент обладательница голубого плаща стала дрожащими пальцами шарить в открытой сумочке.

— Деньги... Вот тут были... Все до копейки...— убитым голосом проговорила она.

Любопытных, особенно в залах ожидания, всегда хватает. Ее окружили. К месту происшествия поспешил сержант милиции.

— Я на билеты приготовить хотела, глядь — пусто,— стала объяснять пострадавшая.

Безучастным к происходящему оставался, пожалуй, лишь человек с тростью. Он все усерднее протискивался к окошечку кассы. Милиционер тем временем спрашивал:

— Может, подозреваете кого? Приметили?

— Нет, никого не видела. Правда, около меня кавказец какой-то стоял. Да вот он, но...

Женщина смутилась. Заподозренный ею оглянулся, посмотрел укоризненно.

— Да нет, я не думаю, что он.

Сержант козырнул человеку в шляпе табачного цвета, извинился и пригласил с собой. Тот пожал плечами:

— Что такое? Па-ачему? Рядом много людей стоял...

— Очень хорошо,— устало сказал сержант.— Все и пройдемте со мной. Там все выясним.

В кабинете милицейского пункта аэропорта, куда сержант привел женщину и ее соседей в очереди, сидели двое в гражданской одежде. Один из них спросил:

— Что случилось, сержант?

— Кража, товарищ капитан. Деньги у гражданочки увели.

— Задержали?

— Да кто их знает, кого задерживать. Вот эти около нее стояли. Больше, сказывают, никто не подходил.

Тот, кого сержант назвал капитаном, проворчал:

— Поразевают рты, а ты тут теперь, может, у невинных людей карманы должен выворачивать... Обыскивать, Иван Алексеевич? — обратился он к сидевшему за столом полнолицему, с редкими седыми волосами.

Иван Алексеевич развел руками, как бы говоря: а что иначе сделаешь? Положено.

— Вы уж извините нас, но формальность соблюсти надо.

Задержанные стали выгружать содержимое карманов. Работники милиции в штатских костюмах бегло осматривали

выложенные предметы, разглядывали документы. Проверили и карманы кавказца. При нем были документы, деньги, пачка «Казбека» и всякая другая мелочь, вроде носового платка и расчески.

Иван Алексеевич собрался отодвинуть все это хозяину, но в последний момент придержал папиросы.

— О! Московский «Дукат». Можно одну?

Владелец папирос замешкался. Не ожидая ответа, Иван Алексеевич откинул картонную крышку с силуэтом всадника и нацелился двуперстием на содержимое.

Легкая испарина выступила на лбу усатого. Замерли в воздухе пальцы Ивана Алексеевича, жаждавшего угоститься «Казбеком». В коробке, выложенной ватой, поблескивали рубиновые камни.

Капитан, собравшийся писать протокол, встал из-за стола и приказал удалить посторонних, так ничего и не заметивших. Затем взял со стола паспорт и, заглядывая в него, спросил:

— Откуда у вас такое богатство, гражданин Закиев?

Первый допрос

— Итак, Закиев, вы утверждаете, что вот эти 409 рубиновых камней купили у незнакомого вам человека? — Иван Алексеевич Морозов откинулся на спинку стула, разглядывая тяжелый подбородок Закиева с глубокой ямкой, темные, аккуратно подстриженные усы, синий шрам на правом виске.

— Да. Я приехал за шифэр. Строюсь. Нэ купил. Камешки купил. Парень дешевкам продавал.

— Описать этого человека можете?

— Такой, в курточке. Симпатичный...

Морозов усмехнулся и положил перед Закиевым фотографию:

— Этот?

Едва заметная тень пробежала по лицу Закиева. Но он не шелохнулся. Внимательно осмотрел снимок, даже поинтересовался оборотной стороной. Выдавил:

— Нэт, не он.

— Вы правы. Не он. Это Абдулмажид Хизреев.

Иван Алексеевич пытливо смотрел на Закиева, но тот уже взял себя в руки.

— Хизреев не мог продать вам эти камни. Он осужден на десять лет. Если мне память не изменяет, вы даже присутствовали на процессе?

Тут нервы Закиева немного сдали. Он вздрогнул, передвинулся на стуле.

— Ваш интерес к судебному процессу вполне объясним. Уходил с арены осточертевший, ревнивый человек, и вы хотели убедиться, насколько прочно.

— Брось, гражданин началнык, никакой Хизреев я нэ знаю,— Закиев резко отодвинул от себя фотографию.

Иван Алексеевич вышел из-за стола, взял из шкафа изъятую у задержанного трость и, рассматривая ее, спросил:

— Я не ошибаюсь, ее вам подарил Абдулмажид Хизреев? Подарил, когда вы залечивали свои многочисленные раны. Он был так любезен, что ни словом не напомнил о своей невесте Ашур, которую вы увели у него из-под носа. А вы тоже были любезны и приняли подарок потому, что еще не знали тогда, кем вложен кинжал в руки племянника.

Закиев зло сверкнул глазами.

— Ваша смерть нужна была Абдулмажиду Хизрееву, потому что нужна была ваша жена. Да, да, тому самому, который свел вас с Боровлянским, с которым вы так успешно развернули торговлю рубинами... Итак, вы утверждаете, что купили рубины у случайного прохожего... А может, у Боровлянского? Кстати, где это вам так штаны забрызгало? Не на углу Восточной и Ленина? Ну, когда сошли с автобуса?

Гулям Закиев бросил взгляд на брюки.

— Почистить не успели. На самолет спешили. Да-а, с такой коробочкой задерживаться, конечно, опасно.

Иван Алексеевич положил палку в шкаф, сел на свое место и, глядя на Закиева, почти участливо спросил:

— Этот шрам на виске — тоже последствия той трагической ночи?

Закиев смахнул рукавом пот со лба, потянулся к графину с водой. Сделав несколько глотков, хрипло сказал:

— Пышыте.

* * *

Из письма даргинца Закиева, написанного на ингушском языке, которое он пытался отослать из тюрьмы:

«Ашур! Передай привет Патимат, Исламу, Мухажеру и всем, кто любит нас и кого любим мы. Ашур! В тот день, как получишь это письмо, ты пошли человека к Зайнабасу, если он дома. Пошли Машкарипа или Аюпа. Мои баллоны в багажнике его «Москвича». Пусть скажут, что я арестован и пусть они, если спросят у них, скажут, что не знают меня. Мою машинку толкни в арык. Не расшаталась ли беседка, которую я сделал во дворе? Посмотри шифер, чтобы не рассыпался».

Пояснения к письму:

Баллоны (рубиновые камни) и машинка (пистолет) изъяты милицией при обыске. Под шифером беседки найдена записная книжка с адресами лиц, которым Закиев сбывал камни.

Персональные машины

Петр Сидорович чувствовал себя в это утро очень бодро. Будто за плечами не шестьдесят — меньше. Побрившись, отыскал бумажку, присланную из райсобеса, прочитал еще раз:

«Для уточнения суммы заработка...»

— Ну, что ж, съездим, уточним. По городу пройдусь. Давно не выбирался из поселка.

Старик облачился в обширный чесучевый пиджак, подошел к зеркалу. Жена смахнула щеткой невидимые пылинки, поправила ворот рубашки, смятый двойным подбородком, помогла застегнуться.

— С богом, не задерживайся.

— В кои-то веки в город выберусь... Скоро не жди.

Петр Сидорович сунул в карман документы и вышел на крыльцо.

Солнце не успело прогреть землю, и она отдавала сохранившуюся от ночи прохладу. С огорода, грядки которого сбегали к берегу озера Шарташ, веяло ароматом зреющего укропа и болотистой сыростью. Петр Сидорович чинно пошагал к остановке.

Шла посадка на автобус, идущий в Свердловск. Машина явно не могла вместить всех, жаждущих уехать. Петр Сидорович удрученно покачал головой. В его-то годы да с такой комплекцией... Придется ждать следующий рейс. Он огляделся, подыскивая какое-нибудь бревно или скамейку на солнечной стороне — посидеть, пожмуриться в приятном безделии.

На дороге, прижавшись к обочине, стояла «Волга». Около нее разговаривали двое — высокий со строгим профилем и коренастый, довольно полный мужчина с приятной добродушной улыбкой. Старик уже шагнул на мостовую, когда его окликнули.

— Петр Сидорович! — полный, с видневшимися из-под шляпы седыми висками, протянул руку.— Сколько лет, сколько зим! Уж не в город ли собрались?

— Туда. В собес вызвали,— старик чувствовал себя неловко. Вот она, старость! Людей забывать стал. Такой представительный, деловой человек здоровается с ним, а он, побей бог, не может его вспомнить. И ведь лицо знакомое.

Петр Сидорович покряхтел, приминая смущение, притронулся к соломенной шляпе:

— В город, товарищ...

— Ну, зачем так официально. Просто — Иван Алексеевич. Запамятовали? — Добродушный, представительный владелец «Волги» так и сыпал словами.— Давид Григорьевич! — окликнул он своего высокого спутника с усиками треугольником.— Прихвати Петра Сидоровича, задавят в автобусе. Вы поезжайте, Петр Сидорович, я тут остаюсь. Дел — во,— он провел ладонью по горлу, жизнерадостно засмеялся, потряс руку обрадованного старика.

Садясь в машину, покачнувшуюся от его тяжести, Петр Сидорович помотал головой. Он все еще переживал за свою память. Высокий, с усиками, устроился рядом.

— Какой приятный человек,— сказал Петр Сидорович.

Высокий согласился:

— Иван Алексеевич-то? Да, очень хороший человек. Давно знакомы с ним?

Петр Сидорович вздохнул:

— Склероз. Встречались где-то. Прямо неловко даже.

Машина мягко шумела по асфальту, изредка гравий стучал о днище. Шофер включил приемник и расположившиеся на заднем сиденье замолчали, прислушиваясь к тихой, задумчивой песне об иве, которая утверждала, что родиться надо не красивым, а счастливым, потому как «красота завянет, счастье не обманет».

Был ли счастлив Петр Сидорович? Ну, это как сказать. В свое время владельцы «торгсинов» широко распахивали перед ним двери, а Фадеев, директор винного завода, привозил ящики коньяка прямо на дом. Были и черные дни. О них лучше не вспоминать. Особенно те годы за решеткой. Потом...

Петр Сидорович стал сладко подремывать. Машина входила в город. Тот, которого оставшийся в поселке назвал Давидом Григорьевичем, пригнулся к округлому, хрящеватому уху старика, тихо произнес:

— Дельце одно есть, Петр Сидорович. Может, заедем ко мне?

Петр Сидорович помолчал, соображая. А вдруг насчет камушков? Кто мог сказать? Неужели этот пес одноногий? Сто раз говорил, что мне не нужны лишние свидетели... Опять же лицо этого Ивана Алексеевича знакомо...

— Можно, конечно, но,— уклончиво начал старик,— но мне в собес. К десяти вызывали. Может, сейчас поговорим?

Давид Григорьевич выразительно повел глазами на спину шофера.

— Хорошо, только уж вы меня потом подбросьте до места.

— Все будет в порядке, Петр Сидорович.

«Волга» миновала центральную площадь и, сделав вираж вправо, затормозила. Давид Григорьевич вышел первым, придержал дверцу. Старик, покряхтывая, стал вылезать, сипловато спрашивая:

— Может, вы по поручению?

— Конечно, конечно,— весело отозвался Давид Григорьевич.— В нашем деле не самовольничают.

Петр Сидорович выпрямился. Глянув на входную дверь высокого кирпичного здания с зарешеченными окнами первого этажа, изменился в лице. Немая сцена продолжалась минуты две.

Наконец, старик вынул из кармана платок, нервно продул ноздри и устало сказал:

— Понятно. Не ожидал. Это вы и хотите уточнить «сумму заработка»?

— Мы и хотим. Теперь вспомнили, где встречались с Иваном Алексеевичем?

— Нет, не помню.

— Ну, это простительно. В год вашего первого ареста он был совсем юным.

— Да-а, бежит время.

— Бежит, Петр Сидорович.

— Высоко к вам подниматься?

— Совсем пустяк — на второй этаж.

— Тогда идемте. Выше я бы не согласился.

В кабинете заместителя начальника следственного отдела подполковника милиции Давида Григорьевича Аршавского Петр Сидорович Боровлянский (то был, конечно, он), спросив разрешения, снял чесучевый пиджак и тяжело опустился на стул. Глаза его сузились, выдавая лихорадочную работу мысли. Подполковник вежливо посоветовал:

— Не майтесь, Петр Сидорович.

Аршавский убрал со стола развернутую газету. Под ней лежали коробка «Казбека» и фотография человека с ястребиным взглядом, у которого была изъята эта коробка. Глаза Боровлянского налились бешенством.

— Сволочь... Обнажился?

— До исподников, Петр Сидорович. Ну, теперь вы расположены к беседе? Или Ивана Алексеевича подождем? Он быстро закончит обыск в вашем доме и прибудет. Кстати, за Чердынцевым, Курасовым, Топорковым... Не буду всех перечислять. За ними тоже машины посланы. Персональные.

Улыбнитесь, Таня

— Таня! Елютина! К телефону. В узком институтском коридоре только что вывесили факультетскую стенную газету. Стайка девчат, пересмеиваясь, толпилась около нее. Подошла и Таня с необъяснимым стесненным чувством. Казалось, беда, свалившаяся на ее семью (она даже сейчас мыслила категориями покойной мамы), глянет на нее с листа ватмана обидной насмешкой. Но ничего особенного не увидела. Обычное студенческое подтрунивание друг над другом. Успокоенная, она читала забавную телеграмму, присланную ребятами с целины.

И вдруг — к телефону. Опять тревожно ворохнулось сердце. Что оно, на самом деле!

Таня подошла к телефону, сняла трубку. Спрашивал незнакомый голос.

— Кто это? — спросила Таня.

— Это я, Таня, Сергей Пермяков.

Вот оно, сердце-вещун не подвело. Пермяков... Это же тот старший лейтенант.

— Что вы думаете делать после занятий?

— Н-не знаю.

— А то давайте погуляем вместе.

— Что-нибудь о Володе?

— Собственно... Да нет, просто так.

О, если бы это случилось в тот день, когда он приходил к ним на факультет с беседой... Как это давно было... Декан представил тогда молодого офицера в милицейской форме. Их парни-пижоны многозначительно переглянулись: дескать, послушаем, чему нас будет вразумлять этот опер. А потом сидели, раскрыв рты. Ну, а Таня... Таня, задиристая спорщица, любившая ставить ошеломляющие вопросы даже уважаемым профессорам, сидела робкая и завороженная. Не знает она — почему. Не может объяснить. Бывает же так: увидишь человека и тебя захватит, что-то сожмет сердце, и потом долго помнишь его взгляд, голос, какую-нибудь деталь одежды...

Если бы он тогда пригласил ее... Нет, она бы, конечно, не пошла. Может, потом, когда... Но все равно, уже одно его внимание много бы значило. А теперь зачем?

— Что же вы молчите? — голос в трубке.

— Раз надо, куда денешься. Приду.

— Да нет, не надо... Тьфу, что я говорю. Надо, конечно, но не затем, зачем вы думаете. Я же сказал — просто так. Вот если просто так не хочется — тогда не надо.

— Хорошо. Куда приходить?

— А я здесь, внизу. Подожду на скамейке в сквере.

Светка, сокурсница Тани, подошла к ней, сочувственным шепотком спросила:

— Что, опять к следователю?

Светку не любили в группе вот за такую назойливую участливость, за которой хорошо проглядывало обыкновенное бабье любопытство.

— Нет, на свидание! — прямо в лицо ей выкрикнула Таня и, чуть не заплакав, побежала вниз по лестнице.

Сергей стоял у скамейки. Одет так же, как тогда на озере, когда увидела его с Володькой. Легкие, немного вьющиеся волосы трепал ветер. Он улыбнулся, и Таня сразу почувствовала себя свободнее. Поздоровалась, а заметив довольно любопытные взгляды девчонок, облепивших скамейки студенческого сквера, подхватила Сергея под руку и, будто сто раз с ним встречалась, спросила:

— Куда пойдем?

Сергей понял Танин порыв, похлопал ладонью по пальцам ее руки, сказал:

— Вот так-то лучше.

Они шли вниз по тротуару, ведущему к Каменным Палаткам. Говорили о всяких пустяках, которые сразу же забывались, потому что Таня все время думала о Володьке.

...Приехали за ним вечером. Вежливо так спросили:

— Владимир Елютин? Мы из милиции.

— Володька, конечно.

— Догадываюсь.

— Собирайтесь, поедем с нами.

— Спасибо за приглашение.

Таня как раз пекла блины. Володька одевал пиджак и на ходу жевал их.

— Это я про запас. У вас там блинами, надо полагать, не кормят?

Оперативник улыбнулся, но не ответил. Володька поцеловал сестру. Глаза его погрустнели.

— Таня, милая, извини...

И ушел. Таня плакала до утра.

...Когда вошли в лес и почувствовали прохладное дыхание озера, Таня спросила:

— Вы никогда не задумывались, почему наше озеро называется Шарташ?

Таня все еще держала Сергея под руку, но по имени ни разу не назвала. Обращалась просто так. Никак, в общем.

— Интересовался. Когда-то в его окрестностях было много золота. Это башкирское название...

— Вот, вот. Сары-Таш — желтый камень. Золото... Сколько о нем написано — о золоте. Сколько крови пролито. Не одно такое озеро заполнить можно... Неужели даже теперь нельзя без него обойтись? Ну, может, не государствам, простым людям. Все мало, все тянут, тянут... Себя губят, судьбы других ломают... Володька не такой, я знаю. Он на отца похож, а отец... Он на Павла Петровича. Они с Бажовым дружили... Золото... И камни эти. Ну что такое рубин? Алюминий — два, О — три. Окись алюминия. Глинозем...

Таня замедлила шаг, занятая какой-то своей мыслью.

— Глинозем... Звучит — вроде навоза. Не сапфирами и рубинами звать бы эти камни, а глиноземом... Может и усохла бы жадность. Себя бы, потянувшись к ним, навозом почувствовали... Нет, я люблю красивое. Я часами стояла рядом с отцом и наблюдала, как из невзрачного камешка получается самоцвет. Я любовалась причудливостью красок в его гранях, восхищалась руками отца, творящими это чудо, и ни разу не подумала, с какими порой трагедиями идет рядом божественная красота.

— Вы — поэт, Таня. Только хмурый. Сейчас, во всяком случае. В руках хороших людей красота останется красотой и никогда не обернется слезами. И ваш братишка еще будет творить ее...

— Скажите, что с Володей? Ну вы юрист. Понимаете, что я спрашиваю? Степень вины и так далее.

— Твердо знаю, что до суда его выпустят. Это не арест. Задержание, необходимое по оперативным соображениям. Завтра, послезавтра вернется домой, будет работать. Но вот что решит суд... Видимо, учтут его добровольное признание,

что он был исполнителем преступной воли... Тьфу, черт. Языком-то каким заговорил. Одним словом, Таня, разберутся, что он не дурак, хотя был им, что он любит свою сестрицу, работу, что он в общем-то хороший парень... Ну, улыбнитесь же...

Таня подняла голову. Глаза ее блестели. Грустно улыбнулась.

— Скажите, вы специально со мной встретились? Успокоить, ободрить? Да? Это так в милиции положено?

Сергей засмеялся:

— Какой же я утешитель! Просто выдался свободный день, оказалась уйма времени...

— И только?

— Ну-у, не совсем,— смутился Сергей.—А что?

Таня помолчала, откручивая залохматившийся на сломе прутик, и когда оторвала его, посмотрела Сергею смело в глаза, сказала:

— У меня девчонка спросила: «Куда ты?» А я ответила: «На свидание»,— хлестнула прутиком по стеблям осыпающегося лисохвоста и зашагала по тропе, заставляя Сергея догонять ее.

После пожара

Тонкого аналитического ума, смекалки, сообразительности требует работа следователей. Следователь ведет поединок без зрителей — один на один. И лишь в протоколах допроса скупо фиксируется каждый этап его борьбы. Но чтобы следователь мог выиграть схватку с противником, он должен быть намного сильнее.

Но, прежде всего, в идейной убежденности, в правоте своего дела.

Следователь работает, как говорят, «со следами». Буквально идет по следу, от преступления — к преступнику. И если след оборвался или допущена ошибка, следователь находит силы вновь и вновь возвращаться к тому, с чего начал.

...Дом гостиничного типа: длинный коридор, по обеим его сторонам — двери в обособленные квартиры малосемейных трубного завода. Эти двери то и дело распахиваются, выпуская и впуская жильцов, снующих друг к другу по разным делам: мало ли какая возникает житейская необходимость навестить соседа, если ты с ним в добрых отношениях уже не первый год?

Затишье бывает лишь в часы, когда хозяева на работе. Тогда по коридору хоть на велосипеде катайся.

В это безлюдное время и разыгралась трагедия. Вначале дымок пробился в отверстия межэтажного перекрытия, через

которое проходят трубы отопительной системы, и его учуяли живущие этажом выше. Затем дымок закурился в замочной скважине, наполняя общий коридор запахом гари.

Безобидный по первости, он встревожил живущих наверху. Сбежались, стали стучать к Торопыгиным. Постучались, не надеясь особо, что кто-нибудь отзовется. Знали: и Любовь Ивановна, и Сергей Андрианович — на заводе, а ребенок гостит у бабушки. Постучались, а потом взялись за лом и сняли дверь с петель.

Когда приехали пожарные, огонь уже был укрощен. Правда, беды успел наделать много. От жара в наглухо закрытом помещении потрескались оконные стекла и штукатурка, оплавилась электропроводка, сгорели платяный шкаф, комод и все, что в них было. Сиротливо стоял обуглившийся скелет кровати, вместо гардин висели лохмотья пепла.

Инспектор пожарного надзора, худой, с болезненным лицом, старший лейтенант Дедюхин, простуженно кашляя, обошел комнату и придирчиво осмотрел остатки вещей. Настроение у него было скверное, хотя никакой вины пожарников в опоздании не было.

У комода с уцелевшими нижними ящиками задержался. Склонив по-птичьи голову, он смотрел на оплавившиеся провода, на розетку, укрепленную над комодом, и раздраженно хмыкал. «Ну и народ,— думал он,— хоть кол на голове теши».

В дверном проеме, испачканная сажей, стояла Любовь Торопыгина — молодая, пухлогубая и стройная женщина. Она уже наревелась до отупения и теперь только моргала, слушая, как хрустят под сапогами старшего лейтенанта осколки стекла и угли. За ее спиной толпились и гомонили соседи.

Старший лейтенант обернулся к Торопыгиной, зло открыл рот и зашелся в кашле.

— Эк его,— жалостливо подумала Торопыгина.

Дедюхин, хоть и кашлял до слез, заметил сочувственный взгляд Любови Ивановны. Пересиливая зуд в горле, он закричал:

— На комоде щи варите, да?

Сапог Дедюхина ткнулся носком в лежавшую на полу электроплитку. Из нее вывалился огнеупорный кругляшок с лабиринтом для спирали, и, крутнувшись, лег в мокрый бумажный пепел.

Торопыгина, отмахиваясь, как от наваждения, растерянно возразила:

— Бог с тобой, кухня есть. Так, если чаю когда...

— Чаю? — глотая угарный воздух, сипло спросил Дедюхин,— чаю? А выключать плитку Пушкин будет? Э-эх, Торопыгина... Торопыга ты и есть.

Укорив виноватую, он пошел к соседям писать протокол.

Документ получился предельно сжатым и категоричным.

— Вот заплатите сотни три за ремонт... Что касается сгоревшего имущества... Сами виноваты, с себя и спрашивайте,— сказал Дедюхин, расписываясь в протоколе.

Задиристая Любовь Ивановна лишилась способности что-либо понимать.

— Да ты очумел, пожарник? — вскипела она.— Или от простуды мозги раскисли? Не виновата я. Все проверила, когда уходила.

Одни сочувствовали и старались успокоить в меру своих сил, другие молчаливо пожимали плечами, осуждая в душе ее беспечность. Ведь всех могла спалить.

Были и третьи. Вроде Нюськи Гавриловой. Эта не утруждала себя раздумьями.

— Квартиру новую захотела, вот и подожгла,— заявила Нюська.

Любовь Ивановна едва не бросилась на нее с кулаками. Ну и ведьма, ну и ведьма! Ишь, как повернула.

— Откуда у вас такие данные? — спросил Нюську старший лейтенант Дедюхин.

Но та, вильнув бедрами, скрылась в своей коморке. Любовь Ивановна объяснила:

— Комнатешка — десять метров. Давно просим. С ребенком ведь. Все обещают, а не дают. Ну, я в сердцах и ляпнула как-то: «Спалить бы этот улей — враз дадут».

На другой день Торопыгина побежала в милицию, потом в прокуратуру, потом опять в милицию. Но доказать ничего не могла. Что тут докажешь? Дело ясное: квартира была заперта, ключ в тайнике, под обивкой двери... Комод обуглился сверху. Тут же розетка, плитка электрическая.

Но Торопыгина пришла еще раз. Начальник горотдела вызвал Дедюхина и следователя лейтенанта Бригова. Дедюхин кашлял и ругался на Торопыгину («Ходит, людей отрывает от дела»). Бригов, молодой и остроглазый лейтенант с улыбчивыми ямочками на щеках, слышал об этой истории впервые и потому с детским любопытством ловил каждое слово Любови Ивановны.

— Да не включала я тогда плитку! На фига она мне, если я в столовке пообедала? Все скажут. Даже Нюська Гаврилова.

Когда Дедюхин, досадливо морщась, пытался остановить ее («Бросьте, бросьте, Торопыгина»), Захар Бригов положил ему руку на плечо, попросил:

— Помолчи, Павел, дай послушать.

Начальник горотдела с удивлением посмотрел на Бригова и, словно вспомнив что-то, сказал:

— Товарищ Бригов, возьмитесь-ка за это дело, разберитесь как следует.

Когда он это сказал, Торопыгина разочарованно пропела:

— Това-а-арищ нача-альник...

Но подполковник прервал ее строго:

— Захар Степанович — юрист молодой, но мыслящий. Так что...

Захар чуточку зарделся румянцем, а Дедюхин, нарушая враз все воинские уставы, вышел вон и недвусмысленно хлопнул дверью. Обиделся старший лейтенант Дедюхин.

...Уже первое знакомство с обстоятельствами дела насторожило Бригова. Допустим, рассуждал он, Торопыгина подожгла сама, поскольку давно и безуспешно добивается благоустроенной квартиры. Но такой поступок... Безрассудство. Огонь пожрал много ценных вещей, семья осталась разутой и раздетой...

Нет, этот вариант отметался начисто.

Другая, наиболее вероятная версия — это загорание от плитки. Та версия, которую довольно убедительно обосновал оскорбившийся Дедюхин. Но и ее расшатывает немаловажное обстоятельство: женщина с такой неподдельной искренностью отрицает... Не верить просто нельзя.

Значит, возможна еще одна причина пожара. Какая?

— Пойдемте на вашу пострадавшую квартиру,— пригласил Бригов Любовь Торопыгину.

К счастью, работники ЖКО, ожидая возмещения убытка, к ремонту еще не приступали. Бригов стал осматривать пепелище, устанавливать все, что сгорело. В клочках материи хозяйка узнавала то свой плащ, то белье, то одежду мужа.

— А это что? — следователь поднял с пола опаленный кусок материи из белых нитей.

— Это марля. В нее были завернуты отрез на пальто и подкладка.

Легко воспламеняющаяся марля, хотя частично, но уцелела. Почему тогда не осталось даже пепла от туго свернутого драпа?

Удивило Бригова и другое. Комод горел сверху, нижний выдвижной ящик сохранился, но он пуст, хотя Любовь Ивановна утверждает, что там было постельное белье, полотенца, отрез сатина, гольфы.

— Может, еще чего не хватает? Вспомните.

Торопыгина показала на останки кровати:

— Под ней пустой чемодан стоял.

Она даже наклонилась, заглядывая под кровать, хотя та насквозь просматривалась.

Бригов поскреб переносицу. Да, чемодан сгореть не мог, так как на полу на этом месте даже краска не повреждена. Если же предположить, что он все же сгорел, то должна найтись хотя бы металлическая фурнитура. Перебрали каждый уголек, перетерли пепел — ни одной железки.

Вечером лейтенант Бригов сидел в кабинете начальника горотдела милиции и обстоятельно докладывал. Даже не докладывал, а с юношеской непосредственностью убеждал сидящего перед ним человека:

— Такие случаи, товарищ подполковник, в следственной практике не единичны (тут начальник едва не улыбнулся — следственная практика Захара Бригова исчислялась тремя месяцами). Делается это,— продолжал лейтенант,— чтобы навести работников милиции на ложный след. Мы лишены самого важного фактора — вести дело по горячим следам. Со времени пожара прошло несколько дней.

— Ваше решение?

— Искать. Преступника искать.

— Каким образом?

— Прежде всего надо выяснить, кто бывал у Торопыгиных накануне пожара. Возможно, появится зацепка. Во-вторых, надо ознакомить весь личный состав с приметами исчезнувших вещей. Искать на базаре, в комиссионном... Может, ориентировку послать в ближайшие райотделы?

— Пошлем. Еще?

— Пока все.

— Действуйте.

Бригов вновь встретился с Торопыгиной. На этот раз он отправился прямо на завод, дождался обеденного перерыва и пошел с Любовью Ивановной в столовую. Проголодавшийся, он с удовольствием хлебал заводской суп и уминал хорошо сдобренный перцем гуляш. Разговор поэтому отложился «на после».

Сели в цеховом скверике на скамейку, пахнущую свежей краской.

— Любовь Ивановна, вспомните, кто приходил к вам накануне пожара? За день, за два. А может и в тот день.

Торопыгина перечислила родных, знакомых, но заподозрить их у нее не было никаких оснований. И Семкина вне подозрений.

— Какая Семкина?

— У нас в цехе работала. Славная такая женщина.

— Минутку. Работала. А сейчас?

— Болеет, говорят.

Бригов разыскал мастера. Тот вспомнил не сразу.

— А-а, которая цех подметала? Она и недели не работала. Исчезла куда-то.

— На работу вы ее оформляли?

— Не дорос еще до этого,— ответил мастер.— Из отдела кадров прислали.

Бригов спросил Торопыгину:

— В день пожара Семкина была у вас?

— Да, утром.

— О чем вы с ней говорили?

— Я уж не помню сейчас. О разном.

— Возможно, вы покупками хвалились?

— Было. Сказала, что с мужем на юг собираемся. И отрез показывала, и подкладку шелковую...

— Зачем она приходила?

— Так просто, по пути. Она недавно приехала, никого у нее нет тут. Ни родных, ни знакомых. Десятку в долг попросила.

Пока шли в отдел кадров, Бригов мысленно представил, как развивались события после ухода Торопыгиной на работу. Стоя где-то за углом и прижимая спрятанную за пазухой бутылку с керосином, Семкина поджидала, когда опустеет квартира. Потом, когда Торопыгина отошла от дома достаточно далеко, она поспешила к двери, за обивкой которой хранился ключ.

Вещи собрала в чемодан. В тот, что стоял под кроватью. Что не вошло, связала в узел снятым с кровати покрывалом. Поставила на комод плитку, облила керосином стены, постель, мебель...

В отделе кадров показали единственный документ, оставленный Семкиной. Это была справка, что некая Семкина Вера Васильевна находилась в больнице с такого-то и по такое-то число.

Инспектор по кадрам пояснил:

— Трудовую книжку, сказала, отдала на хранение знакомой, а та уехала — потом принесет. А ей жить надо, ребенка кормить...

Бригов покрутил диск телефона, долго слушал длинные гудки. Наконец: «Дежурный по горотделу старший сержант...»

— Вы что, заснули, старший сержант? — басом остановил его Бригов.— Это говорит следователь Бригов. Пробейте по адресному: «Семкина Вера Васильевна, примерно тридцати лет». Через пять минут позвоню.

Через пять минут дежурный сообщил адрес Семкиной Веры Васильевны.

— Только ей не тридцать, а сорок пять. Работает учительницей в школе-интернате,— чем-то недовольный, крикнул в трубку старший сержант.

— Что случилось? — спросил кадровик, глядя на оторопевшего Бригова.

Лейтенант хотел сказать ему кое-что нравоучительное, но, глянув на лысину, блестевшую под электрической лампочкой, на ее седую окантовку, передумал.

В цехе он грубовато сказал Торопыгиной:

— После работы зайдите ко мне. И без задержек.

Любовь Ивановна пришла вместе с мужем.

— Какая она из себя?

— Кто?

— Кто, кто... Эта, что Семкиной назвалась.

Любови Ивановне не понравился тон Бригова («подумаешь, шишка»), но обидеться она побоялась. Напрягла память.

— Лет тридцати. Вот такого росточку,— показала чуть ниже себя.

— Среднего, значит?

— Да, меня высокой считают.

— Особые приметы какие-нибудь есть?

— Не знаю. Обыкновенная. Какие уж тут приметы.

— Ну, глаза, волосы.

— Рыжая она,— вставил свое Торопыгин и виновато заерзал.

Но жена одобрила его поведение и подтвердила:

— Да, да. Она рыжая.

— Не крашеная?

— Нет, рыжая.

— Может, еще что добавите?

— Все, вроде.

Бригов открыл сейф, вынул оттуда какую-то интересную штуку. Вроде аквариума. Только без днища. Стенки из органического стекла с дырочками в два ряда. Между ними карточки зажаты.

Следователь поколдовал над бумажками, сунул несколько спиц в дырки, поднял этот аквариум, потряс. Из него высыпалось на стол несколько карточек. Следователь хмыкнул:

— Семнадцать женщин, среднего роста от тридцати до тридцати пяти. Поищем среди них рыжую.

Через две минуты он уже задумчиво вчитывался в написанное на перфорированной карточке.

— Послушайте, Любовь Ивановна, у вашей Семкиной есть татуировка на правой руке? Вот тут, маленькими буквами: «Коля».

Торопыгина радостно подскочила:

— Есть, «Коля» написано.

— Отлично. А два передних зуба из белого металла вы не заметили?

— Верно, два зуба...

Бригов победно улыбнулся.

— Так вот, если карточки не врут, то ваша Семкина не Семкина, а Борисова Агния Петровна, дважды судимая за квартирные кражи.

Вскоре, заручившись согласием начальства и прихватив погорельцев, Бригов на «линейке» выехал по адресу Борисовой.

Остановились около низкого деревянного домика с палисадником. Ставни двух окон, выходящих на улицу, были по-

вечернему закрыты. В щели между ними пробивался яркий свет.

— Я зайду первым,— сказал Бригов,— через минуту — вы.

В ответ на его стук послышалось:

— Кто?

— Из уличного комитета, насчет озеленения...

Загремела щеколда. Простоволосая сгорбленная старушка посеменила через сенки в комнату.

Жилье старушки — кухня да комнатушка за дощатой перегородкой. Русская печь, как дредноут, треть помещения занимает. На ней мохнатый кот ростом с добрую собаку. Прижавшись к кирпичному теплу, в кухне сидела женщина. Она равнодушно глядела на вошедшего Бригова. Видимо, ждала, что он насчет посадки деревьев скажет. На работников милиции, когда они в форме, смотрят совсем иначе. Даже невиноватые. Бригов был в штатском.

— Борисова Агния Петровна, если не ошибаюсь?

— Борисова. А что? — спросила женщина настороженно и показала свои два приметных зуба.

— Я из милиции. Следователь,— ответил Бригов и весело добавил: — Ваших знакомых привел.

Он уже слышал, что его спутники вошли.

Женщина покосилась на Торопыгиных, пожала плечами.

— В первый раз вижу.

Бригов растерянно заморгал, соображая, что говорить дальше. Выручила Любовь Ивановна:

— Вера Васильевна, да как же так?

— Какая она вам Вера! — рассердился озадаченный поначалу Бригов.— А ну, одевайтесь!

...В одном лишь Бригов ошибся, когда мысленно рисовал картину преступления. Обливала Борисова мебель не керосином, а бензином, и принесла его не в бутылке, а в пластмассовой фляге.

Утром следователь лейтенант Бригов столкнулся в коридоре горотдела с инспектором пожарного надзора старшим лейтенантом Павлом Дедюхиным. Сегодня Дедюхин не кашлял. Видно, сгинула хворь. Только след свой она все же оставила — на губе Павла Дедюхина красовалась простудная болячка.

Старший лейтенант спешил, поэтому уколол Бригова этак мимоходом:

— Установил причину загорания, товарищ следователь?

На интонацию Бригов не обратил внимания, на вопрос ответил:

— Установил. Вот она, эта причина,— кивнул в конец коридора.

В это время Борисову выводили на допрос.

* * *

С укреплением советского строя в нашей стране в основном искоренена профессиональная преступность. Странно слышать теперь такие слова как «домушник», «медвежатник», «портфелист», «тряпичник» и т. п. А ведь эти слова означали профессии людей, избравших противозаконный путь приобретения средств для жизни, людей, ставших паразитами общества.

Нынче такие «специалисты» перевелись. Но с отмиранием профессиональной преступности не исчезла преступность вообще — кражи, мошенничество, злостное хулиганство. Серьезно тревожат административные органы нашего государства такие особо опасные преступления, как убийства, грабежи, разбойные нападения. Но и их совершают не лица, посвятившие себя преступной деятельности, а в какой-то степени обыкновенные люди. Только эти «обыкновенные» где-то вышли из налаженного ритма жизни, встали на путь пьянства, морального и бытового разложения.

Вехи, отмечающие путь падения, не трудно проследить. Это, прежде всего, недостаток воспитания в семье, затем — в школе, и, наконец, если человек все же сумел добраться до этой ступеньки, минуя карательные органы,— на производстве. Вот почему с каждым годом функции воспитательного значения занимают в разносторонней деятельности милиции все больше и больше места.

Формы этой работы многообразны. Тут и широкая сеть детских комнат, к деятельности которых привлекаются тысячи общественников: передовики производства, педагоги, спортивные, оборонные и другие организации. Тут и учет так называемых неблагополучных семей, и жесткие меры к взрослым, которые приобщают молодежь к неблаговидным поступкам, и тесная связь милиции со всеми организациями, которые могут воздействовать на того или иного человека, уклоняющегося от правил социалистического общежития, и широкая повседневная опора на общественность...

В сочетании всех этих сторон своей многообразной деятельности и состоит сила нашей народной милиции.

...С момента зарождения советской рабоче-крестьянской милиции прошло более 50 лет.

Суровое, романтическое время зарождения и становления Советской власти становится историей, и мы бережно храним каждую страничку этой истории. Бесценной является и история нашей милиции. Свое достойное место занимает в ней боевой путь уральской милиции, встречавшей все жизненные бури с открытым лицом.

ОБ АВТОРЕ

Анатолий Иванович Трофимов родился в 1924 году в Тюменской области. Работал матросом спасательной службы, прокатчиком на Верх-Исетском металлургическом заводе. В 1942 году поступил в Одесское ордена Ленина артиллерийское училище, а через год в звании лейтенанта уехал на фронт. Командовал взводом разведки, артиллерийской батареей. Трижды был ранен, имеет одиннадцать правительственных наград.

Первые стихи и очерки А. И. Трофимова публиковались в 1944 году в военной печати. С 1946 года он работал в различных военных газетах. Его очерки и рассказы печатались в сборниках, альманахах, журналах.

А. И. Трофимов — автор книги «Вечно живой», «Визовские», сборника рассказов для детей «Митяй идет в разведку», повести «Просто соседи», сборников рассказов «День рождения» и «Одному идти трудно». Работал заведующим отделом газеты «Уральский рабочий», в 1965 году перешел в органы Управления внутренних дел Свердловского облисполкома, майор милиции.

Знакомство с архивными материалами, ветеранами милиции, старыми большевиками позволило ему собрать обширный материал для предлагаемой книги. Это документальное повествование о прошлом и настоящем Свердловской милиции, о ее многотрудной героической работе, о людях высокого профессионального мастерства, умеющих раскрывать сложные преступления.

Книга адресуется широкому кругу читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Трофимов Анатолий Иванович. КО ВСЕМ БУРЯМ ЛИЦОМ.
Редактор В. Лошак. Художник А. Каптиков. Художественный редактор Я. Чернихов. Технический редактор Л. Голобокова. Корректор Г. Журавлева. Сдано в набор 25/II 1971 г. Подписано в печать 14/V 1971 г. НС 17505. Бумага тип. № 3. Формат 60×90/16. Уч.-изд. л. 8,1. Усл. печ. л. 8,0. Тираж 65 000. Заказ 131. Цена 34 коп.

Средне-Уральское Книжное Издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

34 коп.

Средне-Уральское Книжное Издательство
Свердловск, 1971